

Алексей Лукьянов

Цунами

Книга первая
СОТРЯСАТЕЛИ ЗЕМЛИ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л58

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Лукьянов, А.

Л58 Цунами. Книга первая: Сотрясатели земли / Алексей Лукьянов — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

1999 год. Егор и Юся Кругловы остаются без попечения взрослых. Впереди их не ждёт ничего хорошего. Инвалидность превратила братьев в мрачных мизантропов. Однако появление таинственного незнакомца коренным образом меняет скучную и беспросветную жизнь провинциальных ребят. Они обретаю суперсилу и врага, который хочет эту силу отнять.

Новые таланты будто магнит притягивают к братьям приключения. Они переживают землетрясение и цунами, смерть и предательство в поисках дома и семьи.

Но совместимы ли семья и суперсила? Вопрос один на двоих, однако решить его братья должны каждый сам для себя.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л58

ISBN 978-5-904454-60-9

© Рыков К., 2012
© Лукьянов А., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

Некогда это был десантный бот серии Р-376 «Ярославец», способный передвигаться как по реке, так и по морю (в пределах своего класса, конечно). Однако время шло, «Ярославец» списали из военного флота в гражданский, срезали турель, чтобы не заслоняла обзор, отремонтировали, провели отопление, каюты отделали под изнеженных гражданских лиц и пустили курсировать морского волка вдоль берега в качестве прогулочной яхты. И обслуживали его два капитана — Грузин и Татарин.

То есть по штатному расписанию на катере был только один капитан — Грузин, а Татарин числился мотористом, но чего считать, если экипаж всего из двух человек?

У капитанов не только фамилии были похожи, звали их тоже одинаково — Борис и Глеб. Боре Грузину недавно стукнуло шестьдесят, а Глеб Татарин не дошел пока и до тридцати, поэтому всю работу на катере выполнял именно он, а Грузин в это время рассуждал о бесконечности.

Бесконечность была для капитанов предметом рассуждений, мечтаний и горячих споров. Сядут они чай пить — и начинают мусолить: бесконечность! За этими разговорами о вечном мы с ними и познакомились.

— Ты кто? — спросил Грузин, когда мы, едва не грохнувшись, спустились в каюту.

— То есть вы, — смущенно поправился Татарин, когда разглядел нас получше.

Юся затряс плечами и запел:

— Ай, нанэ!

— Вижу, что не китайцы. — Грузин ничуть не смутился нашим с Юсей совместным обликом, или смутился, но виду не подал. — Чего надо?

— Мы пришли бот угнать, — признался я.

— Чего?

— Мы угоняем бот, — повторил я и уточнил: — Это ведь десантный бот серии эр-триста семьдесят шесть?

— Да, «Ярославец». А куда погоним? В Японию? — спросил Татарин, будто катера здесь угоняют по десять раз на дню.

— Да садись ты, не мельтеши, — перебил его Грузин и подвинулся на скамье. — В смысле — садитесь. Чаю выпьем, а потом уже о делах поговорим.

Я не расположен был чаевничать, а уж говорить с капитанами о делах — и подавно. В идеале операция представлялась мне очень просто: капитаны должны вытащить нас на палубу, чтобы дать пинка под зад, мы аккуратненько, чтобы ничего не сломать, устраиваем легкий толчок земли, небольшим цунами капитанов смывает за борт, мы терпеливо ждем, пока капитаны выползут на берег, и только удостоверившись, что жертв нет и не предвидится, угоняем катер.

Но Юся увидел печенье, услышал заветное «чай» — и занял. Если у вас есть брат-олигофрен, вы поймете, что уговаривать его бессмысленно, поможет только переключение внимания. Как назло, шоколадки у меня закончились, а та жалкая ириска, что затерялась где-то в недрах сумки, вряд ли могла соперничать с горой душистой домашней выпечки. Поэтому я согласился.

Заварки и сахара капитаны не жалели. Они оказались весьма радушными хозяевами, выставили на стол, кроме печенья, колбасу и сыр, и Юся метал все это в бездонное свое чрево, и пока он был занят, капитаны спросили меня про бесконечность.

— В смысле? — не понял я вопроса.

— Ну вот — бесконечность, — попытался объяснить Татарин. — Можешь ты понять, что это такое?

Я не совсем понял, зачем мне это, но капитаны считали святым долгом объяснять необъяснимое случайным знакомцам. Они заставили меня представить километровый гранитный куб, к которому раз в сто лет приходит мужик с газовым платком в руке. Этим платком мужик бьет по граниту один раз — и уходит. И вот когда от этих ударов куб сточится, тогда и пройдет бесконечность.

Воцарилось молчание. Капитаны смотрели на меня и ждали реакции. Я, в свою очередь, смотрел на них и ждал продолжения. Юся, не отвлекаясь на ерунду, прикончил печенье и занялся колбасой.

— Ну, ты понял? — Татарин, по всей видимости, не терпел тишины.

— А зачем мужику раз в сто лет приходить к этому камню? — уточнил я. — Можно хлестать гранит косынкой без перерыва, все равно пройдет бесконечность, прежде чем камень сточится.

— Ну, это уже не бесконечность, — махнул рукой Татарин и посмотрел на Грузина — согласен ли? Грузин был согласен.

— А что тогда?

— Это... — Капитан-моторист задумался, но очень быстро понял, что поставленный мною мысленный эксперимент можно расценивать лишь как издевательство над идеей бесконечности. — Ничего ты не понял.

— Молодые они еще, — заступился за нас капитан-капитан. — Так что ты там говорил насчет террористического акта?

— Никакого терроризма, — обиделся я. — Мы просто катер угоним, а потом обратно пришьем. С оказией.

— Как это — никакого терроризма? — усмехнулся Грузин. — Вы же угоном судна совершите акт устрашения.

— Нет, мы только акт угона совершим.

Назревало недопонимание. Капитаны обиделись за бесконечность и теперь в отместку инкриминировали нам двести пятую статью уголовного кодекса.

— Иными словами, — я даже задохнулся от изящества моей мысли, — мы собираемся совершить деяние, которое станет достоянием бесконечности.

Мысль о том, что их катер может стать достоянием бесконечности, привела капитанов в восторженное неистовство. Мужики внезапно увидели небо в алмазах, услышали музыку сфер, обоняли запах бессмертия.

— Але, гараж, — я грубо прервал их грезы. — Бесконечность не может принять всех желающих, вам придется сойти с борта.

— Ага, — мечтательно согласился Татарин и уточнил: — А вы катером управлять умеете?

Вот об этом я как-то и не подумал.

— Ладно, уговорили, — согласился я. — Но у нас есть заложники.

— Вы точно террористы, — восхитился Грузин. — А если мы не поддадимся?

Какое кокетство...

— Вот как раз вы не заложники, а пособники террористов, — объяснил я капитану. — Заложники у нас наверху, по пирсу гуляют. Так что катер надо вести аккуратно, чтобы их не укачало.

Мы еще обсудили пару вопросов касательно оплаты труда и ударили по рукам.

ЧАСТЬ 1

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОНПЕЕВ

1

Ну вот, думала Вика, меня похитило чудовище. Я точно красавица. Но выйти замуж пока не могу. Папа говорит, что до совершеннолетия о замужестве думать бессмысленно — никто не разрешит. Зачем я тогда чудовищу? Может, чтобы съесть? В таком случае должен быть прекрасный принц на белом коне. Хотя, конечно, по океану конь не проскачет. Может, прекрасный принц на речном коне? Речными конями древние греки называли бегемотов. Прекрасный принц на белом гиппопотаме... Есть еще Глеб, который капитан, но он старый, хоть и симпатичный. Нет, он не прекрасный принц. К тому же у него жена есть. А дядя Боря тем более не принц, он дедушка, у него тоже семья.

Вика вздохнула и посмотрела на чудовище. Оно храпело на соседней скамейке, в два горла, и за пленницей, похоже, следить не собиралось. Это Виксе казалось немного обидным, но, с другой стороны, куда ей деваться, когда вокруг вода? Плавать она все равно не умеет. И если уж быть до конца честной, то никто ее не похищал, она сама прилипла.

Вика вздохнула и пошла наверх, подышать.

В рубке стоял дядя Боря, толстый вальяжный мужчина с хвостиком темно-русых, едва начавших сесть волос.

— А, заложница, — поздоровался он. — Чего не спишь?

— Чудовище храпит, — сказала Вика.

Дядя Боря кивнул:

— Я тоже храплю. И жена у меня храпит, и дети, и внуки. И никто не замечает. Тебе тоже храпеть надо.

— Я не умею.

— Учись.

— У кого?

— У чудовища своего.

Странно, что дяде Боре и Глебу чудовище не казалось страшным. То есть Вика чудовища тоже не боялась, но она с ним давно была знакома, а эти дяденьки его впервые увидели совсем недавно, а уже почти дружили. Это называется «стокгольмский синдром», когда преступник и жертва начинают дружить, папа рассказывал, он у Виксы в милиции работает. Ищет ее сейчас, наверное.

— А как ты вообще к Егору в лапы угодила? — спросил дядя Боря.

— Это еще кто к кому угодил, — хмыкнула Вика.

2

...Мебель, как придурочная, прыгала по квартире, хлопали все двери, звенела, отплясывая на полках, посуда, раскачивалась пьяным матросом люстра, и Вика тоже раскачивалась в кровати, как на лодке.

— Надо встать в дверной проем, — бормотала Вика. — Там стена капитальная, меня не завалит.

Нельзя сказать, что на Урале землетрясения — такое уж частое явление, чтобы ребенок твердо знал, что ему делать во время подземных толчков. Однако Вика, по словам мамы, была редкой разиней. Часто во время урока она отключалась и глазела на стенд гражданской обороны. Она машинально читала текст, смысла которого почти не понимала, и мысленно представляла себе, что же там такое произошло, внутри этих картинок, отчего все взрывалось, рушилось, горело и тонуло? Дяденьки, тетеньки и дети куда-то бежали, где-то прятались, только одни делали это правильно, а другие — нет. Вика часто думала — а что с ними потом стало? Спаслись или нет?

Если бы у Виксы специально спросили, что именно она узнала из прочитанного, она, скорее всего, запуталась бы и ничего толком не ответила. Но в самый неподходящий момент она,

ни к селу ни к городу, вдруг сообщала, что при сильном урагане на открытом пространстве нужно найти ямку или дренажную канаву и лечь вниз лицом. Или какая скорость у верхового пожара.

Однако сегодня эти сведения всплыли весьма к месту. Вика осторожно вылезла из кровати, и, пытаясь удержать равновесие, пошла к балконной двери.

Тряхнуло так, что пол ушел из-под ног, и девочка упала.

— Не реви, — сказала Вика себе.

Она очень сильно испугалась, но демонстрировать страх было некому, и потому она решила не тратить время зря. Не случайно на ее дневнике написано: «Спокойствие, только спокойствие!» Пока дети дома, ничего плохого с ними случиться не может, так всегда говорит Викина мама.

Правда, мама ничего не говорила про землетрясение, но этот вопрос они решат потом. Сейчас важно добраться до балкона и встать в дверной проем. Вика была абсолютно уверена, что с ней ничего не случится. Она слишком живая для смерти.

— Поползли, — сказала Вика.

На самом деле ей хотелось пиццать «мамочка» и опрометью бежать из дома, но здравого смысла в девочке было куда больше, чем животного ужаса.

Снова тряхнуло, да так, что рухнул сервант, звякнув коротко и сердито, будто ящик с бутылками, сброшенный с грузовика. Вика истошно завизжала, но не потому, что испугалась, а от неожиданности. Едва воздух в легких закончился, Вика почувствовала, что вместе с визгом она выдохнула из себя лишний страх. Отдышавшись, она стала огибать сервант, тщательно ощупывая впереди себя пол — нет ли где битого стекла.

Виксе показалось несправедливым, что вся красивая хрустальная утварь, хранившаяся в серванте, разбилась именно так: разом и без продолжительного печального звона. Мама очень любила этот старый хрусталь, потому что ее мама очень долго собирала все эти фужеры, рюмки, салатницы и блюда, раньше этой красоты было почему-то мало и стоила она дорого. Виксе и самой

нависало, как солнце играет в холодных гранях хрустала, рассыпая по комнате радуги. Папа же сердился, называл хрусталь «пережитком совка» и «пылесборником». Наверное, именно из-за хрустала мама с папой и не живут сейчас вместе. С другой стороны, хрусталь разбился, может, и мама с папой помирятся? Говорят же, что посуда к счастью бьется.

Медленно, но верно Вика обогнула препятствие, дождалась завершения очередной серии толчков, и открыла балкон.

В этот момент все прекратилось, будто и не бывало. Может, что-то на заводе взорвалось? Папа рассказывал, что раньше в пороховом цехе «Красного знамени» часто случались взрывы. Может, и нынче что-то такое случилось?

Но ни дыма, ни других взрывов не было, небо было чистым

Этажом ниже слышалась какая-то шумная возня, которой из-за общего грохота и суматохи Вика сначала и не услышала. Она осторожно, чтобы не быть обнаруженной (все-таки она была не одета), посмотрела вниз.

На нижнем балконе стояли братья Кругловы. Вика их не боялась, Кругловы, в общем, были ребята неопасные, а тот, которого звали Егор, так и вовсе воспитанный. Их дедушка был папиным начальником, когда папа еще на заводе работал. Дедушку Круглова все Понпеи знали и уважали, а вот внуков его как-то все недолюбливали. Они, вроде, никого не обижали никогда, но братьев Кругловых все называли уродами, и с ними никто не дружил.

Сейчас братья ссорились, Егор что-то отнимал у Юси, и Юся страшно рычал и топал ногой. Казалось, землетрясение их никак не взволновало. Вика прикинулась ветошью и вся обратилась в слух. Оперативник всегда на работе, говорит папа, даже когда водку пьет. Вика водку не пила, поэтому ей полагалось быть на чеку все время. Почти три часа ночи, а Кругловы торчат на балконе и едва ли не дерутся. Это даже не странно, а подозрительно.

— Отдай немедленно, — кряхтел Егор.

Юся упирался, сжимал зубы и мычал:

— Мааааё!

Викса чуть через перила не навернулась, когда услышала. Да и сам Егор, похоже, был крайне удивлен репликой брата.

Юся был дурачком, причем таким, который и говорить-то не умеет. Викса знала Кругловых всю жизнь и ни разу не слышала от Юси ни одного слова, кроме «Юся». Но чтобы вот так — «мое»!

— Чего ты сказал? — удивился Егор.

Викса, рискуя быть замеченной или вообще сверзиться вниз, свесилась через перила. В руке Егор держал на цепочке какой-то металлический предмет, видимо, из-за него братья и ссорились. Юся зарычал и выхватил эту штуку у брата.

— Да что ты дела... — начал было Егор, но тут дом тряхнуло.

Викса чудом не выпала с балкона — она только пребольно ударилась грудью о перила, так, что дух вышибло. Корчась от боли на бетонном полу, Викса слышала, как внизу возились Егор с Юсей, и чем ожесточеннее они возились, тем сильнее трясло.

— Прекрати сейчас же! — орал внизу Егор. — Дай сюда!

Держась за грудь и с трудом удерживая равновесие, Викса поднялась сначала на четвереньки, потом на ноги и наконец смогла увидеть, что творится вокруг.

С высоты пятого этажа город напоминал водяной матрас, на который прыгнул очень толстый человек, и от этого матрас заволновался. В нескольких местах мерцало оранжевое — начались пожары. Народ носился по улицам, кричал, падал, ревели маленькие дети, электричество почти нигде не горело.

А потом раздался продолжительный крик, исполненный такой муки и силы, что зубы свело и по коже поскакали крупные мурашки. Год назад в Понпеи приезжал зверинец, и Викса там впервые увидела ишака и даже слышала, как он орет. Душераздирающий звук. Теперь же казалось, что на великанской живоде рне мучают того самого ишака, только раз в сто крупнее. Или кто-то дует в исполинский саксофон. В один момент небо со всеми звездами приблизилось к земле едва ли не вплотную, и звезды, казалось, можно снять, не особенно даже вытягивая руку.

Под этот чудовищный аккомпанемент на самом краю Понпеев, там, где обычно над крышами встает солнце, искря электричеством, стремительно вспухала земля. Вот она вздыбилась выше заводских труб, заслонив горизонт, вот поползла на небо, будто хотела достать до луны.

Викса, вцепившись в косяк, во все глаза смотрела, как гора все выше и выше вырастает в сизом уральском небе. Может быть, это вулкан? Сейчас он как бабахнет, и весь город затопит огненная река, и все сгорят — и мама, и папа, и подруга Тоська, которая осталась за городом, и останется Викса одна-одинешенька.

— Я боюсь, — одними губами прошептала Викса. — Мамочка, я боюсь.

Что-то действительно бабахнуло, Понпеи радостно подпрыгнули на месте, будто это салют. Со всех сторон послышался вопль ужаса, и Викса тоже заголосила изо всех сил, но тут началось и вовсе необъяснимое. Земля задрожала, и гора стала уменьшаться в росте, еще стремительнее, чем выросла. Потом еще раз бабахнуло, да так, что луна подпрыгнула.

— Эй, вы, там, внизу! — заорала Викса. — Прекратите немедленно! Я папе скажу!

И тут же земля и небо успокоились, будто спросонья перевернулись с боку на бок, а теперь снова заснули. Только в ушах продолжал орать невидимый замученный зверь. Юся тяжело и грустно ныл, а Егор шикал на него.

— Я вас все равно слышу! — крикнула Викса.

— Заткнись, дура! — прошипел Егор.

— Сам дурак! Смотри, что ты натворил!

Но Кругловы не слушали, дверь на их балкон шумно захлопнулась.

На стенде гражданской обороны об этом не было сказано ни слова. Неужели землетрясения случаются из-за того, что дерутся двое братьев, хоть они и уроды? А кто еще знает? И поверят ли Виксе, если она расскажет?

Она решила, что постоит еще полчаса — не появятся ли хулиганы опять, не начнется ли все заново? Но когда вам двенадцать

лет, а накануне вы ездили на пикник, где несколько часов шатались по лесу, купались в озере, ели шашлык, гоняли пса, потом еще в Понпеях бегали по друзьям, да еще прибежали домой за полночь, потому что мама в больнице на смене, а потом началось землетрясение с почти вулканом... Нет, этого слишком много для юного растущего организма. Сначала Вика присела на порожек балкона. Потом перебралась в кресло, которое чудом не попало под упавший сервант.

— Не спать, — сказала она себе. — Вдруг они снова начнут? Так и заснула, свернувшись калачиком в кресле.

3

Проснулась Вика уже утром, в постели. Сервант лежал в том же положении, никто его даже не пытался поднять. На кухне кто-то разговаривал. Вика тихонько вылезла из-под одеяла и на цыпочках пошла подслушивать.

Говорили папа и мама, и, судя по голосам, отнюдь не мирились.

— И что, ты был так занят, что не мог приехать и посмотреть, что с твоим ребенком?

— Мы уже обсудили это, Ксюша, давай не начинать снова?

— Ну конечно, Иван Иванович спокойны, как удав, чего мне-то нервничать? Поглядел издаля — дом вроде стоит, и слава богу, зачем куда-то идти!

— Вы мне вчера все уши прожужжали, что за город на ночь поехали. Ты почему-то мне не позвонила, не предупредила, что тебя на работу вызвали?

— А ты позвонить не мог?

— Куда? За город?

Вика схватилась за голову. Мама вчера велела позвонить папе на работу и предупредить, что ночует дома одна, чтобы папа приехал и навестил ее. Точно, она вчера так забегалась, что забыла обо всем на свете. За это мама не похвалит. И папа тоже.

Папа, конечно, мог спросить у мамы, почему она сама не позвонила ему на работу, но он знает, что для мамы говорить по

телефону — сущее мучение. И на самом деле мама, конечно, не хотела брать Виксу с собой, и лучше оставила бы на ночь у Смирновых. Маме прислали на пейджер сообщение: попросили выйти в ночную смену, потому что слишком много мамочек рожать собрались и требуется еще один анестезиолог. Очередной выходной насмарку. Но Виксе как раз не улыбалось торчать на даче у вредной Тоськи, да еще без мамы, до завтрашнего утра. Вика прямо клещом вцепилась: возьми с собой в город да возьми. На даче у Смирновых ни компьютера, ни Интернета, один только ящик, и тот черно-белый. Зато у Вики отличный «пентюх» — хоть кино смотри, хоть в Интернете ползай. Мама это понимала, и, скрепя сердце, взяла дочку с собой. Так что, если разобраться, она сама была виновата... И Вика тоже.

Мама заплакала. Папа нерешительно попросил ее не расстраиваться, ведь обошлось же. Но мама плакала все горше и горше, и папе пришлось ее обнять.

Может, и помирятся, решила про себя Вика.

— Сколько времени? — спросила она как ни в чем не бывало.

Сначала ей влетело от мамы. Потом от папы. Потом от обоих сразу. Это можно было снести, это ненадолго. Мама сейчас выпустит пар, повеселеет, Виксу усадят за стол, накормят, расскажут все, чего она не знает.

Так и получилось. Электричества в городе все еще не было, но газовые коммуникации и водопровод, по счастью, не пострадали, так что мама изжарила гренки, вскипятила чай, и все сели завтракать. Папа рассказал о том, что узнал за истекшие сутки.

Местность в городе и районе изменилась чрезвычайно. Садово-огородное товарищество «Ягодка» оказалось скрыто, вместе со всем урожаем, огородными постройками, системой водоснабжения и электрификации. Там, где ночью вздыбилась гора, наутро обнаружился внушительный провал, заполненный водой, вывернутыми с корнем деревьями, водопроводными трубами, мачтами электропередач, проводами, битым кирпичом — все нужное и полезное обернулось обычным мусором.

Кто-то предположил, что виной всему — метан, прорвавшийся из глубин земли. В этих местах было много карстовых пустот, как под городом, так и вокруг. Именно шум газа в бесконечных известковых тоннелях жители Понпеев и восприняли как рев умирающего зверя. А потом газ взорвался, известняк кое-где обрушился — вот и получилось землетрясение.

Интересней всего получилось с рекой Талинкой, протекавшей ранее через весь город и постепенно иссыхавшей. Она просто-напросто исчезла. Осталось только песчаное дно, превратившееся в топкую жижу, покрытую бутылками, банками, металлоломом, гнилыми досками и прочими следами человеческой жизнедеятельности. Обнаружили пропажу за городом: она ушла с открытого пространства в лес, почти за пять километров от города. Река преспокойно текла в новом русле — раньше в этом месте пролегал длинный, через весь лес, овраг. Вообще, Талинка в ландшафт вписалась очень хорошо, единственное, что делало ее непохожей на обычную среднерусскую реку, — отсутствие живности по берегам. Ни уток, ни куликов-перевозчиков, только рыба плещется, озадаченная новым рельефом. Папа так и сказал: «Но рыба в Каме была». Вика догадывалась, что это цитата, но откуда — пока не знала.

В отличие от природы, Понпеи, конечно, ночной катаклизм перенесли гораздо хуже. По улицам как Мамай прошел: битые стекла, вывалившиеся из кладки кирпичи, колотый шифер, смятое кровельное железо, поваленные заборы. Даже удивительно было, что никто серьезно не пострадал, обошлось только синяками да ссадинами. Мама сказала, что готова в Бога поверить, потому что ни одного трупа за ночь, и автономная электростанция в больнице без перебоев работала, спасибо буржуинам. И папа тоже был рад, потому что нынче ночью даже случаев мародерства не зарегистрировали — настолько народ перепугался.

Родители так увлеклись своими рассказами о пережитой ночи, что совершенно забыли спросить у Вики, что было с ней. Может, так даже и лучше, думала она, запивая гренку чаем. Рассказывать

всю правду не стоит — точно не поверят. Это во-первых. А во-вторых, доказательств у нее кот наплакал, да и те не запротоколированы.

Но зато есть главный подозреваемый, и он только что вошел во двор с большим пакетом — видимо, ходил в магазин. Что же, Викас выведет его на чистую воду.

— Стой, ты куда? — крикнула мама.

— Побегу, посмотрю, что там с Талинкой стало, — соврала Викас.

4

Ее так и подмывало выскочить Кругловым навстречу и задать пару вопросов. Но торопиться не стоило. Ничего, никуда не денутся. Главное сейчас, чтобы они не начали крушить все налево и направо. Вон, весь город перетряхнули, папа говорит, люди дома спать боятся. Удивительно, как это никого не прибили.

Пакет волок Егор, а Юся рядом просто пускал пузыри. Все-таки он совсем урод, Егор хоть нормальный... относительно брата.

Когда до подъезда оставалось метров двадцать, Юся неожиданно — даже Викас испугалась — повернулся, единственной своей рукой влез в нагрудный карман на рубашке брата и с небывалой ловкостью для такой неловкой руки выхватил оттуда блестящую подвеску — не то кулон, не то медальон, папа сказал бы «украшение из отполированного металла». И немедленно засунул себе в рот, только цепочка снаружи осталась. Викас почудилось, что воздух загудел, словно трансформаторная будка или пчелиный рой.

Егор бросил пакет на асфальт, ухватился за свисающую цепочку и рванул с такой силой, что даже у Викасы зубы заныли. Юся взревел и полез в драку.

Дрались они нехорошо, по-кошачьи: царапались, шипели, норовили укусить друг друга, упали на колени и лупили руками вслепую, кто куда попадет. Как и в эту ночь на балконе. Только землю не трясло, потому что блестящая фиговина отлетела в сторону, и Викас тут же выпрыгнула из подъезда и схватила трофей.

Штуковина оказалась неожиданно тяжелой, золотые украшения весят намного легче. Это была мышка, такая, какими их рисуют в детских мультфильмах: собравшаяся в комочек, поджавшая хвостик. В общем — весьма симпатичная подвеска. Вика мышей не боялась, хотя точно знала, что они являются переносчиками опасных заболеваний. Вообще-то мышки — вполне себе симпатичные зверушки, однако не очень приятно, когда посреди ночи идешь в туалет, а там, на краю унитаза, сидит такая симпатяшка и чистится. Появляется какое-то брезгливое чувство. Но равнодушная к украшениям и брезгующая мышами Вика такой амулетик и сама бы с удовольствием носила.

— Вы не из-за этой фигни деретесь? — спросила она.

Драка тут же прекратилась. Егор испуганно поднял глаза на Виксу и стал подыматься с колен. Юся, даром, что только что пытался нанести брату увечья, помогал, при этом мыча «маё».

— Девочки, висюльку не поделили? — с притворной жалостью спросила Вика и даже прыснула, до того смешно ей это показалось: мальчишки носят дамское украшение, да еще и дерутся из-за него.

— Ты чего смеешься? — спросил Егор, обернувшись на Виксу.

— Я? Э... Нет, я ничего...

Но воображение Виксы всегда поспевало впереди осторожности. Предательский образ парней с серьгами в ушах, в платье с глубоким вырезом, с химической завивкой, в туфлях со стразами, на высокой платформе, с розовым педикюром, с бижутерией на коротких шеях — и ее подкосил хохот. Вика плюхнулась задом на асфальт и стала хохотать. Ей уже наплевать было, что сейчас уроды Кругловы схватят ее, оторвут голову и руки с ногами, и в таком виде сдадут родителям (от этого, признаться, еще смешнее становилось), но Кругловы в вечернем платье... ха-ха-ха!

Братья встали над Викторией устрашающей горой, но Егор как-то не решался обрушить на соседку сверху праведный гнев. Его, похоже, слегка озадачил истерический хохот юной девицы.

— Чего ржешь, спрашиваю? — повторил он вопрос.

Викса уже не хохотала, она икала и давилась:

— Я... ик... не могу... ик... хватит меня... ик... смешить...

— Спорим, я сейчас дуну — и ты улетишь, — злым шепотом прошипел Егор.

— Как... ик... в кино? — Викса уже и рада была остановиться, но опять воображение поскакало само по себе: нарисовало полет с беспорядочным размахиванием руками и ногами, цеплянием штанами и майкой за ветви деревьев и антенны, с обезумевшими от людской беспардонности птицами.

— Не могу больше... — выдохнула Викса. — Ну, дунь! Ха-ха-ха!

— Отдай мышонка.

— Нужен он мне сто лет, — фыркнула Викса и протянула талисман братьям.

За предметом потянулись оба, но Юсю Егор ударил по руке и пообещал наказать. Юся заныл, а Егор посмотрел на Виксу с таким видом, что она поняла — шутки кончились.

Викса хотела положить мышонка на ладонь Егору, но он ее остановил:

— Не так. За цепочку.

— А какая разница? — из упрямства взбрыкнула Викса.

— Пеняй на себя.

Егор сжал в руке не то амулет, не то украшение, и курчавые волосы на его голове вдруг распрямились и встали дыбом, как у пацанов в классе, когда они себе бошки шерстяным шарфом натирали, а потом в темноте искрились и воняли озоном. Викса почувствовала, что воздух вокруг дрожит и пульсирует на четыре такта, будто два сердца стучат.

Земля под Виксой будто взорвалась, и силой взрыва девочку подбросило в воздух, невысоко, но достаточно, чтобы она, пролетев несколько метров, приземлилась точнехонько в кучу песка, привезенную года два назад для ремонта, да так и закаменевшую. Песок оказался необычно мягким, будто бригада из ЖЭКа чуть раньше заботливо разрыхлила его ломami и тщательно просеяла, чтобы удалить камни, осколки кирпичей и прочий мусор.

Значит, это правда, успела подумать Вика вверх тормашками. Это он наш сервант опроки... ой!

Несмотря на мягкость песка, ударилась Вика ощутимо. Потирая коленки и лоб, она вылезла из кучи.

— Придурок бешенства, — сказала Вика Круглову.

— Все еще смешно? — прищурился Егор.

— Обхохочешься.

— Шкандыбала бы ты отсюда, сопля.

— И не подумаю, — холодея от ужаса, сказала Вика.

— Чего?

— Я тебя не боюсь.

— Почему?

— А потому что ты не страшный.

Егор еще больше озадачился. Он, видимо, не ожидал, что его не боятся (хотя Вика боялась, так сильно, что даже в туалет захотелось). Он разжал ладонь, и предмет медленно и тяжело, словно не хотел покидать руку хозяина, скользнул по цепочке вниз.

— Это оно? — спросила Вика.

— Не твое дело. — Егор быстро засунул предмет в карман.

— А можно посмотреть?

— Нельзя. Все, пошла отсюда, а то точно дуну.

— А потом покажешь?

— Отстань.

— Ну пожалуйста, я никому не скажу.

— Что ты можешь рассказать, сопля?

— Я не сопля, я Вика.

— Да хоть Хрюндигильда Карловна. Кыш отсюда!

— А тебя можно Егором звать?

— Я сейчас Юсе скажу, и он тебя поцелует.

Перспектива быть поцелованной уродом подействовала на Викасу отвращающе. Она решила, что волшебный амулет еще увидит. В конце концов, Егор этажом ниже живет, и не стоит доставать его слишком сильно.

А то и вправду поцелует.

— Кто тут у вас кого целует? — спросил Глеб, который пришел сменить капитана.

Глеб раньше тоже носил длинные волосы, но они мешали заниматься кун-фу. Он сначала в Карелии жил, но в его городе все пили с детства, поэтому Глеб, чтобы водку с детства не пить, сбежал из дома и скитался по миру, пока не пристроился в столице акулой пера. Это, насколько знала Вика, так журналистов называют. А потом он увлекся всем китайским, стал изучать язык, кун-фу, и даже женился на девушке, которая китайский язык знала. А потом они с женой решили, что хотят жить где-нибудь поближе к Китаю, и приехали во Владивосток, где Глеб и устроился на катер к дяде Боре.

— Чудовище поцелует красавицу, и она тоже станет чудовищем, — пошутил Боря.

— И когда аттракцион?

— Никогда, — обиделась Вика.

— Да ты не обижайся, Глеб тебя потом обратно поцелует, — засмеялся Боря.

— Ну да, конечно, — иронии Вика или не поняла, или не хотела понимать. — Он, между прочим, женатый.

— Логично, — смутился Глеб. — Ну, ты рассказывай, рассказывай, нам интересно.

Вика не стала возвращаться домой, она сбежала для очистки совести к речке, посмотрела на начавшее уже подсыхать дно, а только после решила вернуться, посмотреть, что там мама с папой делают.

Во дворе стояла незнакомая «волга» с незнакомыми дяденьками. В машине работала рация. Это была не милицмейская машина, по крайней мере не из папиного УВД, тамошние машины Вика знала наизусть. Может, новая пришла?

— Вы за папой? — спросила она.

— Ага, — кивнул водитель равнодушно.

Дурак. Вика его не знает, значит, и он с ней вряд ли знаком. Откуда же он может знать, за папой приехал или за дядей

Вадиком? Сейчас она спросит у папы, что это за подозрительные типы.

На четвертом этаже она столкнулась с еще одним дяденькой, который трезвонил в дверь Кругловых. Наверное, тоже на «волге» приехал, решила Вика.

— Их нет, — непонятно зачем соврала Вика.

— А куда они делись? — Дяденька был сама любезность.

— Сели недавно на такси и уехали. С большим чемоданом.

Дяденька сорвался с места и поскакал вниз.

— Яблоков, Яблоков! — кричал он.

— Не яблоков, а яблоч, — сказала Вика. — Не умеешь говорить — надо в ясельки ходить!

— Яблоков, они уехали на такси, срочно на вокзал! — донеслось снизу.

Вика поняла, что угадала и у Кругловых действительно проблемы с законом. Но почему тогда папа ни о чем подобном не сказал?

На улице заревел двигатель автомобиля, взвизгнули покрышки, потом все стихло. А потом щелкнул замок и дверь Кругловых приоткрылась.

— Проблемы с законом? — спросила Вика.

— Чего?

— Ну, ты же не имел лицензии землю трясти, да? Тебя вычислили и пришли арестовывать?

— Некогда мне, потом.

Но Вика продавила братьев обратно в квартиру и зашла. Удивительно, как просторно может быть в точно такой же, как у тебя, квартире. Никаких шкафов и сервантов, никаких полок с книгами, посудой и сувенирами, ни самодельной вышивки, ни постеров, вообще ничего, пустые стены. Только фотография бабушки с бабушкой.

Такая обстановка называется спартанской, вспомнила Вика. И представила себе спартанцев в набедренных повязках с короткими мечами, которые живут здесь, у Кругловых, в свободное от

походов время, готовят пищу на костре, который разводят тут же, на паркетe.

— Так, сопля, пошла отсюда, пока я тебя не провалил куда-нибудь в Австралию.

— Больно надо, ты и здесь-то ничего как следует сломать не смог!

Егор с Юсей сели на табурет и посмотрели на Виксу снизу вверх.

— Чего тебе надо?

Если бы она сама знала. Чего может хотеть девочка, у которой все есть? Мама, папа, своя комната, компьютер с играми и фильмами, подруга, красивая одежда. Раньше желания сыпались из Виксы, как сахар из дырявого кулька, а вот теперь простой, казалось, вопрос ставит ее в тупик.

Чего может хотеть человек, который всю жизнь только получал и почти ничего не отдавал?

— Чуда, — сказала она.

Усталое и невыспавшееся лицо Егора скривилось в усмешке.

— Чудес не бывает.

— А землетрясение?

— Это не чудо, а стихийное бедствие.

— Я серьезно!

— И я серьезно.

— А зачем к тебе этот дядька приходил?

— Неважно. Я все равно не успел.

— Чего не успел?

— Я уехать хотел сегодня, вон, продуктов купил в дорогу, бич-пакетов всяких, чаю, сахару, шоколадок. А они теперь на вокзале ждать будут.

— А ты можешь из Одинцово уехать?

— А как я туда попаду? Дороги плохие стали, автобусы не ходят, такси не вызвать — телефон не работает.

— Даже мобильный?

— А что толку? Передатчик ночью упал, сигнала нет.

Викса задумалась.

— А что будет, если тот дяденька тебя найдет?

— Заставит землетрясения делать.

— А ты не хочешь?

— Я — не хочу. А вот Юсе, похоже, нравится.

Понятно, почему они дрались, кивнула Вика. Следствие на правильном пути.

— Я тебе помогу.

— Как?

— Об косяк. Собирай свои манатки и пошли ко мне.

Егор посмотрел на Вика совсем иным взглядом: не как на соплю, а как на человека. А может, в его положении человека будешь в любой сопле искать?

Папа с мамой занимались уборкой.

Вика вкратце сказала, что Егор взял билет на поезд из Одинцово, а автобусы из-за землетрясения не ходят. Не мог бы папа на служебной машине доставить соседа... то есть соседей... к поезду?

— А когда поезд? — спросил папа.

— Через три часа.

— Тогда я сейчас немного тут приберу, схожу на работу и договорюсь. Часа через два если выедем — успеем?

— Наверное, — нерешительно ответил Егор.

Папа быстренько прибил, прикрутил и приклеил все, что отвалилось, и убежал на службу договариваться с машиной. И все получилось так, как Вика придумала. С одной оговоркой — ее не взяли.

— Домой беги, там еще пылесосить надо, мусор выносить, — сказал папа.

— Я с вами хочу, — заныла Вика.

— Закон суров, — напомнил папа.

— Но это закон, — насупилась Вика.

Но все же она еще постояла немного и посмотрела вслед «уазик», увозящему чудо из ее жизни. Когда «уазик» скрылся за поворотом, Вика собралась уже вернуться и помочь маме, как на плечо ей опустилась тяжелая мужская рука.

— Тебя родители не учили, что обманывать некрасиво?

— Я закричу, — пролепетала Вика.

— А я тебе шею сверну, — пообещал обманутый дяденька. — Где Кругловы?

— Уехали.

— Опять?

— Они сегодня неуловимые.

Дяденька пребольно сжал плечо.

— Девочка, я люблю шутить, но в свободное от работы время. Если ты мне сейчас не скажешь правду, я выдерну тебе руки и ноги, вставлю спички и скажу, что так и было.

Кричать надо было сразу, а не вдыхать полной грудью. Дяденька, видимо, был профессионалом и сразу закрыл Виксе рот. Тут же подъехала «волга», и Виксу запихнули внутрь.

— Автомобиль «газ тридцать один десять», государственный номер двести восемьдесят эр-эр, регион шестьдесят шестой, — сказала Вика, как только дяденька убрал руку.

— Чего? — опешили водитель и пассажиры.

— У меня папа в милиции работает, он вас поймает.

— Придется тебе еще и голову отрывать, — скорбно посмотрел дяденька на Виксу. — Слишком много ты знаешь.

— Тогда он вам... — и Вика сказала такое, что водитель едва в столб не врезался.

— Это тебя папа таким словам научил?

— Не ваше дело.

Дяденька схватил Виксу за шею и сильно сжал.

— Слушай и запоминай. Если ты не скажешь, куда уехали близнецы, папа твой не только не узнает, что с тобой произошло, но и сам потеряется. И мама тоже.

И пришлось Виксе выложить все.

«Волга» ехала с соблюдением всех скоростных режимов. Попадаться гаишникам с похищенным ребенком в кабине — это чревато последствиями, тут вряд ли сотней отделаешься. Так что по пути в Одинцово, соседний с Понпеями город, милицейский «уазик» догнать не удалось.

Зато в Одинцово Вика едва не завывала от досады: машина с папой ехала им навстречу — видимо, высадили Егора на вокзале и обратно рванули.

— Они? — насторожился дяденька.

— Нет, показалось, — огрызнулась Вика.

На вокзале стояли аж три милицейские машины, и Вика кивнула на самую грязную — мол, на этой папа Кругловых доставил.

— Скорый поезд Москва–Владивосток отправляется с первого пути, — объявил диктор. — Провожаящим срочно покинуть вагоны.

— Пойдешь со мной, — сказал дяденька. — Увидишь отца — дашь знать, я тебя отпущу. И смотри мне, без фокусов.

Хотят найти вагон, в котором Егор поедет, догадалась Вика. Не мог же папа инвалидов до вагона не довести. И поэтому, едва оказавшись на перроне, Вика бросилась в объятия первому попавшемуся капитану милиции:

— Папа, папа, этот дядька меня трогал!

— Ах, ты... — чертыхнулся дяденька.

Капитан заметался. Он не знал девочку, но волшебные слова про «дядька трогал» разбудили в нем стража законности и отцовские чувства.

— Ну-ка, ты! — заорал он и выхватил резиновую дубинку.

Короткий удар — и милиционер упал ничком и больше не шевелился. Вика с ужасом смотрела, как дяденька, разрезая толпу, словно нож масло, приближается к ней.

Заскрипели тормоза, поезд лягнул и начал медленно двигаться вдоль перрона, постепенно набирая скорость. Вика бежала вдоль вагонов, заглядывая в окна: где, где эти уроды, из-за которых она так влипла?

Дважды она оглядывалась. Дяденька равнодушным быстрым шагом нагонял ее. И когда между ними оставалось каких-то два метра, Вика метнулась — и запрыгнула в вагон.

— Ты куда? — возмутилась проводница.

— Тетенька, спасите, этот дядька меня трогал! — завизжала Вика.

Тетенька сказала пару нехороших слов и захлопнула дверь прямо перед яростным оскалом дяденьки. Он несколько раз постучал кулаками в стекло и побежал обратно.

6

Дверь в рубку открылась, и появилось чудовище.

— Вам чего всем не спится? — хмуро спросило оно.

— Тебе кости перемываем, — ответил Глеб.

Чудовище посмотрело на Викасу.

— Кто бы сомневался.

Чудовище опустилось на скамью, потеснив красавицу, и тяжело вздохнуло.

— А ты сам расскажи, как дело было, и мы успокоимся.

— Да мне-то что, говорите что хотите.

Все молчали и смотрели на чудовище.

— Идиот я, идиот, — созналось чудовище. — Связался с вами...

Это каким идиотом надо быть, чтобы жениться на женщине, которую зовут Далила Иудовна? Особенно когда тебя родители нарекли Самсоном. Но наш папа умом никогда не отличался. Красотой — да, метисы вообще очень красивыми бывают, а вот умом его как-то Господь обделил. Вместо ума у папы было большое сердце, талисман, ловкие руки и теща, которая по совместительству приходилась нам бабушкой. Ну и, конечно, наш дедушка.

Папа наполовину был цыганом. Об этом нам рассказал дедушка, папин папа. Дедушка Георгий влюбился в молодую цыганку и даже целый год прожил с ней в законном браке, но когда родился папа, цыганка не то сбежала со своим табором, не то ее силой увезли, дедушка толком сам не понял причин исчезновения жены. И вот Георгий стал воспитывать сына один. Самсон рос послушным мальчиком, красивым, опрятным, но совершенно без царя в голове. В школе его боялись даже самые отпетые хулиганы, ведь процессы в папиной голове протекали какие-то

термоядерные, на любые обиды он отвечал незамедлительно и жестоко. В шестом классе какой-то остряк пытался назвать его «Сальцом». «Самсон-Сальцо» — это казалось несчастному смешным. Папа в детские годы и впрямь был немного пухл — дедушка полагал, что пока толстый сохнет, худой сдохнет, поэтому пичкал сына едой, будто кабанчика откармливал. Самсон никак не отреагировал на обзывку. А на уроке физкультуры, когда обидчик подтягивался на турнике, с него свалились трусы. Как ему это удавалось — не знал никто, включая дедушку, и очень быстро, спустя несколько страшных отлучений, все поняли — лучше с Самсоном Кругловым не связываться, себе дороже. Старших обидчиков папа подстерегал по одному, подкрадывался сзади и бил тяжелыми тупыми предметами. Одному выбил глаз, другому сломал челюсть, третьему обеспечил сотрясение мозга... Очень скоро вокруг папы образовалось пустое пространство, никто не поворачивался к нему спиной, не разговаривал, не дружил, не здоровался, и его это вполне устраивало. А что дедушке Георгию приходилось потом расплачиваться за покалеченных старшеклассников, папу не волновало.

Только одно по-настоящему интересовало ум и волновало сердце Самсона — кораблики. Он плохо учился (я уже упоминал, что Господь находился в отпуске, когда папу зачинали?), не мог поддержать элементарной беседы, долго думал, с какой стороны подступить к унитазу, но кораблики у него получались замечательные. Дедушка пытался пристроить папу в судомодельный кружок, но Самсон долго там не протянул — сломал дрель, рубанок, коловорот, устроил пожар и едва не убил наставника молотком. В конце концов дедушка плюнул и позволил событиям и Самсону развиваться самостоятельно.

С грехом пополам папа закончил восьмилетку, служил в стройбате, недалеко от Геленджика, и был на таком хорошем счету у командира, что тот позволял ему жить в общежитии, прямо в Геленджике, поскольку именно там и был объект, на котором папа выполнял плотницкие и столярные работы.

Папа обладал тем редким видом внешности, который располагает к себе, несмотря на полное отсутствие мозгов у владельца. Девчонки висели на нем гроздьями, но папа только кораблики мастерил да торговал ими на местном рынке в свободное от работы время, на что, в общем, и жил.

Дембельнувшись, он снимал дощатый домик у Агнии Теодоровны Кац, оказавшейся к тому же землячкой — на юг она переехала откуда-то из наших краев. Папа помогал ей по хозяйству, и Агния просто нарадоваться не могла на молчаливого красавца с золотыми руками. А дочь Агнии Теодоровны, Даля, тоже в нем души не чаяла. Правда, Дале было всего шестнадцать, но недостаток этот преходящ. Далила не торопила событий, она была уверена, что Самсон никуда от нее не денется, сама росла и расцветала и отмахивалась от кавалеров, как от навозных мух.

И вот проходит год, Даля закончила школу, и тут ее как подменили. Самсон вдруг решил вернуться на родину, настроение чемоданное, а он на Дालю до сих пор внимания не обратил. Она начала сразу с тяжелой артиллерии. Нехорошо так говорить о родной маме, но мы с Юсей и не видели ее никогда, так что продолжу: Даля едва из трусиков не выпрыгивала, чтобы заполучить Самсона. Тут я немного теряюсь в догадках, зачем именно он ей был нужен. Ну, красавец, ну, силен чрезвычайно, ну, дружен с ремеслом, но ведь он и двух слов без мата связать не мог, и ничем, кроме корабликов своих, не интересовался. Даля была в интеллектуальном плане старше Самсона вдесятеро, ей даже со сверстниками скучно было, но любовь — она, видимо, действительно зла. Впрочем, персями своими и бедрами Далила, как ни старалась, привлечь молчаливого квартиранта не могла. Он по-прежнему что-то там мастерил, не отвлекаясь на всякую ерунду, не по причине морального облика, а потому что дурак был непроходимый.

Агния Теодоровна не могла не заметить дочкиных притязаний, она ужаснулась, когда поняла, что Даля хочет этого тупого кустаря. Однажды Агния Теодоровна вернулась домой раньше

обычного и застала дочь в костюме Евы, позирующей перед окном, за которым копался в огороде Самсон.

— Как это понимать? — спросила мать у запаниковавшей дочери.

Даля заревела, залопотала — люблю, мол, Самсончика, страсть как люблю, или замуж выдавайте, или так согрешу.

— Дура, — сквозь слезы говорила дочери бабушка Агния, — он же дитя малое, всё игрушки на уме. Зачем тебе такой?

— Сердцу не прикажешь.

Бабушка так не думала. Во-первых, ей совсем не нравилось сочетание имен. Она-то была превосходно образована и отлично знала, что добром союз Самсона и Далилы закончиться не мог. Во-вторых, дочь свою бабушка Агния любила и желала ей более выгодного брака. Не век же девочке сидеть в Геленджике, лучшие вузы Москвы и Ленинграда ждут не дождутся, едва не рыдая, когда же наконец Далила Кац возьмется за ум и наведет порядок в отечественной генетике. А Дале тут приспичило замуж за полного идиота с золотыми руками (хотя и красив, зараза). Ведь не дай бог дети пойдут (а мы действительно пошли, как вы, наверное, догадались)... То есть, конечно, дай бог детей, но сейчас... Боже ж ты мой, что делать?

Но что поделаешь, если страсть. Далила отчаялась ждать маминого решения и однажды ночью прокралась в хибарку к Самсону, где обманом и угрозами (или обманом и лаской) добила своего.

Папа был огорошен. С ним подобное случилось впервые. С мамой тоже, но он ведь старше. И нельзя сказать, будто папе не понравилось, мама тоже быстро во вкус вошла, так что бабушке волей-неволей пришлось поженить молодых, иначе как-то все выглядело аморально. Но сердцем бабушка чувствовала — добром эта история не закончится.

Бывший бабушкин муж, мамин папа, помог с деньгами. Он как раз накануне распродал все свое движимое и недвижимое имущество, чтобы свалить на историческую родину, и сколько-то

отстегнул любимой дочурке. Дедушка Георгий тоже помог, слава богу, главный инженер на заводе, без пяти минут директор. Он так без пяти минут и остался, но это к делу уже не относится.

Свадьба получилась пышной, на сто восемьдесят человек, мама в белом платье с фатой, папа первый и последний раз в жизни надел костюм с галстуком, и на фотографиях все получилось изумительней некуда. А вот в жизни — не очень.

8

Папе понравилось. Ну, в том смысле... Думаю, вы поняли, о чем я. Если не поняли: папа, кроме корабликов, полюбил женщин. А мама на это не особо обращала внимание: она ждала ребенка и готовилась поступать в университет. Она быстро пришла в норму после свадьбы, стала соображать и вскоре поняла, что мама (в смысле — бабушка) не просто бухтела, а говорила по делу, и что папа — клинический идиот, и что в генетике Далю Кац, теперь уже Круглову, ждут великие открытия и безумные выси. Мама решила, что разведется сразу после рождения ребенка и вместе с малышом уедет в Москву. Стратегически ей это удалось — она действительно родила, развелась и уехала. Однако некоторые тактические моменты ей не удались.

Знаете, как бывает: то не было ни гроша, то вдруг алтын. На ультразвуковом исследовании плода врач сообщил, что дети развиваются как-то уж очень быстро. Мама не поверила ушам: дети? А ей говорят: двое. Только какие-то торопыги, слишком быстро развиваются. Посоветовали маме поменьше бывать на солнце и отпустили. А мама на двоих не рассчитывала, ей одного бы, а вот двое — это перебор, это будет сложновато...

Мыслить надо осторожнее, потому что мысли имеют неприятное свойство — воплощаться. Кто знает, может, обрадуйся мама двойне, все пошло бы иначе, но она не обрадовалась.

Поэтому родились мы с Юсей.

В роду Агнии Теодоровны близнецы рождались через поколение, у бабушки тоже имелась сестра-близнец Барбара, а их

дедушка был одним из тройни. Мы с Юсей тоже родились близнецами.

Сиамскими.

Все молчали и смотрели на Егора с Юсей. Юся глупо улыбался и пускал слюни. Егор потянул руку, и Глеб, не глядя, передал ему стакан с уже остывшим чаем.

— *То есть вы мутанты?* — спросила Викса.

— *Сама ты мутант. Беременность нарушилась у мамы, и два плода друг от друга не отделились.*

— *А это не мутация?*

— *Вот поедешь в Хайфу, найдешь там мою маму и спросишь, она генетик, она расскажет. Но я точно знаю, что это не мутация, а нарушение в развитии плода.*

— *А что твоя мама делает в Хайфе?*

— *Живет. Это я сейчас привык об этом спокойно говорить, а раньше...*

Это я сейчас привык, что Юся все время от меня справа торчит, а раньше он мне весьма досаждал. То есть досаждал он мне и сейчас, но я уже смирился и чувствую себя вполне комфортно... Впрочем, я бегу впереди паровоза. Задний ход.

Мама, увидев нас, не упала в обморок. Она даже кормила нас грудью. Но недолго. Едва выписавшись из роддома, она уехала в Москву и уже оттуда прислала бумаги на развод и отказ от детей. Уже без нас она получила диплом и ученую степень, с которой и улетела к папе в Израиль.

Мы с Юсей не расстроились, мы о ту пору ничего не понимали и не могли понять, причем Юся пребывает в этом состоянии и поныне, и думаю, навсегда в нем и останется. У нас остались папа, бабушка с дедушкой, а у Юси еще и я всегда под боком.

Папу ничуть не парило, что у нас с Юсей одна пара ног на двоих. Он тетешкал нас, водил гулять и купаться, кормил вкусным и сладким, и вообще был нам больше приятелем, чем отцом. Имена нам дали дедушка Георгий и бабушка Агния. Меня называли Егором, а брата — Юрой, и это единственное слово, которое

он выучил за всю жизнь, если не считать песни «ай, нанэ». Правда, получается у него «Юся», но лучше что-то, чем ничего.

Дед Георгий присылал деньги, бабушка Агния следила за нашим здоровьем, а папа играл с нами, делал кораблики, ну, и по женщинам, конечно... В конце концов женщины и кораблики его и погубили. Однажды папу застал врасплох муж какой-то дамы и разбил нашему дорогому родителю голову бутылкой из-под шампанского. Эта бутылка несла в чреве своем самое любимое папино детище — бригантину «Мария Целеста». Три дня папа лежал в коме, на четвертый очнулся, спросил, где мама, заплакал и умер. Нам с Юсей едва исполнилось четыре, так что потерю отца мы перенесли спокойно: Юся был овощ овощем, а я из всех своих ребячьих сил пытался этот правосторонний огород окультурить.

Бабушка сразу решила, что воспитывать внуков в одиночку не может и не хочет. Она продала дом, собрала манатки и отправилась с нами на Урал, в городишко Понпеи, к дедушке Георгию. Дедушка разве что не плясал от радости, когда мы приехали. Ведь он, оказывается, влюбился в бабушку Агнию еще тогда, на свадьбе наших родителей. И тут же, не откладывая дела в долгий ящик, предложил выйти за него замуж. Бабушка потребовала дедушкин паспорт. Дедушка ей тоже нравился, но ошибаться второй раз она не собиралась. Дело в том, что первый ее муж тоже был почти Георгий — он всегда представлялся Юрой. Ну, Юра и Юра, а как дело дошло до загса, оказалось, что по паспорту он — Иуда Лейбович. И за что только родители дали ему такое имя — бог знает. Ну ладно бы они в Израиле жили, но в России-то...

Дедушка с юмором воспринял эту душераздирающую историю, тем более что сам жил в городе с душераздирающим названием. Некогда здесь располагался горнозаводской поселок Засыпи, и кто-то из многочисленного числа не то Демидовых, не то Строгановых, не то Соломирских, увлекавшийся историей и археологией, переименовал его в Помпеи. Это было в тысяча семьсот шестьдесят третьем году, когда раскопки в Италии уже

подтвердили, что найденные древние руины и есть тот самый, погубленный Везувием город. Правда, все жители новопровозглашенного городка называли его на уральский манер, то есть заменив букву М на Н, а спустя какое-то время в бумаги вкралась та же ошибка, но не то Демидов, не то Строганов, не то Соломирский к тому времени уже отдал богу душу и возразить ничего не мог, так что название прижилось.

С паспортом у бабушки все было в порядке. Бабушка стала Кругловой, и мы зажили вот так, без двух ног четыре человека. В садике нас дразнили Горынычами, мы ревели на два голоса и дрались с обидчиками, но Юся не давал свободы маневра, а желающих пнуть занятных уродов всегда превышало количество сдачи, которую я мог вернуть. Был бы папа жив, он бы показал им всем, включая воспитателей, которые ни разу за нас не заступились.

Бабушка заступаться не стала, она забрала нас из садика и стала воспитывать любимых внуков дома. Педагогическая мысль бабушки не отличалась оригинальностью: она читала нам вслух, водила гулять, смотрела с нами телевизор и отвечала на все вопросы. Едва нам исполнилось семь, дедушка нанял для меня репетитора, немолодую тетку, учительницу начальных классов. Она не была особо ласкова, но достаточно терпелива, чтобы не злиться на Юсю, а тот мешал мне учиться очень сильно. В ту пору я надеялся, что мое уродство освободит меня от уроков, и я так всю жизнь и проживу, не задумываясь о том, что будет дальше. Но учительница регулярно, по четыре часа в день, занималась со мной чтением, письмом, арифметикой и природоведением, так что постепенно я втянулся и даже скучал без уроков.

А вот Юся воспитанию практически не поддавался, он так и остался на уровне двух-трех лет, единственное, что мне удалось в отчаянной борьбе с братом, — это захватить контроль над ногами. Юся тоже хочет ходить, и тянет его чаще всего не туда, куда нужно. И если я его не пускаю, он начинает драться, а силы у него — как у дурака махорки. Приходится задабривать

его конфетами, из-за чего зубы у Юси стали совсем плохие, так что к стоматологу приходится ходить очень часто.

Именно первый визит к стоматологу и сделал наши отношения с Юсей более братскими и, если угодно, партнерскими.

9

Фамилия у зуботехника была не зубная — Реброва. Миловидная тетенька лет тридцати, и весь кабинет, в котором она работала, был таким же — всюду по-голливудски улыбались рыбки, зайчики и медвежата. Детский сад, да и только, если не считать устрашающих зубоврачебных кресел.

— Кому зубки лечим? — ласково улыбнулась стоматолог Реброва.

— Ему, — кивнул я на Юсю.

Юся жалобно, будто потерянный щенок, смотрел на врача. Врач с сомнением косилась на меня.

— А ты его удержишь? — спросила она наконец.

— Постараюсь.

Конечно, кое-какой опыт по усмирению буйного психа у меня имелся, но я вовсе не был уверен, что смогу остановить братца, если он вдруг испугается и начнет откусывать женские пальцы прямо с резиновыми перчатками.

— Может, лучше в больницу, под общий наркоз? — предложила Реброва, и я понял, что фамилия ей очень походит — сейчас я ей точно ребра пересчитаю, несмотря на разницу в возрасте и весовых категориях.

— У нас общая непереносимость наркоза, — повторил я бабушкины слова.

И это, к сожалению, было правдой. Как-то мы загремели в хирургию с аппендицитом и едва не отправились в те края, где нас ожидал, мастеря кораблики, папа. Нас не брала ни одна из анестезий, в конце концов медикам пришлось нас придушить. Не совсем, а только до потери сознания. После удаления окаянного отростка выяснилось, что эксперименты с анестезией не прошли

даром — у нас образовалась аллергия на все обезболивающие препараты.

— А что же делать? — растерялась тетенька.

— Лечите так, будем терпеть.

Чувство долга и жалобный взгляд Юси перевесили в женщине страх быть обглоданной, и она мужественно (если это слово можно применить к женщине) взялась за дело.

Боль оказалась такой сильной, что я даже язык себе прикусил до крови, чем напугал врача. Однако тетенька продолжала работать. По счастью, удалять ничего не пришлось, только сверлить и пломбировать. Юся сидел, широко разинув пасть, и ни разу не дернулся. Он вообще ничего не почувствовал. Зато у меня сердце чуть горлом не выпрыгнуло, и всю дорогу домой я харкал красным.

А всего-то и произошло, что я согласен был перетерпеть всю боль, которую испытает Юся, лишь бы братец не отправил в нокаут доктора. Каким-то образом мне это удалось. А потом оказалось, что Юся способен не только понять, что ему помогли, но и оценить услугу, и что самое главное — ответить на добро добром. Юся оказался героем, скромным и самоотверженным.

Общественных туалетов в нашем городишке немного — всего один. И запахи в нем — закачаешься. Вплоть до обморока. Воспитание не позволяет мне справлять нужду *el naturel*, как говорят в Мексике, но и наслаждаться царящим в туалете амбре мне тоже не улыбалось. Тут сложность еще и в том, что слишком долго терпеть с Юсей нельзя, у него чувство самосохранения развито лучше, и он перехватывает контроль над организмом, чтобы не лопнул мочевого пузырь. Прежде чем я понял причину, было испорчено столько одежды и белья, что вспомнить противно. Поэтому, чтобы сохранить лицо, я как-то раз отважился войти в комнату «приятных» запахов.

И ничего не почувствовал, будто оказался в стерильной ба-рокамере. Зато Юся просто обалдел от вони — он морщился, чихал и вертел головой в поисках раздражителя. В это время

я стремительно избавлялся от лишней жидкости. На улицу Юся вышел оглушенный и потерянный. Полчаса мы просто стояли на воздухе, чтобы Юся мог отдышаться, и только после этого ко мне вернулось обоняние.

Наверное, Господь понял, что слишком круто с нами обошелся, и хоть таким странным образом решил компенсировать наше уродство.

Болевые ощущения я научился половинить: половину себе, половину Юсе. Боль — это сигнал бедствия, Юсе полезно иногда получить легкий удар, чтобы он не лез куда попало, но, допустим, опшпарившись кипятком, у нас уже не вспухал волдырь, а только слегка покраснела кожа. Сто градусов пополам — это уже не так страшно. Травмы сократились.

10

Но жизнь от этого проще и слаще не становилась. Дедушка с бабушкой оставили нас как-то очень быстро, будто только и ждали, когда мы станем способны сами о себе позаботиться. Какое-то время денег нам еще хватало, но потом случился забавный правовой казус: нам урезали пенсию по инвалидности вдвое. Раньше нашими делами занималась бабушка, она обивала пороги всех инстанций, но едва ее не стало — все пошло кувырком.

Мы пришли в собес, и я потребовал ответа, почему пенсия выплачивается только на мое имя. И мне совершенно спокойно и довольно убедительно объяснили, что мы с братом — одно целое, и две пенсии на одного — жирно будет. На что я совершенно справедливо заметил, что паспортов у нас два, значит, и человека два, и пенсии, соответственно, тоже должно быть две. Нам предложили обратиться в суд.

— Вы еще и компенсацию получите, — пообещала чиновница.

— Я не хочу компенсацию, я требую, чтобы закон соблюдался.

— Ничем не могу помочь, — пожала чиновница плечами и уставилась в какие-то бумаги на столе, давая понять, что мы можем идти.

Я прекрасно знал, на что она рассчитывает. Пенсия по-прежнему капала из бюджета нам обоим, просто тетка один ручеек слегка придержала. Безусловно, вечно этот поток она сдерживать не могла, но месяца три-четыре — вполне. Как эта гримза собиралась обналичить наши деньги, я не знал и не хотел, но, очевидно, способы имелись. Она была уверена, что из-за малой подвижности мы не будем никуда ходить, не станем разбираться с этим безобразием.

— Ладно, — согласился я. — Но кроме компенсации я требую вашего увольнения.

— Идите, — отмахнулась чиновница. — Не задерживайте очередь.

Мы с Юсей ушли, громко хлопнув дверью. Она не поверила. Я и сам не верил. Ходить вместе с Юсей невероятно тяжело. Мы даже не ходим, а переваливаемся с одной ноги на другую, со стороны это выглядит устрашающе, будто мертвец сбежал из фильма Джорджа Ромеро. Мысли, одна кровавее другой, копошились в моей голове: зарубить подлую чиновницу топором, задушить Юсиными руками, откусив перед этим уши с двух сторон одновременно.

Домой я вернулся с твердым решением разорить собес, муниципалитет и вообще убить всех людей. Первый кандидат на скоропостижную кончину уже поджидал меня у двери в квартиру. Это был жуликоватой внешности мелкий мужичонка, чернявый, с серьгой в ухе.

— Мезальянц, — представился он. — Иван Иванович. Меня прислала ваша бабушка.

Этим он развязал мне руки и подписал себе приговор.

Смерть дедушки Георгия все мы пережили очень тяжело. Благодаря ему в доме всегда толпилось полно народу, было весело и шумно, студентов-практикантов гостило как сельдей в бочке, и общей своей эрудицией я обязан именно дедушке. Когда дедушка ушел, оставив мне на память лишь старинное греческое зеркало да любимое кресло, навещать нас стали только самые

верные и бескорыстные его ученики, а таких осталось два-три человека. Ушли в прошлое шумные застолья, никто не шутил и не смеялся, гости виновато жались по углам и норовили оставить деньги.

Бабушка отказывалась и просила больше так не делать, иначе дверь этого дома навсегда закроется перед такими визитерами. Бабушка не плакала или плакала тайком, потому что я никогда не видел ее расстроенной или опечаленной. Весь внешний вид бабушки, ее спокойствие и рассудительность внушали окружающим, что все у нас хорошо, все замечательно, и дедушкина смерть не способна разрушить наше семейное счастье. Бабушка стала единственным моим собеседником, она часто сидела в нашей комнате и рассказывала о своей молодости, о наших папе и маме, о разном. И когда она умерла, для меня умер весь мир, потому что друзей и собеседников в моей жизни никаких не осталось.

И теперь этот мелкий мошенник будет утверждать, что он — от бабушки?

Я сгреб незваного гостя в охапку и начал бить. То есть, конечно, по-настоящему бить я его не мог, просто мордовал — мял левой рукой испуганную злую физиономию Мезальянца, пока Юся держал его правой и злобно рычал. Третья рука (имеется у нас и такая: формально она числится моей, но пользоваться ею может и Юся) яростно колотила наглеца по макушке.

Возможно, мы бы даже убили его, но Мезальянец оказался скользким типом, вывернулся из захвата и дал нам по оплеухе, причем с такой силой, что трудно заподозрить в столь мелком субъекте.

— Барбара Теодоровна не предупреждала, что прием будет такой радушный, — сказал он.

— Кто? Какая Барбара?

— Ваша бабушка, Барбара Теодоровна Кравец.

— Вы ошиблись адресом, — смутился я. — Нашу бабушку звали Агнией Теодоровной, и не Кравец, а Кругловой. Это двоюродную бабушку зовут Барбара, но она с нами не живет.

Мезальянц открыл кожаный портфель, стоявший у стеночки, достал бумаги, сверился.

— Не морочьте мне голову, все правильно. Барбара Теодоровна... Ах да, точно — двоюродная.

Всплыла, родимая.

11

Мезальянц представился близким другом покойной Барбары Теодоровны. Перед смертью она велела Мезальянцу найти нас и сообщить о наследстве. Он вопросительно посмотрел на нас: откажемся, нет?

Представьте: в минуты роковые появляется хитрожелтый дяденька, говорит о мертвой бабушке и большом наследстве. Думаю, вы уже поняли, что я ему ответил.

— Пшел вон отсюда, мы по пятницам не подаем, — закончил я цветастую фразу.

Мезальянц крикнул, но не отступил.

— Пойдите, молодой человек, я не обманываю, завтра похороны, можете сами сходить!

Он бы еще в морг меня позвал.

— Да что вы такой недоверчивый-то, а? — совсем расстроился незванный гость.

— Таким уж уродился, — сказал я. — Прочь с дороги, а то Юся кусаться будет.

Мезальянц плюнул в сердцах себе под ноги (Юся тут же повторил этот маневр и радостно заухал).

— Ладно. — Гость наконец уступил нам дорогу. — Панихида завтра в двенадцать часов на одинцовском кладбище. Я сам из Одинцово приехал, и бабушка ваша там жила. Захотите — приедете.

Как же, держи карман шире, подумал я. Видимо, очень громко подумал, потому что Мезальянц будто вспомнил что-то.

— Может быть, вас это убедит?

Он полез в недра пиджака и вытащил оттуда сберегательную книжку. Протянул мне, и я, стреляный воробей, попался. Я взял

книжку и открыл. Книжка была оформлена десять дней назад в местном отделении Сбербанка, на мое имя, на счету лежало без малого четыре миллиона.

— Ловко, — сказал я. — А в чем подвох?

— Ни в чем, — ответил Мезальянц. — Ваша бабушка была страстной коллекционеркой, она собирала старинное серебро и незадолго до смерти продала коллекцию мне, с тем чтобы я деньги перечислил на ваше имя. Получите и распишитесь, как говорится.

— Я вам не верю.

— Зачем мне вас обманывать?

— Не знаю, но последнее время все только тем и занимаются, что обманывают меня.

Физиономия гостя стала кислой.

— Меня тоже, — сказал он. — Все равно — заберите. Я же все равно по этой книжке ничего получить не смогу.

Я взял книжку и тем обрек себя на страшные приключения. Вот честное слово — я не хотел. Но почему-то взял. И позвонил из дома в банк. И там мне сказали, что все верно, что я могу получить деньги хоть сейчас.

И я пришел, и действительно получил немного, так, на мелкие расходы. Я вовсе не собирался забирать все, мало того, я вообще не собирался пользоваться этими деньгами, это был просто эксперимент — не снится ли мне? Впрочем, никто бы мне сразу все деньги и не выдал.

Совершенно сбитый с толку, я вернулся домой. На пороге меня опять ждал Мезальянц.

Мы вошли в квартиру, я поставил чайник, и Мезальянц, торжественно усевшись в любимое дедушкино кресло, уставился на фотографию дедушки с бабушкой, на греческое зеркало, а еще больше — на бабушкины подвески: одна — в виде петуха, другая — в виде мышонка.

— Вы тоже коллекционер?

— Нет, это бабушкины. Мышка всегда ей принадлежала, а петух сначала папин был, потом ей достался.

— Так Барбара Теодоровна мне несколько подобных продала, свою коллекцию. Может, она про этот кулончик забыла?

Я не знал про это ничего, да и не хотел знать. Петух был такой же семейной реликвией, как и мышонок, я к ним даже прикасаться боялся, хотя Юся, наоборот, тянулся к ним, будто это игрушки.

— Продайте! Продайте вместе с мебелью, я гляжу, это тоже древняя вещь...

— Это память, я не буду это продавать.

— Понимаю. Но если надумаете — всегда к вашим услугам. Так что — завтра вас ждать? Я пришлю такси.

— Не уверен, что соберусь.

— Как угодно.

В эту ночь я не сомкнул глаз. Вот уж не думал, что эта мелодраматическая история могла так взбудоражить такого циника, как я. Хотя, конечно, не стоит забывать и сцену в беседе: та тетка завела меня не меньше. Я снял с бабушкиной фотографии петуха. Бабушка говорила, если взять его и как следует подумать, то правильное решение придет само по себе. Юся тут же схватил игрушку и засунул себе в рот. Испугавшись, что он подавится, я забрал подвеску обратно и пошел спать.

Однако всю ночь мне виделся одинокий холмик с покосившимся деревянным крестом, дедушка Георгий с бабушкой Агнией с упреком смотрели на меня, мол, скотина ты, Егор, о тебе вспомнили наконец, а ты будешь чужие деньги тратить и дуться? Не то чтобы я так жаждал навестить могилу новообретенной двоюродной бабушки, но все же уважить человека, оставившего нам с Юсей почти четыре миллиона только за то, что мы — родня по крови, стоило. Так говорило элементарное чувство порядочности. Но в то же время внутренний голос говорил: не езд, пожалеешь. Утром я метался, не находя себе места. Мало того что до Одинцово минут сорок на автобусе пилить, а надо же и кладбище каким-то образом найти. Вместе с Юсей такое приключение вряд ли доставило бы мне приятные минуты. С Юсей даже

сон превращается в пытку, чего уж о прогулках говорить? Может, ну их нафиг, эти похороны? Потом на могилку можно съездить.

Но Мезальянц действительно прислал такси, и даже оплатил его в оба конца. Только на похоронах его, пройдохи, не было.

Похороны, между прочим, отгрохали по высшему разряду, не хватало только баяниста. Народу пришло, наверное, человек сто. Насколько я понял, Барбара Теодоровна была уважаемым человеком: очень многие говорили о ней в самых превосходных степенях — и добрейшая, и умнейшая, и красивейшая, исполин духа и корифей. Паноптикум из историков, краеведов и коллекционеров довольно быстро устал, поэтому речи стали короче и суше, и, чтобы не портить впечатление о церемонии, гроб заколотили, быстренько опустили в яму и прикопали. Народ неторопливо потянулся к выходу, где несколько автобусов должны были увезти всю эту ораву на поминки.

Однако не успел я влиться в толпу, как у меня зазвонил мобильный.

12

— Да?

— Ты где? — спросил глухой женский голос.

— На кладбище, уже ухожу. А кто это?

— Никуда не уходи, стой на месте и прикинься ветошью.

— А вы кто?

— Конь в пальто.

— Чего?

— Пока могилу закапывают, отойди в кусты жимолости. Там лопата и гвоздодер.

Гудки.

Связь была плохая, если кто-то и шутил, то голоса я не узнал.

Дура какая-то!

Тем не менее я огляделся и действительно — обнаружил рядом чахленький, словно недавно высаженный, куст жимолости, и там, почти незаметные, валялись новенький гвоздодер и новенькая

лопата. Я выглянул из кустов. Копальщики как раз собрали инструмент и уходили вдаль по аллее.

У меня вновь зазвонил мобильный. Всего одна шпала связи, даже удивительно, как пробился звонок.

— Ты здесь? — голос у женщины был испуганный и будто задущенный.

— Какого черта вы мне звоните? Вы кто? Я сейчас домой поеду...

— Я твоя бабушка. Бери лопату и копай. Быстрее, воздуха осталось совсем чуть-чуть.

Видели когда-нибудь фильм «Закат солнца вручную»? А «Семеро в одних штанах»? Конечно, не видели, потому что таких фильмов нет. Я же все то время, что откапывал гроб, чувствовал себя главным героем обеих этих кинокартин. Я даже не думал, как буду выглядеть, если мимо пойдут люди. Хотя земля была рыхлая и лопата легко входила в суглинок, копать у меня получалось очень плохо. Юся просто не понимал, что от него требуется. Изгваздавшись во влажном грунте, не выкидав и двадцати штыков, я согнулся пополам и отчаянно ловил воздух пересохшим горлом. Ладонь горела — никогда раньше лопату в руках не держал, а тут с ходу замахнулся на яму... Я отер пот со лба и расстегнул две верхние пуговицы. Наружу вывалился петух.

Юся сразу схватил фигурку и едва не оторвал мне уши, снимая с шеи. Не успел я заругаться, как он уже засунул петуха себе в пасть.

— Как маленький... — проворчал я и нацепил цепочку на брата. Авось не проглотит.

Из-под земли глухо постучали. Я снова взялся за работу... И тут Юся удивил меня. Он ухватился правой рукой за черенок и нажал. От неожиданности я едва не выпустил лопату, а вместе с ней — и приличную кучку земли. Дело пошло веселее. Мы вдвоем втыкали штык в землю, Юся выжимал рычаг, моя левая рука была опорной.

— Быстрее! — слышалось из-под земли.

За десять минут мы выкопали могилу заново. Показалась крышка гроба, обитая бордовым бархатом.

Слава богу, могильщики оказались ленивыми и забили гвозди неглубоко, так что я легко подцепил шляпки. Сложнее оказалось поднять крышку: яма получилась узкая, не развернешься, и стояли мы прямо на крышке.

— Вы нас слышите? — крикнул я.

Никто не ответил, я слышал только легкое царапанье изнутри. В исступлении я начал выламывать доски из крышки и едва не раскроил бабушке голову. Из образовавшейся щели послышалось жадное свистящее дыхание.

— Вы в порядке?

— Идиот, я в могиле лежу, как я могу быть в порядке?

— Чего?

— Проехали. Отойди поближе к краю и зацепи крышку, попробуем вместе поднять.

Мы с Юсей нерешительно отодвинулись к самой стенке и зацепили крышку лопатой.

— Тяни!

И мы потянули. Крышка подалась, и мы, осторожно маневрируя в узком пространстве могилы, подняли ее в две руки и поставили на попа. И увидели бабушку Барбару в белом саване.

— Так и будешь глазеть или руку подашь?

Поднялась бабушка неожиданно легко для только что задышавшейся покойницы. Она брезгливо сдернула саван, под которым оказался вполне симпатичный брючный костюм с белой блузкой. Белые тапочки достойно завершали бабушкин наряд.

Выглядела она не просто хорошо, она была великолепна. Я всегда был уверен, что лучше бабушки Агнии ни одна бабушка выглядеть не может, но покойнице это удалось.

Барбара посмотрела на меня.

— Быстрее не мог? Я чуть не задохнулась. Гроб слишком маленький оказался.

— А спасибо сказать?

— А почему так дерзко? Я пожилой и уважаемый человек.

— Вот и звонили бы тем, кто вас уважает. Я вообще не понимаю, зачем здесь нахожусь.

Барбара, может, и хотела бы продолжить эту бессмысленную пикировку, но место не очень располагало.

— Ладно, потом договорим. Давай выбираться отсюда.

Она собрала из гроба бумажные сторублевки и полтинники, мобильный телефон, и мы кое-как выползли из ямы по крышке.

— Ты куда? — спросила бабушка, когда мы с Юсей отряхнулись и пошли к выходу.

— Домой. А что?

— А закапывать кто будет? Пушкин?

— Зачем? Мы вас вытащили, чего еще надо? — Я огляделся.

— Не оглядывайся так, никто не придет, — успокоила меня Барбара.

Я ответил так грубо, как только мог.

— Тебе не стыдно говорить такие слова? — спросила бабушка.

Мне было стыдно, но о сказанном я не жалел.

— Ну, нельзя оставлять могилу разрытой, люди не так поймут, все должно выглядеть натурально.

— Договорились бы с копальщиками, они все провернули бы быстрее и аккуратней.

— Нельзя с копальщиками. Они люди, проговорятся.

— А мы, значит, уроды, да?

— Да кто «мы»-то?!

— Мы с братом.

— С каким еще, на хрен, братом? С этим, что ли?

— А чем он плох?

— Он идиот.

— А в гробу под землей прятаться — шибко умно? А если бы мы не приехали?

— Приехали бы...

Вот столько самоуверенной наглости было в ее голосе, что я прямо на месте прибил бы новообетенную бабушку лопатой и закопал обратно.

— Мы могли не узнать о похоронах. Гвоздодер и лопату могли стибрить. Такси могло сломаться в пути, — сказал я. — Вам просто повезло!

— Кому везет, у того и петух снесет.

— Да ты же собака сутулая, а?!

Я бросил лопату.

Барбара тоже хотела что-то сказать в ответ, но передумала, и стала закапывать могилу сама. Она не очень ловко это делала, все время чертыхалась и говорила, что инсценировать смерть было гораздо легче, чем похороны, она поэтому так и рисковала, чтобы все выглядело по-настоящему.

— ...Иначе бы он не отвязался. Им всем нужен барсук.

Она отвлеклась и какое-то время разглядывала меня и Юсю, будто сравнивала, а потом вернулась к работе.

— Уж не знаю, как они на меня вышли, но им ни в коем случае нельзя показывать талисман.

— Какой талисман?

— О господи! Мышь. Ну, то есть подвеску в виде мыши. Где ты ее держишь?

— Где бабушка повесила, там обычно и висит.

— Как — повесила? — Барбара бросила лопату. — Куда повесила?

— На стену в большой комнате.

Бабушка сказала такие слова, какие пожилые дамы никогда не должны произносить в присутствии несовершеннолетних внуков.

— Скажи немедленно, что ты не впускал Мезальянца домой.

— Не скажу, потому что впускал.

— И он видел?!

— Да. А чего такого?

Далее она зашипела что-то на незнакомом языке, подозреваю, что на польском.

— Боюсь, я не понимаю... — сказал я.

— Нечего тут понимать, балда, бежать надо! Ты поможешь старой женщине или мне впахивать за тебя?

Конечно, мы помогли. Через полчаса, когда могила кое-как была приведена в культурный вид, я спросил:

— А почему больше никого не хоронят?

— Потому что я выкупила у начальника кладбища весь день похорон.

— И он послушался?

— Даже ты бы послушался, если бы тебя в завещании упомянули.

Я не понял, почему начальнику кладбища не обмануть мертвую бабушку — наверняка это жесткий и волевой человек, такой хрен свое упустит... Но, видимо, у Барбары Теодоровны талант.

— Тебе есть куда бежать? — спросила она.

— Зачем мне бежать?

— За шкафом! — рассердилась бабушка. — Есть?

— Нет.

— Тебе придется придумать, где спрятаться, вместе мы этого делать не будем — ты слишком заметный.

— Я не хочу бежать.

— Мальчик мой, — бабушка больно ухватила меня за локоть, — если ты не сбежишь, тебе очень скоро на голову упадет кирпич, потому что иначе ты с наследством расстаться не захочешь, верно?

— Я вас не понимаю.

— Потому что ты наполовину идиот. погоди, я вызову такси.

Пока мы ждали такси, бабушка привела нас в божеский вид, не переставая инструктировать.

— Тебе надо мать найти.

— Ага, уже побежал.

— Вас в Израиле не достанут.

— У меня даже загранпаспорта нет, не говоря уже о том, что мать мы разыскивать не будем, она нас бросила. Папа за ней, кстати, не бегал.

— Твой папа не был образцом для подражания.

— Зато он нас не бросил.

— Потому что идиот был.

— Да идите вы нафиг, однако, — рассердился я. — Выпала неизвестно откуда, заставила в грязи копать, да еще обзывается. Никуда мы с вами не поедem.

Бабушка Барбара посмотрела на меня по-новому, даже не знаю, как именно. Возможно, это было уважение, но, скорей всего, она подумала, что я тоже идиот. Причем не наполовину, а на все сто. Но мне было фиолетово — в конце концов, это моя жизнь, и живу ее, как мне заблагорассудится.

— Ладно, не кипятись, — сказала Барбара. — Сейчас поедem к вам, разберем, что к чему, и потом придумаем, куда вас девать.

Видно было: бабушка уже сильно жалеет, что связалась с нами. Не могу сказать, что сам сильно обрадовался появлению живой покойной родственницы, но все же не чужой человек, это не абстрактная мама в Израиле, которая нам даже не пишет. А вот возьмет — и тоже притворится мертвой, чтобы нас на могилку у Мертвого моря пригласить. Интересно, отважусь я на такую поездку? А может, все-таки попытаться найти ее, вдруг она будет рада?

— Ну, чего застыл? — Барбара потрясла меня за рукав. — Машина приехала.

13

Уже дома, судя по некоторым неявным признакам, я понял, что кто-то залезал в квартиру и что-то искал. Наверняка Мезальянц за талисманами приходил. Больше некому — специально нас на похороны отправил, чтобы спокойно в хате пошуровать, жулик несчастный. Правда, ничего у него не вышло — мышонка и петуха я зачем-то в карман положил, когда собирался.

А бабушка Барбара как будто не провела целый час в могиле: сначала погладила фото бабушки Агнии, а затем начала удивляться нашему быту:

— В тюрьме уютнее.

— А вы были в тюрьме?

— Не была, но вы же дети, вам бы обстановочку повеселее надо.

— Нам пятнадцать лет, нам обоим с Микки-Маусом не нужны. Какое вам вообще до нас дело, вы же с бабушкой столько лет не общались?!

— Не говори того, чего не знаешь. Мы с Огоньком специально разбежались, чтобы никто нас не обнаружил.

— С Огоньком?

— А ты не знал, что ее все Огоньком звали?

Таких подробностей о своей прошлой жизни бабушка не рассказывала, но, как ни странно, имя Огонек ей подходило, даже очень: она всегда излучала небольшое, но ровное количество тепла и света, которого как раз хватало на нашу семью.

Барбара сняла с себя подвеску — барсука, присевшего на задние лапы.

— Это очень полезная штукавина... — начала она.

Теодор Каземирович обладал редким талантом — безошибочно находить месторождения полезных ископаемых. Естественно, он никому не признавался в том, что исключительным везением обязан талисману — металлической фигурке барсука. Она позволяла видеть сквозь землю. Что бы то ни было — скопление углеводородов, руды, воды, искусственных объектов. Но не стоит также думать, будто он всем обязан был своему талисману: Теодор Каземирович прекрасно знал геологию, множество других смежных наук, стал профессором, активно преподавал и ездил по экспедициям.

Однажды судьба занесла его в Ашхабад. Их геологическая партия коротала ночь в ожидании проводника в одной гостинице с московскими археологами, завязалась игра в карты, и один из студентов-археологов поставил на кон металлический кулон, симпатичного мышонка, будто из книжек Сутеева. По стилистике исполнения мышь была весьма похожа на барсука, принадлежащего Теодору Каземировичу. И Теодор Каземирович выиграл. Студент пытался несколько раз отыгаться, но увы — не получалось. В конце концов археолог плюнул, отозвал Теодора Каземировича на пару слов и сказал:

— Видать, вам эта штука нужнее. Мне эта хреновина несколько раз жизнь во время войны спасала. Есть у нее удивительное свойство — землю дырявить. Вроде норы получается: края гладкие-гладкие, вроде отполированные. Куда земля девается — не знаю, только органика остается. Я метра четыре глубиной норы проделывал, но, думаю, эта хреновина и больше умеет. Не поминайте лихом.

Теодор Каземирович вышел на улицу, подышать.

Интересное свойство нового артефакта показалось ему весьма подходящим для профессии геолога. Хотя, если хорошенько подумать, как потом объяснять коллегам, что ты делаешь шурф при помощи магического предмета?

В задумчивости профессор вертел в руках мышонка, а затем решил сравнить обе фигурки и полез в карман за барсуком.

Едва он прикоснулся к своему талисману, воздух напряженно загудел, и Теодор Каземирович увидел тем самым зрением, каким обычно прозревал в глубинах породы золотоносные жилы или каменноугольные пласты, непонятные мерцающие красным цветом линии в глубине земли. Что-то в их расположении показалось ему неправильным, хаотичным, профессор попытался их разровнять.

В этот момент землю затрясло.

Красные линии легко поддавались деформации, но были слишком чувствительны — стоило разровнять их в одном месте, как они начинали выпирать и вспучиваться в другом, и чем больше Теодор Каземирович пытался их упорядочить, тем сильнее трясло землю. Профессор в ужасе отбросил мышонка, но было уже поздно — колебания достигли пика и город оказался разрушен практически до основания. Профессору повезло, что он был на улице, потому что гостиница сложилась, словно карточный домик.

В черной туркменской ночи не было видно ни зги, кругом слышались крики, ругань и плач, а профессор ползал по земле в поисках выброшенного амулета. Он нашел его и начал рыть землю, пытаясь отыскать своих товарищей под завалами гостиницы, но

все, кого он находил, были мертвы. Профессор вытащил двенадцать трупов и только после опомнился — как он объяснит идеально круглые червоточины в руинах? Как мог он замаскировал следы раскопок и принялся разбирать завалы вручную. Вскоре ему на помощь пришел патрульный орудовец, и они продолжили спасательные работы вдвоем.

В ту ночь в Ашхабаде погибло сто пятьдесят тысяч человек. Профессора это подкосило, он собирался идти в НКВД с повинной. Единственное, что его останавливало, — как объяснить, что один человек может вызвать стихийное бедствие такой силы? Чтобы хоть как-то загладить свою вину перед людьми, Теодор Каземирович остался в Ашхабаде и продолжал работать на разборке завалов и спасении живых. Помог его дар видеть сквозь землю. Мышонка он старался не трогать.

По возвращении домой он захворал и слег. ПроболеЛ он несколько лет, пока Барбаре и Агнии не исполнилось по шестнадцать. Незадолго до смерти он завещал дочерям фигурки, написал подробную инструкцию, как работают предметы, — и скончался.

Барбара получила барсука, Агнии досталась мышь. Они точно знали, что нельзя использовать эти предметы одновременно. Рассказ отца о землетрясении настолько поразил девушек, что они даже за руки не брались, если хотя бы одна из них носила амулет.

Забылись они только один раз, когда гостили у друзей в Ташкенте. У друзей был ребенок — маленькая девочка, которой еще и года не исполнилось. Сюсюкая над коляской, сестры, не сговариваясь, синхронно достали амулеты — каждая решила потрясти над ребенком фигуркой. Спohватиться не успели — девочка сразу ухватилась за новые игрушки...

По счастью, в разрушительном землетрясении шестьдесят шестого года человеческих жертв оказалось не в пример меньше, чем в Ашхабаде. Но Агния и Барбара все равно решили не искушать судьбу и разбежались в разные концы страны.

— Так что, мы могли не махать лопатами, а просто вынуть кусок грунта? — удивился я.

— Могли. Но мы сейчас возвращаться и экспериментировать не будем, ладно? Проверишь в другой раз, будет еще время. — Она на мгновение смолкла, а потом тихо добавила: — Я надеюсь, что будет...

Чем дальше в лес, тем толще партизаны, подумал я. А вслух сказал:

— И зачем вы нам это говорите? Зачем вы вообще в нашей жизни объявились?

— Есть один человек, он пока не самый главный в нашей стране, но он хочет быть самым главным. Он знает о предметах, в том числе о наших. И он их ищет. Я, признаться, устала таскать на себе такой груз — больше трех десятков лет прошло. Так вот, я дарю барсука тебе. Мышонок тоже твой, по праву наследства. Мне кажется... Нет, я знаю, что ты не поддашься искушению, не будешь ими пользоваться...

— Чего? Нетушки, спасибо. Это ваши дела, а мне и Юси хватает.

— Нет, теперь это твои дела. Ты должен найти способ избавиться от этих шуток, иначе однажды они достанутся... не важно, кому, но мало не покажется. А я попробую тебе чем-нибудь помочь.

— Чем?

— Еще не знаю.

Я снова помянул партизан в дальнем лесу, на этот раз — вслух.

Потому что помимо барсука и мыши у нас был еще и петух. Но какими свойствами он обладал, мне было неизвестно.

Я не знал, почему бабушка Агния не рассказала Барбаре о том, что у нашего папы тоже был предмет. Нам, по крайней мере, она о свойствах мышонка и петуха ничего не говорила и держала артефакты подальше. Не то полагала, что я сам во всем разберусь, когда время придет, не то времени не хватило — бабушка ушла тихо, во сне, так что даже если она и хотела что-то рассказать, то мне об этом ничего не известно. В любом случае, я Барбаре тоже

ничего не сказал о папином наследстве, которое, по счастью, Юся все время держал во рту.

14

Барбара ушла еще до полуночи. Сказала, что у нее поезд, а потом самолет, а потом еще едва ли не оленья упряжка. Барсук остался лежать на журнальном столике.

Я посмотрел за свою небольшую жизнь кучу фантастических фильмов и знаю только одно, что их объединяет. Это брехня. Нет чужих и дьявола, нет драконов и колдунов, нет матрицы и динозавров в озере Лох-Несс. Мне это дедушка говорил, так что Барбаре, хоть она и была бабушкиной сестрой, я почти не верил. Мало ли чего она насочиняла?

Оставила денег — и на том спасибо. Приключение, правда, было знатное: выкопай бабушку из могилы, закопай могилу без бабушки... Во сне приснится — ломом не отмашешься.

Сон мне снился и впрямь не очень хороший. Мы с Юсей плывем по морю в гробу, обитом красным бархатом, нас мотыляет из стороны в сторону, морские твари вращают фиолетовыми глазами, крики, вой сирен, детский визг.

Потом я резко открыл глаза и понял, что мотыляет не только меня, но и всю нашу хрущевку. В кисельных сумерках белой ночи весело отплясывал весь город. Мы с Юсей стояли на балконе, и в руках у моего братца были мышонок и барсук. Волосы Юси торчали дыбом и искрились, на лице застыла самодовольная мина. Получается, что этот гаденыш, пока я дрых, встал, снял со стены мышонка, взял со столика барсука и устроил тест-драйв. Как он до такого вообще додумался? Он что, понял все, что Барбара рассказывала, и поверил в это?

Я дал Юсе затрещину, забрал мышонка, и тут меня накрыло. Я почувствовал себя не просто хорошо, а великолепно. Как будто на мне не висит брат, будто я сам по себе, отдельный и великолепный, и весь мир лежит у моих ног, и все эти подземные толчки и светящиеся силовые линии над землей — свидетельство

моего величия. И людская паника — тоже свидетельство, потому что все они боятся меня.

Я посмотрел на город. Последний день Помпеи, да и только. То есть Понпеев. Людишки внизу беспорядочно носились по улицам, чего-то искали, куда-то стремились, но я знал, что достаточно одного моего желания, мановения руки — и земля под ними разверзнется и погребет под собой вместе с Понпеями и всеми его домами. Эх, если бы такая силища имелась у меня позавчера, разве я стал бы цацкаться с бабой из собеса?! Сровнял бы с землей всю их шарашкину контору!

Сладостное чувство абсолютной силы и власти, эйфория всемогущества... Я не знаю, какими словами еще передать весь восторг и всю ярость, что охватили меня. Я могу казнить и миловать, диктовать волю свою всему миру — и горе тому, кто посмеет выступить против. Земля, вода и небо обрушатся на него.

Особенно на того, что слева и чья воля равна моей!

Стоп, машина!

Я посмотрел на Юсю. Брат мой кровожадно лыбился и ухал. Мне вдруг стало совершенно ясно, что мысли о силе и величии на самом деле моими не являются. Это непостижимым образом я понимал все то, о чем думает Юся. Было от чего ужаснуться: ведь, по сути, мой брат-недоумок ни в чем не виноват, он просто захотел поиграть блестящими штуками. А вот мне за все это придется отвечать: разрушенные здания, человеческие жертвы — все это повиснет на мне.

Потому что Юся идиот, а мне не повезло.

Я дал засранцу увесистого леща и выдернул из его руки цепочку с талисманом. Землетрясение тут же прекратилось. Так, можно перевести дыхание.

Но не тут-то было. Юся ухватился за цепочку и потянул обратно. А силы у него... Чуть руку не выдернул, собака сутулая.

— Отдай немедленно. — Я пыхтел, как паровоз, пытаюсь отвоевать артефакт.

Но брат мой не сдавался, продолжал тянуть.

— Ма-а-аё!

Я чуть не выпустил артефакт из рук. Это было первое слово, которое Юся сказал с тех пор, как его выдрессировали называть свое имя. И это не просто слово, а местоимение, что означает только одно — Юся осознает себя как личность.

— Чего ты сказал? — переспросил я.

Но Юся мне не ответил. Он зарычал и вырвал-таки артефакт, воспользовавшись моим секундным замешательством.

— Да что ты делае...

Очередной подземный толчок случился так быстро, что я даже язык прикусил. Это меня уже всерьез взбесило. Терпеть не могу, когда меня на полуслове обрывают. Я изловчился и пропустил руку в цепочку. Теперь надо собрать волю в кулак и выдернуть мышонка из потной ладони коварного брата. И чем старательнее я выкручивал его руку, тем мощнее были подземные толчки.

— Прекрати сейчас же! — орал я, не заботясь уже о том, что меня услышат. — Дай сюда!

Я решил, что если сейчас не заберу у него предметы — загрызу к едрене фене, и пускай сам сдохну, но засранцу это с рук не сойдет.

Вокруг царило что-то невообразимое. Не то включились аварийные сирены на дедушкином заводе, не то слоны затрубили. Я чуть не облез от этого рева.

Потом я почувствовал сильнейшую вибрацию. Это я потом уже узнал, что выросла огромная гора, а в тот момент мне казалось, что это Юся растет и пухнет и старается меня задавить. А потом я увидел то, о чем говорила Барбара. Земля была разлинована, будто тангирной сеткой, светящимися красными линиями. И Юся эти линии дергал как хотел. В одном месте сетка вздыбилась так сильно, что линии истончились и стали лопаться. Потеряв натяжку в сети, линии повисали и переставали светиться. Места обрыва, словно живые змеи, потянулись навстречу друг другу, окольцевали провал и мгновенно срастались. Все это сопровождалось грохотом и ревом. Наконец, бахнув громче

всех, лопнула последняя, самая толстая линия, да так ярко, что я на мгновение перестал видеть.

— Эй, вы, там, внизу! — слышалось с верхнего балкона. — Прекратите немедленно! Я папе скажу!

Мы с Юсей замерли, пытаюсь унять яростное дыхание. Какой черт вынес эту дуру на балкон, когда на улице так трясет? Опомнившись, я жестко ткнул кулаком в нос брату и наконец отобрал оба артефакта. Юся скривился и захныкал. Я шикнул и заткнул ему рот.

— Я вас все равно слышу! — крикнула соседская девчонка, которая за каким-то лядом выскочила на балкон во время стихийного бедствия, когда все умные люди выбежали на улицу.

И они могли ее сейчас услышать.

— Заткнись, дура! — вполголоса предупредил я.

— Сам дурак! Смотри, что ты натворил!

Но пререкаться вовсе не входило в мои планы.

Ухватив Юсю за нос, я зашел обратно в квартиру и закрыл балкон. Пусть голосит, пусть даже кучу народу соберет, все равно никто не поверит, что землетрясение можно вызвать при помощи двух малюсеньких ювелирных украшений.

Дома Юся решил повторить акт агрессии. Он ревел. Он дрался. Он требовал вернуть игрушки, но вместо этого получил таких люлей, каких не получал суммарно за всю жизнь.

Жестоко подавив восстание, я огляделся. Бардак дома был невероятный. Но сейчас прибираться мне не хотелось. Я, завернув каждый отдельно, сложил предметы в железную коробку из-под кофе, в которой хранились квитанции за коммуналку, и пошел досыпать.

15

Утром, проснувшись на час позже обычного, я хотел заняться уборкой, но понял, что мне это не по силам. Все было вроде не так страшно, но развесить упавшие полки, составить обратно книги, прибрать на кухне разбившуюся посуду... У меня заранее опустились руки.

К тому же кто-то постучал в дверь. Это пришел Мезальянц.

— Я слышал, у вас тут ночью катавасия приключилась? — спросил он.

— Да, катаклизм, — зевнул я.

— Очень интересно. Разрешите говорить начистоту?

— Извольте.

— Ваша бабушка, царствие ей небесное, обманула меня.

— Мне очень стыдно за мою бабушку, но я вас точно не обманывал.

— Да, конечно. — Мезальянц сканировал пространство за нашей спиной, пытаясь цепким своим взглядом отыскать артефакты, которые, в принципе, всегда можно разглядеть от входной двери. Но сейчас их там не было. — Я готов простить ее и забыть о деньгах, если вы отдадите предметы.

— Простите ее просто так, потому что я ничего вам не отдам.

— Миллион.

— Нет.

— Долларов.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Не валяйте дурака, молодой человек. — Мезальянц полез за пазуху.

Пистолет, подумал я, и помимо воли захлопнул дверь перед носом Мезальянца. Но испугался я напрасно, оружия не было.

— Однако же... — Мезальянц не особо удивился моему демаршу. Он громко сказал через дверь: — У вас неплохая реакция. Но я хотел вам показать вовсе не оружие.

Я посмотрел в глазок. Гость вытащил из кармана удостоверение и приблизил к призме обзора. «Контора глубокого бурения Российской Федерации». Веселые ребята, ничего не скажешь. Я думал, будет что-нибудь вроде: «Фосфаты, сульфаты, бокситы» или, на худой конец, «Фонд социального благополучия», — а они под старой вывеской услуги оказывают. А Иван Иванович на фотокартонке ничего себе, культурно выглядит.

— Это что-то должно менять? — спросил я.

— Вашу бабушку, наверное, смутило, что я действовал частным порядком. Уверяю, это была тщательно спланированная государством операция.

— Я-то здесь при чем?

— Молодой человек, такие вещи не могут принадлежать одному человеку.

— Эксплуатировать может только один, не надо меня обманывать.

— Откуда вы знаете?

Хитрый какой.

— Проверил опытным путем, — ответил я.

— Это я уже понял. Пойми, это очень опасные приборы. Не нужно брать на себя такую ответственность, отдай — и мы передадим их достойному и опытному человеку.

— Кому, например?

Мезальянц промолчал.

— Давайте уже расстанемся, — предложил я.

— Парень, но ты ведь сам боишься!

— С чего вы это взяли?

Мезальянц усмехнулся.

— Предметы хозяева держат при себе. Все хозяева становятся гетерохромами. У тебя же оба глаза одинаковы, из чего я делаю вывод, что ты боишься этой штуки. Сегодня ночью попробовал — и испугался. Ты не бойся, никто не погиб. Просто отдай, и все будет в порядке, о тебе забудут.

Я уставился в зеркало, которое висело теперь на двери. Глаза у меня вместо карих стали голубыми. Потом я посмотрел на брата, и все встало на места.

Я смело распахнул дверь. Возьми, если получится.

Мезальянц сначала тоже ничего не понял. А потом посмотрел на Юсю и догадался. Карие глаза моего брата стали темно-зелеными, цвета бутылочного стекла, и от этого лицо его, обычно глупое и бессмысленное, вдруг приобрело печать разума.

— Я ничего не буду продавать или отдавать, а те деньги, что вы дали бабушке, готов вернуть хоть сейчас. Договорились? — предложил я разумный выход.

— Деньги не мои — государственные, — ответил Иван Иванович. — Государство и займется взысканием.

— Тогда до свидания, — кивнул я и закрыл дверь.

Разговор мне не понравился. Если дяденька и вправду из конторских, значит, за ним стоит сила, а выступать против какой-то силы означало конфликт. Существовала, правда, возможность, что Мезальянц — обычный жулик, но что-то подсказывало, что в этом вопросе он не врет. Использовать предметы? Спасибо, мне хватило ночных приключений. Мне вообще не хотелось военных действий. Предметы оказались как наркотик — чувствуя кожей их вибрацию, тяжесть, энергию, хотелось испытывать это чувство силы, которое они дают, снова и снова. Теперь-то я понял, почему Гэндалф из детской книги отказывался надеть Кольцо Всевластья. Искушение — вот что самое страшное в безграничной силе. И главное — отвечать не надо. Кто в здравом уме поверит, что блестящие фиговинки из непонятного металла способны вызвать мор, и глад, и семь казней египетских? Я бы точно не поверил.

Тетка из собеса легко и просто смогла поставить меня в тупик, объявив незаконным получение двух пенсий на две головы о двух ногах. Что говорить о целой конторе, готовой стереть нас в порошок за магический артефакт? И что теперь, все время изображать виброустановку, чтобы все вокруг падали и встать не могли?

Надо драпать, решил я. Куда-нибудь подальше. Денег, что я накануне снял с книжки, вполне хватало, чтобы выкупить целое купе, поэтому мы сходили на вокзал, купили билеты до Владивостока, потом я купил продуктов в дорогу. Устали смертельно, особенно я — потому что еще пакет с продуктами тащил. И только до подъезда осталось несколько десятков метров, Юся снова устроил бунт, причем, гаденыш, тщательно подготовился — усыпил

мою бдительность во время прогулки, дождался, пока я расслаблюсь и забуду о нем, — и точным движением вытащил предмет из нагрудного кармана. И сразу в рот, будто проглотить хотел.

Сразу гул в ушах начался: барсук-то на мне висел, а на Юсе — петух, так что все три предмета законтачили. Если всю дорогу я только всякую фигню под землей наблюдал, то сейчас опять началась иллюминация — зажглись эти красные линии, похожие на параллели и меридианы.

Ну, думаю, капец котенку, сейчас я братца отделаю, как бог черепахи. Вырвал предмет за цепочку, отбросил в сторону, да как начал мутузить вероломного родственника.

Юся, зараза такая, активно сопротивлялся, царапался и даже хотел меня укусить. Но в самый разгар драки нас кто-то окликнул:

— Вы не из-за этой фигни деретесь?

Соседка.

Я, признаться, слегка струхнул. Думаю: вдруг сейчас она почувствует, как работает предмет, и всем разболтает? Правда, Юся заныл «маё», и я вспомнил, что артефакты работают только в руках хозяина. Девчонка, конечно, была ребенком, но вполне понимала, что свое, а что чужое.

— Девочки, висюльку не поделили? — противным голосом спросила она и начала глупо смеяться.

Дура.

— Ты чего смеешься?

— Я? Э... Нет, я ничего... — и опять ржет.

Может, на нее предмет так действует?

— Чего ржешь, спрашиваю?

— Я... ик... не могу... ик... хватит меня... ик... смешить...

Ах, мы тебя смешим! Ну ладно!

— Спорим, я сейчас дуну — и ты улетишь? — сказал я самым страшным своим голосом, которого даже Юся боится.

Но она не испугалась.

— Как... ик... в кино? — Идиотский смех. — Не могу больше... — Опять смех. — Ну, дунь! Ха-ха-ха!

Но, видимо, это был последний смех в организме. Почувствовав, что она успокаивается, я вполне официальным голосом потребовал:

— Отдай мышонка.

Девушка с недовольной миной, но без обычных девчачьих закидонов протянула подвеску:

— Нужен он мне сто лет.

Юся, зараза, опять потянулся за мышонком, но я резко пресек его поползновения, ударив по руке. А соседке сказал, увидев, что она собирается положить предмет мне на ладонь:

— Не так. За цепочку.

— А какая разница? — психанула она.

Ах, так!

— Пеняй на себя.

Я сжал мышь в ладони. Ощущение статического электричества и огней святого Эльма на кончике каждого волоска оказалось не таким уж неприятным. Красные линии проявились, но теперь я видел в них систему и смысл. Можно гору раздробить в песок, засыпать подземные каверны, расколоть тектоническую плиту и выпустить наружу магму, поменять русло реки.

Я решил произвести локальный подземный толчок. Это оказалось не так уж и сложно. Придерживаешь три узла одной ячейки, а четвертый дергаешь, как струну. И вовсе необязательно делать пассы руками, сетка подчиняется мысленным приказам.

Под ногами соседки вспух асфальтовый пузырь, и девчонка свечкой унеслась в кучу песка. К слову сказать, другим локальным толчком я разрыхлил этот слежавшийся холм, утянув арматуру, обломки кирпичей, стекло и прочий строительный мусор к самому основанию.

— Придурок бешенства, — донеслось до меня.

— Все еще смешно? — спросил я.

— Обхохочешься, — прошипела девчонка, отряхиваясь и отплевываясь.

— Шкандыбала бы ты отсюда, сопля.

— И не подумаю. — Она упрямо уставилась мне в глаза.

— Чего?

— Я тебя не боюсь.

— Почему?

— А потому что ты не страшный.

Эта мысль мне в голову не приходила. Я думал, она испугается моей силы, а она на внешние данные смотрит.

Мышь все еще пульсировала в ладони. Чтобы не провоцировать самого себя, я разжал руку. Предмет выпал из руки и тяжело закачался на цепочке.

— Это оно?

Шибко умная. Как бы не пришлось чугуний грузить.

— Не твое дело.

— А можно посмотреть?

— Нельзя. Все, пошла отсюда, а то точно дуну.

— А потом покажешь?

— Отстань.

— Ну пожалуйста, я никому не скажу.

Да отцепишься ты наконец?

— Что ты можешь рассказать, сопля? — Я усмехнулся. Она, конечно, может и рассказать, но кто ей поверит?

— Я не сопля, я Вика.

Кто бы мог подумать?

— Да хоть Хрюндигильда Карловна. Кыш отсюда!

— А тебя можно Егором звать?

Вот пристала, дура мелкая.

— Я сейчас Юсе скажу, и он тебя поцелует.

Юся любил целоваться. Стоит кому-то в его присутствии чмокнуть губами, он тут же лезет с поцелуями. Наверное, ему ласки не хватает.

И только когда мы поднялись к себе на четвертый этаж, до меня вдруг дошло, что нас во время этой прогулки могли застрелить, затащить в машину, ухайдакать обоих трубой по башке. Я так живо себе это представил, что даже мурашки по коже побежали. Нужно торопиться.

Несколько штанов, теплые куртки, ботинки, майки, трусы, туалетные принадлежности, кружку и ложку, продукты, конфеты для Юси. Собирался я абы как, просто в сумку кидал, главное было вырваться из дому раньше, чем за нами придут. Прошелся по всей квартире: закрутил краны, проверил положение выключателей, чтобы без меня дома ничего не потекло, не замкнуло, не взорвалось.

Главное, дотянуть до Владивостока, думал я. Во Владивостоке угоним сейнер или вообще военный корабль. А чего мелочиться? На военном корабле рукой подать до Марианской впадины. Вот куда я сброшу артефакты, а Мезальянц пускай нанимает команду Кусто для поисков, если хочет.

Я нахлобучил Юсе на голову кепку, себе натянул капюшон, и перед тем, как присесть на дорожку, я решил еще задернуть шторы. А когда задернул, мимолетно глянул в окно. И обомлел. Во двор въезжала машина, и что-то мне подсказывало, что это за мной.

Практически одновременно мы с Юсей заткнули друг другу рты. Я посмотрел на брата, и в его бутылочных осколках читалось: засада!

Я не знал, Мезальянц ли это приехал с группой захвата, или еще кто-то, но чувствовал, что надо сидеть тихо, как мышке. Хотя, с другой стороны, наша мышка предпочла бы отнюдь не тихое существование.

Не прошло пяти минут, как в дверь начали стучать, и по стуку я определил, что это не Мезальянц. У него какой-то импульсивный стук был, расслабляющий. Сейчас же молотили так, что хотелось встать, с остекленевшими глазами послушно домаршировать до двери и открыть с криком: «Сдаемсу!»

Юся даже схватил меня за плечо: не открывай. Я тоже схватил его: молчи. Так мы и стояли, держа себя в руках.

А потом стук прекратился, послышались чьи-то голоса, грохот шагов на лестнице, рев двигателя на улице — и снова тишина. Это меня Виктория отмазала. Она хоть и дура, но порой ей в голову светлые мысли приходят.

Как и у всех девчонок, голова у Виктории оказалась забита романтической фигней. То есть, конечно, я не могу говорить за всех девчонок, потому что никогда с ними и не общался, но книги и кино представляют их именно такими. И Виктория была такой. Возможно, она смотрела те самые фильмы и читала те самые книги. Словом, она восприняла все как игру и включилась в эту игру со страстью неопита. Припрягла отца-милиционера, тот, видимо, пребывал в благодушном состоянии — и план бегства обрел реальные очертания.

На милицейском «уазике» мы с ветерком добрались до Одинцово, Викин отец помог нам с Юсей влезть в вагон, пожелал счастливого пути и ушел. Вроде слежки и погони не было, и на вокзале все обошлось без приключений, но, пока поезд стоял, мы никак не могли успокоиться. По спине все время пробегал нехороший холодок, как у травоядных, которые кожей чувствуют приближение хищника.

И, как оказалось, хищник был рядом. Не успели мы как следует устроиться, как дверь в купе открылась и к нам вошел Мезальянц.

— Далеко собрались, молодые люди?

16

Страх и напряжение прошли, будто не бывало. Оказывается, предчувствие неприятностей страшнее самих неприятностей. Мезальянца я не боялся. Это был тщедушный мужчинка, и бояться его было даже смешно. Даже если он имел оружие или владел боевыми искусствами, страху нагонять Иван Иванович или не умел, или не хотел. И даже если он был потенциально опасен, угрозы нашей жизни он не представлял, это я точно чувствовал.

— А зачем вам это знать? — спросил я.

— Хотя бы по той причине, что предметы твои принадлежат мне. Я их купил.

— Не пугайте. Сейчас они мои, и вы прекрасно знаете, что их можно передать только добровольно.

— И поэтому можно обманывать?

Блин, он на второй круг заходит.

— Я вас не обманывал.

— Именно поэтому я тебя не буду убивать. Отдай предметы, и мы расстанемся.

Снаружи зашипела пневматика, тормозные колодки со скрипом ослабили давление на колесные пары вагона.

— Вы с нами поедете? — спросил я.

Как выяснилось, иронизировал я напрасно.

— Могу. — Мезальянц закрыл за собой дверь и вальяжно расселся на соседнем месте.

Поезд тронулся. Я представил, что неделю проведу в его обществе, — и мне стало плохо.

— Откуда вы вообще свалились на наши головы? — спросил я.

— Тебе правда интересно? О, это воистину занимательная история. Слушай!

Петух достался Георгию Даниловичу случайно. Он был еще молодым парнем, носил буржуазное прозвище Гоген и только-только закончил политех. Он устроился работать на завод, и там, в сталелитейном цехе, познакомился с одним забавным стариком, который начал свой трудовой путь едва ли не при Александре Третьем Миротворце. У старика была потрясающе развитая интуиция, он по наитию находил все возможные причины неполадок в оборудовании, по звону определял качество стали, по искре вычислял присадки. Дедушка очень хотел добиться такого же уровня мастерства, но старик никак не мог объяснить, в чем секрет. Он щурился разноцветными глазами и шутил:

— Так ведь опыт, едрена промышленность.

Опыт не опыт, а старик, оказывается, не умел ни читать, ни писать, и даже в ведомости на зарплату ставил крестик с ноликом — Харитон Окулов. Георгий Данилович долго ходил подле Харитона и просто записывал все то, что ему показывал старик, самостоятельно находя объяснения. Постепенно отношения

между стариком и молодым специалистом стали настолько доверительными, что Харитон позвал парня жить к себе:

— У меня хоть и одна комната, да много больше, чем твоя клетушка. Живи сколько влезет, все мне веселее.

Харитон жил бобылем, и Георгий с благодарностью принял его предложение: обстановка в общаге мало способствовала повышению профессионального уровня — ни почитать путем не дадут, ни выспаться.

Вскоре старик сильно сдал, перестал ходить на работу, бывало, целыми днями не вставал с постели. Георгий доставал ему дефицитные лекарства, ухаживал, обстирывал и кормил, но, видимо, срок Харитону Окулову пришел. Почувяв скорую кончину, Харитон как-то вызвонил Георгия с работы и сказал:

— Ты уж, едрена промышленность, не обижайся, да только в металлургии ты смыслишь раз в сто больше меня, Георгий Данилович. Я ж за век свой так ничего и не понял в том, как мы это железо отливаем. Талисман у меня заветный, он мне все и подсказывал. А заberi его у меня — и все, буду я старый дурак.

Он снял с шеи металлического петушка с пышным хвостом и задиристым гребнем.

— Это волшебный петушок, едрена промышленность. Читал Пушкина, о золотом петушке? Про эту гаду написано. Тебе откроюсь, потому как никому раньше даже обмолвиться не мог. Я ж ведь после революции в ЧК работал. Много всякого повидал. Слышал про Леньку Пантелеева? Фартовый налетчик, до сих пор легенды ходят. А спервоначала тоже чекистом был, даже моим начальником. Чуйка у него была, как у гончей собаки, потому что владел он этой птицей. Заранее знал, где пуля ударит. Да в перестрелке потерял он петуха, и убили Леньку. Я случайно наткнулся. Поднял с полу — и меня как молнией пронзило: прячь скорей безделушку, а то и тебя кокнут. Был у нас один, все мечтал Ленькин талисман к рукам прибрать. Уволился я из органов, вернулся домой, на завод устроился. А делать-то ничего и не умею. Вот тут меня этот петушок и выручил, в люди вывел. Дарю тебе

эту штуку, потому что ты, Георгий Данилыч, тоже не за деньгами гонишься, а за трудовым уважением.

Так петух оказался в руках у Георгия Круглова. Сначала он носил его, не снимая, и добился очень высоких производственных результатов благодаря счастливым озарениям, но вскоре заметил, что глаза его поменяли цвет, да и знания, полученные в институте, начали забываться. То ли мозг стал отключать ненужные участки, то ли предмет информацию стирал из памяти. Георгий Данилович перестал носить петуха на груди, а просто хранил в кармане пиджака.

Какое-то время таинственный талисман беспокоил пытливый ум молодого инженера-технолога. Курс сопромата он знал на зубок и сдал по нему экзамены на «отлично». Он абсолютно точно знал, что советская металлургия еще не получала сплавов с такими характеристиками. Каких только экспериментов он не проделывал с амулетом. Нагревал в кузнечном горне — увя, материал оставался холоден. Петух не проводил электрический ток, но сам способствовал скоплению статического электричества в атмосфере, не поддавался механической обработке — ни кузнечной, ни слесарной. Ближе всех по свойствам был победит, с одной лишь разницей — победит хоть и выдерживал очень высокие температуры и трудно поддавался обработке, но был хрупок: достаточно один раз как следует ударить кувалдой, и материал, который режет и сверлит крепкие инструментальные стали, рассыпался в крошево. Словом, петух был подтверждением диалектического закона о неуничтожимости материи.

В поисках информации о сплаве Георгий Данилович тоннами перелопачивал книги по истории и геральдике, большей частью старинные, и обратил внимание, что очень многие европейские гербы имеют одинаковых животных — в основном орлов и львов. Откуда взялся странный артефакт на Урале — неизвестно. Очень много лет назад здесь проходила граница между освоенными русскими землями и Сибирским ханством, здесь шастали византийские агенты влияния, которые расплачивались с кочевыми племенами

византийским золотом, чтобы те нападали на русские селения. Может, эта штука тоже была византийской? Он перерисовал петуха и показывал рисунок знакомым историкам и краоведам, но почти никто не мог ему ответить вразумительно, к какой именно культуре принадлежит подобная стилизация...

Всю жизнь дедушка вел несколько дневников. В один записывал погоду, каждый день три раза — утром, днем и вечером, а в конце каждого года дедушка выстраивал температурный график. Во втором дневнике он записывал все свои инженерные мысли: там были формулы, эскизы, данные из энциклопедий. Третий дневник содержал всю его жизнь, с того момента, как он научился писать. Примерно с шестнадцати лет он перестал оценивать события вокруг, просто сухо фиксировал все происходящее, что казалось ему интересным. Дневники эти, сотни тетрадей различной толщины и формата, заполняли всю нашу кладовку, а после смерти дедушки были переданы в музей.

Но, оказывается, он вел еще и четвертый дневник, дневник о петухе. Маленькая потрепанная книжица в дерматиновом переплете с надписью «Делегатская».

Именно эту книжку дал мне прочитать Мезальянц.

Записи были разрозненные, сделанные разными почерками, чернилами и карандашами, последняя датировалась едва ли не годом папиного рождения.

— Откуда это у вас? — спросил я.

— Из архивов Конторы, скорей всего. Ты не поверишь, сколько там всякой ерунды лежит. Засунь руку — и вытащишь золотой слиток. Если, конечно, не обкусят по самый локоть.

— Но там-то она как оказалась?

— Не знаю. Я получил ее, чтобы провести расследование.

Я задумался. В сущности, я не знал о жизни дедушки ничего, хотя и прочел все его дневники, кроме сугубо профессиональных. И о бабушке тоже, как бы душевно она со мной ни разговаривала при жизни. Может, и хорошо, что не знал? Семейные тайны обычно ничего хорошего не скрывают.

В рубку вошел Мезальянц, и стало совсем тесно.

— Сплетничаете за моей спиной?

— Больно надо, — огрызнулся Егор.

— А я что — подлец? Почему вы у меня ничего не спрашиваете? — Мезальянц, казалось, был уязвлен.

— Да у вас, вроде, принято наоборот, — хохотнул Глеб и холодно продекламировал: — «Вопросы здесь задаю я!»

— Хорошо сказано, — похвалил Мезальянц. — Когда закончится водяное перемирие, это зачтется в твою пользу.

Получилось зловеще.

Полковник Свиридов, недавно возглавивший ГУАП, нашел Мезальянца в фирме по торговле компьютерной и оргтехникой, где Иван Иванович работал начальником службы собственной безопасности. Собственно, Иван Иванович был единственным сотрудником этой службы, но работал за десятерых. В достопамятные времена Свиридов с Мезальянцем вместе служили в Афганистане, в батальонной разведке.

— Хочешь трудной, но опасной работы? — спросил Свиридов у бывшего сослуживца.

— Кто же ее не хочет? — рассмеялся Иван Иванович.

— Тогда приходи ночью на сеновал, куда обычно.

Сеновалом они называли дрянной кабак в недрах старой Москвы, где обычно снопами валялись, зачастую — без штанов и обуви, пьяные в зюю посетители.

Сначала Мезальянц не верил во всю эту ерунду с магическими предметами. Такие штуки невозможно скрыть, о них бы давно шумели все вокруг, наладили бы куплю-продажу, в Интернете появились бы тематические сообщества, и весь мир раскололся бы на тех, кто владеет предметами, и тех, кто хотел бы ими владеть, но не может. Плевать, что у них какие-то побочные эффекты есть.

— Эти штуки способны менять мировой порядок, а о них никто не знает? — смеялся Мезальянц в лицо бывшему командиру. — Ерунда какая-то...

— Они и меняют, — спокойно отвечал Свиридов. — Просто делай дело, и не надо думать, почему никто ничего не знает. Считай, что это теория заговора.

— А почему твоя служба этим не занимается?

— Тут, понимаешь, большая политика замешана, не хочу марасть китель.

— А меня, значит, хочешь?

— Брось, Ваня, мы оба знаем, почему выбор пал на тебя.

Иван Иванович знал. Иван Иванович никогда не играл по правилам, ставя во главу угла эффективность, а не субординацию и дисциплину. Мезальянц всегда был головной болью и шилом в заднице своих командиров. Но он же был самым результативным.

Свиридов рассказал о Первом. Первый был одним из тех мутноватых типов, которые в 90-е всплыли наверх. На самый верх деловых и политических кругов, которые, впрочем, у нас взаимоперепутаны фактически до состояния однородной массы. Начинал в спецслужбах, потом ушел в бизнес, потом вообще пропал из вида, чтобы всплыть на немалой должности в секретариате Совета Безопасности. На новом месте Первый узнал немало интересного о совсем уж закрытой деятельности спецслужб, но особый интерес проявил к деятельности ГУАП и вскоре стал его куратором от Совбеза. Однажды он вызвал недавно назначенного на должность Свиридова и предложил провести небольшую, но сверхсекретную операцию. Задача, поставленная Первым, выходила за рамки полномочий Конторы, да Первому и не хотелось задействовать все ГУАП. Первый попросил найти эффективного наемника, которого потом можно будет «слить».

Ознакомившись с сутью задания, Свиридов сначала хотел отказать, но врожденная осторожность не дала ему совершить такой глупости. Он сразу назвал фамилию бывшего сослуживца, некогда работавшего в Конторе, но после развала Союза ушедшего на вольные хлеба. Мезальянц, услышав о грядущей операции, поинтересовался:

— С каких это пор Контора выполняет частные заказы?

Свиридов скорчил кислую рожу.

— Я тебя не затем вызвал, чтобы ты мне политинформацию читал. Это не совсем частный заказ — ты будешь прикрытием секретной операции, чтобы потом, в случае чего, всех собак на тебя повесить. Ты мне в качестве полевого агента нужен, которого можно «слить».

Иван Иванович не обиделся на слова боевого товарища. Он прекрасно понимал, что «сливать» его Свиридов не собирается. Не впервой, как говорится. Никто, кроме Мезальянца, не умеет натурально инсценировать собственную гибель, чтобы исчезнуть из поля зрения заказчика. Но Ивану Ивановичу не нравилось, что Контора из государственной организации превращается в частную лавочку. Мезальянец видел себя винтиком в бездушной самодостаточной системе, но никак не шестеркой в бандитской группировке. Поэтому и ушел в свое время.

— Вот твоё задание. — Свиридов выложил на стол серый бумажный пакет. — Кроме задания имеется ещё немного наличных на первое время, вполне возможно, потребуются большие расходы. Отчёт каждую неделю в воскресенье по электронной почте. Экстренная связь через прежний конспиративный номер.

— Лады. Ну что, по машинам?

— погоди. Ваня, большая просьба. Не выеживайся. Сделал дело — и отойди в сторону, за тобой пойдут чистильщики. Твоя задача — убедить их, что дело сделано до конца.

— Не учите меня жить.

На том и разбежались.

В папке лежала записная книжка некоего Георгия Даниловича Круглова, по сути — дневник. В дневнике описывалось знакомство, совместное проживание с каким-то стариком, который оказался владельцем предмета. Этот Круглов оказался дотошным парнем, изучил все, что связано с физическими и специфическими свойствами артефакта, даже зарисовал его. С каждым годом записи становились более обрывочны, и время между ними увеличивалось. Последняя была сделана в тысяча девятьсот

шестьдесят втором, и в ней сообщалось, что ведение дневника временно прекращается, без объяснения причины.

Свойство петуха, насколько мог судить Мезальянц, до сих пор не видевший не одного предмета и не очень доверявший информации об их супервозможностях, — это многократно усиленная интуиция. В общем-то, для политика весьма полезное качество, несмотря на все побочные действия. Понятно, зачем Первому такой артефакт. Понятно так же, зачем ему нужен такой, как Мезальянц: загрести жар чужими руками и похоронить эти руки.

Собирать досье на автора дневника пришлось недолго: он так всю жизнь и проработал на том самом заводе, хотя родился и учился в Москве. Единственное неудобство, которое Георгий Данилович доставил Ивану Ивановичу, — это преждевременная кончина. И жена Круглова, Агния Теодоровна, дочка некогда знаменитого профессора МГУ, тоже очень быстро отдала богу душу.

Совместных детей у супругов не было, зато имелись несовершеннолетние внуки, а также — вот удача! — родная сестра Агнии Теодоровны Барбара, проживающая в соседнем городе. С нее-то Иван Иванович и решил начать.

Барбара Теодоровна, по образованию историк, занималась коллекционированием и экспертной оценкой древностей, была видным деятелем польской диаспоры на Урале.

Мезальянц выучил, чтобы автоматически слетали с языка, несколько польских выражений, в основном обценной тематики. Стал безвкусно одеваться, увешался цацками и прочей атрибутикой быстро и нечестно обогатившихся мерзавцев, скопировал одесский говор и на мягких лапах стал издали подбираться к коллекционеру и эксперту Барбаре Теодоровне Кравец. Иван Иванович умело изображал профана, скупал всяческую ерунду, хотя попадались там и действительно ценные вещи — например, бронзовые украшения в пермском зверином стиле, добытые черными копателями. Наконец, у Мезальянца с Барбарой Теодоровной установились доверительные отношения. Выглядела она

гораздо моложе своих лет, и если бы Иван Иванович сам не читал ее личное дело, ни за что не догадался бы, что они не ровесники.

А еще Барбара Теодоровна носила на шее барсука. Впервые увидев фигурку, Мезальянц едва не присвистнул от удивления, потому что по стилистике исполнения сидящий на задних лапах зверь очень напоминал петуха. Правда, глаза Барбары Теодоровны были одинаковыми, но это ничего не значило — она могла маскировать разные глаза контактными линзами.

То не было ни гроша, то вдруг алтын, подумал Иван Иванович. Ну что же, насчет барсука в задании ничего не говорилось, можно будет выторговать у старушенции фигурку и посмотреть, как же эта хреновина на самом деле работает.

— А ваш кулон к какой культуре относится? — спросил однажды Иван Иванович.

— У вас наметанный глаз, друг мой, — очаровательно улыбнулась Барбара. — Некоторые относят к скифской, другие — к сарматской, но, к сожалению, предмет в единственном экземпляре, и сравнить не с чем. Так что эта вещь не продается.

— Я вам хорошую цену дам, — сказал Иван Иванович. — Все равно этот барсук больше на поросенка похож.

Женщина рассмеялась:

— Зачем же он вам тогда?

— У меня друг есть в Москве, — сказал Мезальянц. — Вы, наверное, знаете, его сейчас часто по телевизору показывают...

— Я не смотрю телевизор.

Мезальянц тяжело вздохнул и назвал Первого по фамилии-имени-отчеству, а главное — должности.

— Вот как... — удивилась Барбара. — И что?

— Он собирает такие штуки, я у него несколько видел. И все, говорит, в единственном экземпляре.

Барбара задумалась. Мезальянц ликовал: буквально от фонаря ляпнул первое, что в голову пришло, а как озадачил собеседницу. Первый — звезда, фаворит!

— Так что, продадите?

— Я подумаю.

Думала она недолго, дня два. А потом пригласила к себе домой.

Дома у Барбары стоял тяжелый запах лекарств. И выглядела она из рук вон: старая развалина, да и только.

— Не пугайтесь, — сказала она. — У меня неоперабельный рак, мне осталось совсем немного. Вы первый за последний год человек, побывавший у меня в гостях.

Мезальянец немного струсил. Он не боялся смерти или болезней, но вот так, с ходу узнать, что цветущая на людях женщина на самом деле одной ногой уже в могиле стоит... Неприятный сюрприз.

— Может, я могу?..

— Нет, не можете, мне даже в Израиле ничем не помогли. Но у меня есть к вам деловое предложение...

Барбара Теодоровна выложила перед ним две звериные фигурки. Две! Барсук и мышь! Ай да Иван Иванович, ай да сукин сын!

— Я умру, не сегодня — так завтра. Все, что я имела, уже продано, только эта информация пока под большим секретом. Коллекционеры все ужасно обидчивые, перессорятся еще раньше времени, никто на похороны не придет, а у меня уже все готово... Остались только эти две вещи — моя и сестры.

Это что же за семейка у вас: каждый свой предмет имеет? Мезальянца взяли было сомнения, но он их отбросил: потом сомневаться будет, когда предметы получит.

— Не считите меня маразматичкой, но я открою вам небольшой секрет: эти предметы воровать или отбирать бесполезно. Только получить в дар или найти. Можно еще с мертвого тела снять, но, думаю, мы успеем раньше.

— Вы мне их дарите? — обалдел Мезальянец.

— Не совсем. Я подарю их вашему другу. Но с одним условием. Все свои сбережения я оставила своему двоюродному внуку. Но, думаю, этих денег не хватит, чтобы обеспечить его жизнь до конца, — он инвалид и никогда не сможет работать. Я прошу купить эти вещи. По два миллиона за каждую — не очень дорого?

Мезальянец крикнул.

— А что они умеют?

Тут настала очередь удивляться Барбаре:

— Так вы в курсе?

— Ну, более или менее, — открыл карты Мезальянц.

— Тем лучше. Барсук позволяет видеть сквозь землю и сквозь любую горную породу. Мышь роет идеально круглые норы какой угодно длины и ширины, в любой породе. Вместе они способны устроить землетрясение, поэтому пользоваться ими одновременно нельзя, так и передайте вашему другу.

— Э... — хотел возразить Мезальянц, но Барбара Теодоровна скривилась, сморщилась, скрючилась вся и попросила оставить ее и навестить, когда вопрос с деньгами решится.

Вопрос решался два дня. Пока Мезальянц придумал убедительную версию, зачем ему такие деньги, пока эти деньги перечислили, Иван Иванович извелся весь — как бы не крякнула старушка раньше времени.

Но она дождалась. Иван Иванович принес ей сберкнижку на имя Егора. Барбара Теодоровна лежала в постели и мучительно кашляла.

— Спасибо, — прошептала она еле слышно. — Навестите его сразу после моей смерти, он в соседнем городе живет. Пусть обязательно приезжает на похороны.

— Может, его сейчас привезти, пока не поздно?

— Чтобы он запомнил меня такой? — Барбара Теодоровна засмеялась, а потом закашлялась. — Ну уж нет. В гробу меня подшаманят, буду как живая. Возьмите предметы, они на столе.

Мезальянц взял. Тяжеленькие, твердые, и впрямь — как из победита сделаны.

— А вы не могли бы мне их подарить? — спросил он.

— А как же друг?

— Я ему сам подарю. Ну очень мне хочется попробовать, как это они работают.

— Мы поступим так. Я их никому не подарю, и вы автоматически станете их владельцем после моей смерти. Потерпите? Со всем немного осталось.

— Потерплю.

Она держалась еще неделю. Потом умерла. И тут Иван Иванович понял, что бабка его надула.

Предметы не действовали. У Мезальянца не поменялся цвет глаз, он не смог смотреть сквозь землю и рыть норы силой мысли. Иван Иванович нагрел барсука зажигалкой — и обжегся о его поверхность.

Многие пытались обмануть Мезальянца, но получалось это у единиц. И всем им Иван Иванович отплатил сторицей. А вот бабушке фиг отомстишь, она померла. Отомстить внуку? А что толку?

Вот оно! Внук. Почему она говорила в единственном числе, когда в документах речь идет о двух? Может, настоящие предметы она ему подарила? Кинула лоха, позвонила внуку, сказала: «Хватай деньги и драпай!» Хотя нет, не вяжется. Книжка-то с деньгами осталась у Мезальянца.

В любом случае, стоило этого Егора навестить.

18

Внуки оказались занятной фигурой — одной на двоих. Егор, тот, на которого Иван Иванович оформил вклад, переносил уродство стоически, но вследствие этого приобрел вагон всяких комплексов, поэтому корчил из себя мизантропа и циника. Недоверчивость, возведенная в принцип, сочеталась в нем с наивностью, граничащей с идиотизмом. С первых минут разговора Мезальянец понял — Кравец надула всех, развела, как кроликов. Внук вообще не подозревал о наличии бабушки, а следовательно, ни о каком барсуке знать не мог. Тем не менее деньги открывают любые двери, и, оказавшись наконец в квартире Кругловых, Мезальянец сначала не поверил глазам. Мышь и петух. Висят, судя по старому дюбелю в стене, весьма давно. Все-таки удача на стороне Ивана Ивановича.

Егор отказался продать предметы, но Мезальянца это не расстроило. В конце концов, деньги уже заплачены, а что возьмет

Иван Иванович не совсем то, что покупал у покойной Барбары Теодоровны, — так это издержки коммерции.

Теперь надо было действовать быстро и четко. Иван Иванович позвонил в Москву и надиктовал на автоответчик информацию о близнецах и петухе, тактично промолчав о мыши и упущенном барсуке. Скорей всего, чистильщиков отправят сразу же, то есть если ночью бойцы вылетят в Екатеринбург, то будут там около пяти утра местного времени. Пока найдут машину, пока доедут — пройдет еще полдня. Надо успевать.

Егор, несмотря на всю свою категоричность, воспользовался оплаченным такси до Одинцово. Ох уж эта любовь к халяве... ну, ладно, это не беда. Могло быть хуже — если бы Егор заупрямился и остался дома. В Афганистане Ивану Ивановичу приходилось убивать несовершеннолетних, но там выбора не было — либо ты, либо тебя. А здесь такая эскапада могла грозить психическим расстройством. Слава богу, обошлось. Убрать подростков все равно придется — чтобы право на обладание предметами перешло к нему. Допустим, вернутся братья с похорон, а у них утечка бытового газа. Но это же не душить голыми руками, это же несчастный случай.

Мезальянец проник в квартиру легко, будто к себе. Обстановочка, конечно, здесь была та еще. Халупа Мезальянца в Строгино, где он не бывал месяцами, и то выглядела более обжитой и даже не лишенной приятности — по крайней мере сам Иван Иванович любил туда возвращаться и днями напролет валяться на диване, листать подписку «Огонька» за тысяча девятьсот восемьдесят девятый год и пить пиво со слепым соседом, который и в таком состоянии переигрывал Мезальянца в шахматы. А здесь — просто камера предварительного заключения, разве что с обоями, удобствами и без решеток.

И еще его ожидало очередное разочарование — петуха и мыши на месте не было. Очевидно, Круглов взял их с собой. С несчастным случаем придется обождать хотя бы до завтрашнего утра: вечером слишком много народу шастает, опять же, утром пострадавших меньше будет — люди на работу уйдут.

В Одинцово, где проживал все эти дни Иван Иванович, подземных толчков почти не чувствовалось, поэтому, когда утром он въезжал в полуразрушенные Понпеи (вот ведь названьице у города), увиденное его серьезно озадачило. Он вспомнил слова Барбары о возможностях двух предметов и задумался: может, мышь с петухом тоже способны устраивать такие катаклизмы? Или все же его надули? Второй раз? Немыслимо!

Он добрался до Кругловых и постучался. Из-за стихийного бедствия почти все жители дома не вышли на работу, и теперь убирать подростка не имело смысла — несколько человек видели Ивана Ивановича перед квартирой близнецов. Мезальянц пытался оказать на Егора психологическое воздействие — и подкупом, и запугиванием, но тот, видимо, уже почувствовал силу предметов и расставаться с ними не собирался. Испытывать на себе силу барсука и мыши Мезальянцу не хотелось, и он отступил.

Не стоит думать, что Иван Иванович растерялся. Он понимал, что Круглов — закомплексованный подросток и что давить на него далее не имеет смысла. Егор не знает, что ему делать дальше, это только на руку Мезальянцу. Нужно было выиграть время. Туманно намекнув на возможные неприятности, Мезальянц ретировался, чтобы придумать, как заставить Круглова отказаться от навалившегося счастья. Главное — из поля зрения его не выпускать. Потому что Егор сразу после неприятного разговора отправился на вокзал. Если бы не уйма народу на улице, Мезальянц мог несколько раз убить и избавиться от трупа — так далеко был этот вокзал. Однако повсюду работали ремонтники, милиция патрулировала улицы, так что Ивану Ивановичу оставалось держаться на расстоянии.

Пацан решил бежать. Причем не куда-нибудь, а сразу на Дальний Восток. Чего уж ему взбренило во Владик ехать, Мезальянц понять не мог, но это был шанс. Доехать с близнецами до Омска, забрать предметы, потом на самолете до Москвы, а оттуда уже куда-нибудь подальше. Жалко Свиридова, но это был шанс вырваться из того болота, в которое постепенно превращается страна.

Мезальянц купил билет в соседнее купе и посмотрел на часы. И задумался. Возможно, ехать никуда и не придется. Времени уже за полдень. Скоро придут специалисты, которые все вопросы решают силовым путем. И хотя в политике, куда Первый рвется, сила нужна лишь как последний довод, он вряд ли думает об этом. У него одна цель — петух. Что ж, у Мезальянца сейчас тоже одна цель — не допустить, чтобы Первый добился своего. Если для этого потребуется стрелять... что ж, он готов стрелять.

Он не собирался мешать «специалистам». Расчет был простой: либо «специалисты» нейтрализуют братьев, либо наоборот. В любом случае, Мезальянц собирался нейтрализовать победителя. Он надеялся, что победителями окажутся московские гости, иначе достигнуть цели будет гораздо труднее.

Но все оказалось еще более запутанным.

«Волга» с чистильщиками подъехала примерно через час, как близнецы вернулись домой. Иван Иванович решил, что близнецы попали в мышеловку, как что-то произошло. Сначала с водителем поболтала какая-то девчонка, потом она ушла в подъезд, в котором жили Кругловы, и через минуту оттуда выскочил человек, запрыгнул в машину и «волга» умчалась в сторону вокзала.

Похоже, уральская земля отупляюще действует на спецов — что на Мезальянца, что на чистильщиков. Иван Иванович ясно представил себе, что именно сказала чистильщику девчонка. «Они ушли». И как не поверить малышке?

Что ж, посмотрим, что будет дальше.

19

Дальше было немного скучновато — два часа полного бездействия. Потом подъехал милицейский «козел», и Мезальянц понял, что сейчас будет. Менты посадят близнецов в поезд и проследят, чтобы никто не подсел к ним до самого отправления.

Что же... молодцы. Тогда стоит сесть в поезд раньше, чем туда сядет Егор. Или лучше — позже! Уехать в Одинцово, там догнать Круглова и обрадовать своей компанией.

Мезальянц поймал частника, заплатил двойную цену и уже через час ждал поезда на одинцовском вокзале. Поезд пришел по расписанию, но отчего-то в купе близнецов не оказалось.

Полный самых нехороших предчувствий, Мезальянц вышел на перрон — и чуть не спалился. Потому что какой-то мент помог близнецам пробиваться через толпу. Иван Иванович поспешно спрятался за железным киоском. Мент кое-как взгромоздил Кругловых в вагон, помог занести вещи и через две минуты вышел. Ну вот, теперь все.

Однако появление Ивана Ивановича если и испугало Егора, то виду он не подал. Держался смело, даже дерзко. Из колеи его выбил разве что дневник деда, и то ненадолго.

— Ну, ладно, — сказал он. — И что теперь?

— Ты отдашь мне предметы, и я исчезну. Деньги можешь оставить себе.

— Вы напрасно потратились, — сказал Егор. — Я не отдам вам предметы.

— Тогда мне придется тебя убить, — сказал Иван Иванович. — Я не говорю, что мне это удовольствие доставит, но тут уж никак не деться: если враг не сдается, его уничтожают.

— Не убьете, — усмехнулся Круглов.

— Почему?

— У вашего пистолета глушителя нет.

— Я могу и голыми руками.

— Не сейчас.

— Почему?

— Не знаю. Интуиция.

Иван Иванович подумал, что свернуть шею Егору было бы наглядным опровержением всей его интуиции. Но ничего не случилось: в купе постучали.

— Не заперто! — громко объявил Егор.

Дверь открылась, вошла круглая, как пончик, проводница.

— Билетики ваши?

Она заслонила собой братьев. Спросила, будет ли Егор брать белье, проверила у него билеты, согласилась, что с таким братом лучше ехать без соседей, предложила чаю, печенья и газет и вернулась к Мезальянцу:

— Вы, кажется, в соседнем купе едете?

— Совершенно верно. Вот, зашел к знакомцу поболтать, — широко улыбнулся Мезальянц. — Вы мне тоже чайку сообразите?

— Вот только билеты проверю, — зарделась проводница.

Вдруг хлопнула дверь в тамбуре, и на весь вагон загудели два голоса: женский и девчачий.

— Это последний купейный! Если и здесь нет твоего брата — все, вызываю милицию, — говорила женщина.

— Должен быть! — уверенно отвечала девочка.

Иван Иванович заметил, как напрягся Егор. Проводница вышла из купе:

— Чего у тебя, Рая?

— Да вот, девка прямо на ходу в поезд заскочила — за мной, говорит, маньяк гонится! А за ней и впрямь такая рожа лезла — страх!

Наша проводница охнула. Рая же, пока невидимая, продолжала:

— А она говорит, что у нее здесь брат едет, — пауза, — два.

Проводница обернулась на Егора:

— Не ваша девочка?

— Какая девочка?

В дверном проеме возникла та самая девчонка, что обманула чистильщиков.

— Ты что здесь делаешь?! — завопил Круглов.

А его брат вдруг ткнул пальцем в гостью и захохотал:

— Ика! Ика!

— Так, все ясно, — сказала Рая. — И что теперь делать будем? Следующая станция только через три часа, это уже другая область, да еще и стоим три минуты. А?

— Я с Егором поеду! — сказала девчонка.

— А билеты? А документы?

— Егор все купе купил, тут три места свободных.
— А родители знают? — спросил Егор.
— Так меня же по-хи-ти-ли! — последнее слово девочка-заяц произнесла по слогам.

Повисла тишина. Егор молчал. Проводницы молчали. Иван Иванович тоже молчал. Только стучали колеса, да в соседнем купе звенели стаканы — соседи знакомились.

Ситуация и впрямь была сложная. Чужой ребенок, без документов, без родителей... Явная обуза. Особенно Мезальянцу.

— Мне кажется, надо начальнику поезда сообщить, — нарушил тишину Иван Иванович.

Рая сразу погрустнела, хотя и до этого выглядела не особенно веселой. Ее коллега тоже расстроилась.

— Может, не надо? — спросила девочка. — Я буду тихо сидеть...

— Ты что, сопля, обалдела, что ли? — завелся Егор.

— Я не сопля, я Вика!

— Ика! Ика!

— Я сейчас родителям твоим позвоню!

— Не позвонишь, сам говорил, что связь не работает!

Егор вынул мобильный телефон и набрал номер.

— Блин! — чертыхнулся он. — Связи нет. Я на станции позвоню!

— Вот, точно! — сказала Рая. — На станции и позвони. А родители придумают чего-нибудь. Пойдем, Тася.

Проводницы буквально растворились.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — сказал Иван Иванович. — Егор, я рядом, если что. Эта проблема может быть легко решена, и ты знаешь, как.

— Во! — Круглов показал кукиш.

— Как знаешь.

20

— Окунуться в алебастр, — хмыкнул Боря. — И как, дозвонился?

— Ты лучше у этой дуры приставучей спроси, — кивнул Егор на Виксу.

Викса приосанилась. Уж она-то в сложившейся ситуации видела только плюсы.

— А что значит «окунуться в алебастр»? — спросила она у Глеба.

Тот посмотрел на Борю как на дурака и постучал себя пальцем по лбу. Но ответил:

— Это такая идиома. Иными словами — фигура речи. Значит «рассказывай, нам интересно».

— Ну, слушайте...

Дозвониться удалось только после Тюмени. Да и то не домой, а на работу к Викиному отцу.

Папа был спокоен. Он спокойно выслушал Егора, спокойно выслушал Вeksu и спокойно пообещал оторвать обоим головы. Спросил, когда они будут во Владивостоке. Хватит ли денег на еду. На какой вокзал прибывает поезд. Проводницы с удовольствием проконсультировали, что железнодорожный вокзал во Владике один, практически совмещенный с морским: «Прямо к океану вас подкатим».

— Я прилечу на самолете, — сказал папа. — Не переживай, я вас встречу.

— Я-то не переживаю, — ответил Егор, злобно поглядывая на Вeksu, которая свесила голову с верхней полки и внимательно подслушивала, чем ей грозит грядущая встреча с отцом. — Главное, чтобы Вика не заскучала.

— Купи ей детектив какой-нибудь, — сказал папа. — Как раз до Владивостока хватит.

— Хорошо, — сказал Егор.

— погоди. — Папа откашлялся. — Спасибо, что позвонил.

— Не за что. Куда бы я делся с подводной лодки?

— Деваться всегда есть куда. Держись.

У Вeksu в сердце будто фонтан из пепси-колы бил. Приключение! Настоящее! С похищением, погоней, волшебством! И главное — она ни в чем не виновата!

— Поздно уже, давай спать, — сказал Егор.

— А детектив?

— Завтра.

Викса не обиделась. Завтра — так завтра. Если уж начистоту, то она и сама уже устала. Поэтому она сладко зевнула и укрылась простыней.

— Але! — не дал спать Егор. — Марш умываться и чистить зубы!

— Ты че как мама-то? — возмутилась Викса.

— Я за тебя по шее получать не собираюсь.

— У меня нету!

— Пасты и щетки? Возьми мои.

Вот вонючка! Но пришлось подчиниться. Еле удерживая равновесие, она умылась, почистила зубы, причесалась и вернулась в купе. Там Егор учил Юсю разговаривать.

— Ну, скажи — «Егор»!

— Ика! — радостно улыбался Юся и показывал пальцем на Вику.

— Да, она — Вика, а я — Егор, — сказал Егор.

— Ика!

Егор плюнул и увел Юсю умываться. Тут же из своего купе вышел дяденька Мезальянц.

— Вы тоже умываться? — спросила Викса.

— Чего?

— Ну, Егор Юсю увел зубы чистить, занято там сейчас.

— А... так вы решили?

— Конечно! Мы едем до Владивостока, а там нас встретит папа.

— Вон как... Ну, ладно, увидимся.

— А в том конце вагона туалет свободен... — хотела помочь Викса, но дяденька уже вернулся в свое купе.

— Ну и ладно, — сказала она себе.

С этого вечера сутки потянулись медленно и тягуче. Ночью не спалось, потому что братьям тесно было на узкой полке и они ворочались. Днем оставалось только смотреть на пейзажи, пролетающие за окном, потому что разговаривать с Викторией Егор не хотел. Правда, Мезальянц внял просьбе и купил на станции два милицейских детектива, так что ехать стало не так скучно.

Перед прибытием во Владивосток в гости зашел Мезальянц.

— Ты не надумал? — спросил он у Егора.

— Нет.

— Нас могут встретить прямо на вокзале. Они наверняка выяснили, до какой станции ты едешь.

— Мне кажется, вы нам поможете скрыться, — улыбнулся Егор.

— С какой стати?

— Вы же надеетесь получить приз.

— Мальчик, ты не знаешь, с кем связался. Им ничего не стоит взять вагон штурмом.

— А мне ничего не стоит устроить землетрясение в десять баллов. Вы же должны были об этом сообщить, верно?

— Значит, ты решил-таки воспользоваться предметами? А я думал, ты у нас облик морале.

— Не ваше дело.

Викса не совсем понимала, о чем идет речь, но догадывалась, что Мезальянц и Егор друг друга почему-то не терпят.

— Тебя снайпер снимет, дурачок, — сказал Мезальянц. — И меня заодно, и ее, — он кивнул на Виксу.

— Не снимет, — ответил Егор. — Мы чувствуем опасность.

Викса и рта не успела раскрыть, как все случилось. Мезальянц вдруг метнулся к Егору, растопылив пальцы, но тут же охнул, согнулся и упал на пол: нога близнецов будто сама по себе дрыгнулась и угодила Ивану Ивановичу в пах.

— Ты че! — закричала Викса на Егора. — Дурак, что ли? Он же старше тебя!

— Ну и что?

— Да ниче! Так вообще нельзя людей бить!

— Ты же видела — он сам хотел меня ударить.

— Увернуться не мог?

— Не мог. Некуда было. Папе потом расскажешь, он тебе объяснит.

— Да уж расскажу! Все расскажу!

Викса спустилась с полки и помогла Мезальянцу встать. Он принял помощь без благодарности, но его можно было понять — такое унижение!

В эту ночь Викса из вредности зубы чистить не пошла.

Впрочем, и Юся с Егором тоже.

На следующее утро на вокзале папы не оказалось. Как, впрочем, и снайперов. Не то и впрямь кто-то испугался землетрясения, не то не успели встретить.

— А где папа? — спросила Вика.

— Боюсь, он даже и не вылетел, — ответил Егор. — Правда?

Иван Иванович не ответил.

Вот такой группой заклятых друзей и пришли они в порт, где Егор долго и придирчиво выбирал какое-то судно.

— Какое-то... — обиделся Боря. — *Окунись в алебастр: это «Ярославец», гордость Тихоокеанского флота!*

— Рули давай, неровен час — сорвемся! — прикрикнул на него Глеб, а потом обратился к Вике: — Ну а дальше?

А дальше братья зашли по сходням на борт и полчаса проторчали внутри, пока Вика и Мезальянц шатались около. Мезальянц терзал мобильный, у него ничего не получалось, и в конце концов он выбросил его в воду. В этот момент на палубу выползли Юся с Егором.

— Может, лучше останетесь? — предложил Егор спутникам. — Мы можем не вернуться.

— Только с предметами, — ответил Мезальянц. — Иначе меня сожрут и не подавятся. Кроме того, я всегда смогу свернуть тебе шею, если заподозрю, что ты злоупотребляешь властью...

— ...данной тебе Господом, — невпопад сболтнула Вика.

— Чего? — хором спросили Мезальянц и Круглов.

— Ничего, — ответила Вика. — Так всегда в кино говорят.

Егор закатил глаза.

— Объясняю, зачем мне катер. Мы доплывем до Марианской впадины и выбросим туда эти предметы, чтобы никто за ними не гонялся.

— Ты дурак? — ахнула Вика. — Насовсем?

— Я не верю, — ухмыльнулся Иван Иванович. — Ты врешь.

— Игол? — вопросительно посмотрел на брата Юся.

Через десять минут дизель в моторном отсеке взревел, и «Ярославец» отправился в свое самое долгое путешествие.

— Марксизм тебе нужен, девка. — Боря, стоявший за штурвалом, потрепал Виксу по голове. — Марксизм и еще раз марксизм.

— В твоих приключениях без бутылки не разобраться, — добавил Татарин, не отрывая взгляда от волны. — Бесконечность понять легче.

— Мне окунуться в алебастр? — спросила Вика.

В это время Грузин старался держаться течения, чтобы не терять скорость. Двигатель работал на самых малых, только чтобы не перемахнуть за гребень волны. Реплика Виксы так его развеселила, что он заржал в голос, и Глебу пришлось его заменить.

Мезальянц с Егором смотрели друг на друга, Глеб поглядывал на них и хихикал.

— Чего улыбаемся? — спросил Боря.

— Да так, мамихлапинатапа.

— У кого?

— У террориста и контрика.

— А что такое эта... как ее... в тапках которая? — спросила Вика.

— Мамихлапинатапа? Это у индейцев племени яган с Огненной земли есть такое понятие, когда двое друг на друга смотрят и ждут, когда другой сделает или скажет то, чего они оба хотят, но не могут решить, кому начать.

Террорист и контрик очнулись, видимо, от заумного определения.

— Егор, пойдём-ка подышим, — предложил Мезальянц Круглову.

Кругловы нехотя поднялись с места и пошли на выход.

На палубе было свежо, даже холодно. Юся немедленно натянул до ушей вязаную шапку и закутался в куртку. Я приготовился слушать, хотя примерно уже знал, о чем пойдет речь.

— Тебе не кажется, что нас кто-то ведет? — спросил Мезальянц, придерживая штормовку, накинутую на плечи.

— Кажется. Я веду.

— Не делай вид, что не понимаешь, о чем я говорю. Эти твои штуки будто тащат куда-то.

— Не тащат, это просто кусочки металла, без мозгов. Не перекладывайте с больной головы на здоровую, — покачал я головой. — Вы сами во все это ввязались, за уши никто не тянул.

— Ладно, — согласился Мезальянц, — уел, не поспоришь. Но признай — слишком легко у тебя все получается. Так не бывает. И мне это не нравится.

— Мне тоже. Но рационально это не объяснить.

— Все можно объяснить рационально.

— Тогда объясните мне петуха и все эти артефакты магические, если все можно.

— Это очень развитая технология. Не знаю, чья, не знаю, по какому принципу это действует, но если оно существует, значит, такие технологии возможны. Может, это инопланетяне. Может, пришельцы из будущего.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

— Ты точно решил избавиться от предметов?

Вот болван!

— А по-вашему, для чего мы здесь?! На пикник выехали?

— Не кипятись. Я же давал тебе записки твоего деда. Это же великие возможности. А ты и сам не ам, и другим не дам?

— Да мне пофигу, что там дедушка написал. Если он прав, то все, приехали, надо заворачиваться в простыню и ползти на кладбище, — зашипел я на Ивана Ивановича. — Это значит — от вашей или моей воли нифига не зависит, и все решают дурацкие фигурки. Вы мне это хотите сказать?

— Я хочу сказать, что могу взять ответственность на себя.

— А вот этого вы не хотите? — Я согнул руку в локте, а Юся положил свою ладонь мне на сгиб.

Очень эффектно получилось.

— Только через мой труп, короче.

Мезальянц пожал плечами: мол, через труп, так через труп. Но его я не боялся. Я вообще ничего не боялся. Кроме своего проклятого наследства.

Может, своих мозгов у предметов и не было, а вот обмен веществ у них оказался завидный. Энергию они потребляли со страшной силой и высосали из меня все силы. Я абсолютно умотался и ходил как выжатый лимон, но при этом мне хотелось действовать. Вернее, хотелось нам, причем вещей абсолютно диких, например — разрушать и создавать горы, выплескивать озера, вызывать приливные волны.

Но ничего, скоро этот кошмар закончится. Впереди нас ждал Марианский желоб.

До него было рукой подать.

21

Двери открыл какой-то баскетболист. С Барбары чуть панама не упала, пока она поднимала голову, чтобы рассмотреть верзилу.

Сначала она уткнулась носом в футболку с надписью «SAVE WATER! DRINK BEER!», потом увидела тощий небритый подбородок, пухлые, словно обиженные, губы, горский нос и печальные глаза.

— Ой... — растерялась Барбара.

— Вам кого? — спросил баскетболист.

— Далила здесь живет?

— А вы кто?

— Я ее тетя.

— Донна Роза?

Да он шутник.

— Барбара. Давайте уже без кокетства?

— Проходите.

В доме работал кондиционер, было прохладно. Баскетболист закрыл дверь и пригласил выпить.

— Пива?

— А воду бережете?

Обиженные губы улыбнулись.

— А вы мне нравитесь... Барбара?

Она кивнула.

— Так вам воды? Или пива. Есть еще алкоголь...

— Какой?

Губы расплылись в стороны и обнажили прокуренные зубы.

— Вы мне точно нравитесь. Открывайте холодильник и выберите любой алкоголь, который вам будет по вкусу.

— А где Далила?

— В Австрии. Мы расстались.

— Что?

— Ну, не совсем расстались. Разбежались проверить чувства. Девчонок в лагерь отправили, а сами вот... проверяем.

Только теперь до Барбары дошло, что Макс — муж Далилы — уже изрядно выпил. И племянница в Австрии. А от кого же ждать помощи? Не от этого же пьяного баскетболиста?

— С ней можно как-то связаться?

— О, связаться можно! — горячо закивал Макс. — Отвязаться вот совершенно невозможно, а связаться — сколько влезет.

— Да что у вас с ней произошло-то?

— Чистоту оба любим, — сказал Макс. — По-своему.

Он выпил полный фужер прозрачной жидкости и упал со стула. Барбара подумала — насмерть, но богатырский храп развеял ее опасения.

Барбара перетасила зятя в гостиную, кое-как взгромоздила бесчувственное тело на диван и уселась рядом, отдышаться.

На глаза ей попался телефон.

Куда звонить? В полицию? Ну, это вряд ли. Была еще одна организация, но Барбара не была уверена, что стоит туда звонить. Все-таки это тоже Контора, хоть и еврейская. Кто их знает, какие они преследуют цели?

Но внука надо было выручать. В конце концов, она была обязана ему жизнью.

ЧАСТЬ 2

ВОСЬМОЙ С ПОЛОВИНОЙ ВАЛ

1

Первый отлично умел скрывать эмоции. Неудача в Понпеях, предательство доверенного лица, исчезновение объекта из поля зрения не выбили его из седла. В любом случае, в его подчинении ресурсы не последнего в стране ведомства, и на него работают люди ГУАП, больше которых в России о предметах не знает никто. Никто не помешает ему двигаться вверх.

Требуется лишь немного дожать.

Он шел к этому моменту с тех самых пор, как узнал о реально существующих магических предметах. Узнал еще в молодости, работая особистом в закрытом НИИ, изучающем нацистские архивы. Досье «Дойче Ананербе» на артефакты набралось внушительное, свойства их обещали самые головокружительные перспективы. Но после тщательного изучения темы Первый пришел к выводу, что большинство артефактов абсолютно бесполезны в современном информационном обществе. Даже странно, что из-за таких безделушек, как орел или лев, рождались и гибли державы. Причем именно орел и лев больше всего отразились в геральдике великих государств современности и минувших веков. Обман и отвага, не подкрепленная здравым смыслом, — вот два краеугольных камня, на которых стоят США, Великобритания, Россия, Германия, Польша... Впрочем, изучать влияние артефактов исчезнувшей цивилизации на дела сегодняшние — не его дело. Требовалось срочно брать ситуацию под контроль.

Если верить докладу Свиридова, близнецы, а вместе с ними и хваленый профессионал, сейчас где-то в пределах Америки. Мезальянец переиграл Свиридова, умный оказался, но неужели он полагает, будто Контора не сумеет достать предателя и на том конце земного шара? Впрочем, наказание строптивого наемника не являлось приоритетной задачей. Первый абсолютно точно знал, что поиском артефактов занимаются не только в России, а эти подростки создают вокруг себя ненужную информационную волну.

По странному стечению обстоятельств у них оказались еще два артефакта. О сотрясателях земли, двух предметах, которые в совокупности могут управлять локальными тектоническими процессами, Первый тоже слышал, но они считались давно утерянными. Собственно, информацией о том, что с их помощью можно учинить неконтролируемое землетрясение, все знания об этой паре и исчерпывались, неизвестно было даже, как они действуют поодиночке. Судя по всему, толку от них немного. Требовалось не упустить хотя бы петуха, остальное — забавные игрушки. Хотя... зачем разбазаривать стратегические материалы? Все, что имеется, надо сохранить.

2

Акулу Боря с Глебом поймали на третий день, когда все смирились с мыслью о предстоящей трапезе из кожаного ремня Татарины. Но ремня не хотел никто, а рыбы — все.

Это была огромная, больше метра от головы до хвоста, рыбина. Самое смешное, что ни Боря, ни Глеб уже не пытались рыбачить. Якорем-кошкой Грузин пытался зацепить чей-то потерянный спасательный круг, что точно так же неприкаянно дрейфовал над Бездной Челленджера в районе Марианских островов, как и мы сами.

— На кой тебе этот мусор? — вяло препирался с капитаном Глеб. — Если выживем, я тебе сам такой сделаю.

— Окулись-ка в алебастр, — огрызался Боря, после очередного недоброса вытравливая линь с кошкой. — Импортная вещь, что ты понимаешь? Может, это с лайнера «Куин Элизабет».

— Да хоть с «Варяга», — не сдавался Глеб. — Мы завтра ласты завернем, на кой нам твоя «Куин»? Пойдем, попробуем еще раз сигнал послать.

— Не скажи, не скажи. — Боря склонился над бортом и вытащил орудие лова. — Мы выживем, потом вернемся, и я всем буду показывать этот круг как доказательство. И даже отмывать не буду. Посторонись!

Линь с кошкой несколько раз шумно разрезали тихоокеанский воздух и стрелой унеслись к спасательному средству.

Опять недолет.

Боря, не стесняясь в выражениях, отчитал океан, снасть, случайную находку, а заодно пассажиров, после чего опять начал вытравливать линь. Именно в этот момент мы с Юсей и вышли на палубу.

— О, — не то обрадовался, не то огорчился Татарин. — Переломался, родимый?

Я не то чтобы переломался, но мне стало значительно легче. Хотя все равно очень плохо. Поэтому я даже не ответил. Легкий ветерок немного приводил меня в порядок, на какое-то мгновение я даже поверил, что все закончится хорошо.

В тот момент линь в руке Грузина резко натянулся, едва не оторвав кисть. Из тех слов, что он произнес в тот момент, я понял только одно:

— Хватай! — заорал Боря и наступил на стремительно размазывающийся линь сандалией.

Глеб в прыжке накрыл моток и воткнул в него первое, что попало ему под руку.

Собственно, это и была рука. Линь тут же захлестнул ее удавкой, и Глеб заблажил теми же словами, что и Боря.

— Хватай! — продолжал кричать Грузин, и мне, несмотря на общую слабость в теле, пришлось хватать линь.

Правда, сделал я это уже по уму — перемотав руку майкой. Но и это не помогло — веревка вонзилась в ладонь едва ли не до мяса, и я слово в слово повторил все то, что только что прокричали капитаны.

Нас прижало к фальшборту. Метрах в десяти на траверсе катера взрывалась яростными всплесками вода. Рыбина, которую зацепил кошкой Грузин, оказалась слишком большой, а мы были слишком неподготовленными. Теперь она либо оторвет нам руки линем, либо утащит в страшные глубины Бездны Челленджера, вслед за петухом и другими артефактами.

Вдруг натяжка ослабла. Мы, обессиленные, свалились там же, где и стояли, но Боря снова вскочил и начал лихорадочно наматывать линь на чугунный кнехт, торчащий из палубы. Как оказалось, не зря — рыба поменяла направление и решила подплыть под катером. Веревка вновь дернулась, да так, что катер закачался, а мы хором выругали рыбу страшными морскими ругательствами. Пока рыба металась на поводке, Глеб сбегал в рубку и принес несколько пар брезентовых рукавиц разной степени поношенности и загрязненности. На шум прибежали Мезальянц и Вика.

— Чего у вас?

— Еда хочет катер потопить, — прокряхтел Боря, пытаясь хоть на миллиметр подтянуть рыбу к себе. С тем же успехом он мог хлестать скалу газовым платком — рыба, скорей всего, была родом из бесконечности.

Рыба металась до вечера. Мы голодными взглядами следили за ее эволюциями, всякий раз успевая накинуть две-три петельки на тумбу кнехта.

— Что же ты пистолетик свой потерял? — укорял Грузин Мезальянца. — Мы бы эту собаку враз бы укокали.

Акула дергалась уже у ватерлинии, но в руки пока не давалась.

— Бесполезно, — рассудительно объяснял Иван Иванович. — Пули в воде свою убойную силу теряют. Только измучили бы и разозлили животное.

— Ну, ты гуманист, — восхитился Боря и пошел искать багор.

Багор руками капитанов превратился в гарпун. С первой попытки Татарин попал в жабры. Акула рванулась было, но именно того капитаны и хотели — багор слегка сместился в теле рыбы

и получился зацеп. Глеб ухватился за черенок и подтянул к себе, на помощь ему пришел Мезальянц, мы с Грузином потянули за линь, и после пяти минут тяжелой борьбы и крепких высказываний рыба туша плюхнулась на палубу.

— Ура! — завопили мы хором, и более сплоченной компании, чем наш экипаж, в этот момент в мире не существовало.

3

Тут надо рассказать, как мы дошли до жизни такой.

В детстве я думал, что Марианская впадина — это такая труба на дне океана, уходящая к самому центру планеты. Потому и желоб, что по нему скатываются вглубь батискафы и прочая морская ерунда. На самом же деле это огромная складка на теле планеты, здесь одна тектоническая платформа уходит под другую. Марианский желоб не весь глубокий, примером тому являются расположенные здесь Марианские острова, вполне обитаемые. Если кто не знает — это территория США, и мы крайне удивились, не встретив на своем пути ни одного корабля. А вот та ямина, про которую говорят, что она самая глубокая в мире, давным-давно найденная фрегатом «Челленджер», так и называется — Челленджерс Дип, Бездна Челленджера.

Капитаны сразу сказали, что на «Ярославце» несколько тысяч километров пройти по океану — утопия. От слова «утопиться».

— Горючего не хватит, — объяснил Глеб. — Да и штормов мы боимся. Может, лучше крейсер угоним? Или сухогруз? Тут, кстати, японский траулер рядом — на нем куда угодно...

Но связываться еще и с японцами мне было некогда. Я хотел как можно скорее добраться до впадины. К тому же их бы сразу хватились, а катерок — он частный, пока про него вспомнят, мы успеем обернуться туда и обратно. Как хоббиты.

Потому я и выбрал такой экстравагантный способ передвижения: на волнах цунами. Микротолчок — и в нашем распоряжении мощная волна, которая несет нас на юг. Упала скорость — новый микротолчок.

Мы думали обернуться за неделю. И к Бездне Челленджера шли действительно быстро, даже с опережением графика. А потом капитаны спросили:

— А назад нас кто толкать будет?

Вот об этом-то я и не подумал. И впрямь — кто?

— А у вас радиостанция есть? — спросил я.

— В наличии, — кивнул Глеб, который был не только механиком, но и радистом, и коком, и еще на швейной машинке умел.

— Подадим сигнал бедствия — и нас спасут, — предложил я.

— Так там же буржуи!

— А что, они не люди? Бросят пропадать?

— Не бросят, конечно, — согласился Татарин. — Но вопросы неудобные задавать будут.

— Отвечай правду — и простят, — пообещал я.

Глеб только плечами пожал, мол, как скажешь. Вообще, спокойствие и невозмутимость капитанов граничили с идиотизмом. Ведь я их и впрямь похитил, и деньги, которые обещал заплатить за путешествие, были для них таким же мифом, как и магические предметы. Правда, действие артефактов они увидели, но это ведь вовсе не обозначало, что я потом отдам деньги. Они были авантюристами почище меня. При этом никогда не унывали, непрерывно шутили меж собой и дразнили пассажиров. И, конечно, говорили о бесконечности.

Юся все осмысленнее воспринимал окружающий мир. Тут надо сказать спасибо Виксе, которой было скучно, и она, от нечего делать, занялась образованием Юси, а заодно и весь экипаж, включая Мезальянса, включила в этот процесс.

— Кто это? — спрашивала Викса у Юси.

— Этя? — Юся показывал пальцем на капитана.

— Да. Кто это?

— Оя! — гордо объявлял Юся.

— Не Боря, а Борис Владимирович! — отвечал Грузин.

— Ивич! — легко соглашался Юся.

— А это кто?

— Этя? Ямс!

— Хватит мою фамилию коверкать!

— Повторяй — Мезальянц! — Виксе не лень было ставить Юсе произношение.

— Ямс!

И смех, и грех. Меня Юся звал Иголом, Глеб у него был Хъеб. С названиями предметов у него было сложнее. Не то запомнить не мог, не то говорить ленился, но как Вика ни билась, а над каждым предметом Юся «зависал». Говорил со смесью восторга и удивления «этя...» — и созерцал. А уж когда познал глагол «дай», слово «этя» вовсе отпало как ненужное.

— Дай! — Палец показывает на еду.

— Дай! — тычет в журнал с голыми тетками, спрятанный в рубке.

— Дай! — просит барсука с моей шеи.

Так мы и мчались, перескакивая с волны на волну. Я почти не спал, чтобы не прерывать движения. Когда вас двое, усталость можно делить пополам. Только один раз я решил поспать, и то без меня Вика тут же начала перебивать нам кости, и пришлось посвящать капитанов во все перипетии нашего путешествия. Они оказались весьма любопытными и все время радовались: будет о чем клиентам рассказывать по возвращению.

Расстояние до Марианской впадины стремительно сокращалось. С каждой новой волной, когда наша скорость увеличивалась, Юся все сосредоточеннее смотрел вперед, все чаще хватался за петуха, висевшего на его шее, все меньше докучал мне своими «дай». Наконец, когда, судя по японскому навигатору, до Бездны оставались считанные мили, Юся вдруг сказал:

— Не надо.

И посмотрел на меня как равный на равного.

Вы не представляете, что значит услышать осмысленную речь от того, кто всю жизнь только жрал и пускал слюни. Я не поверил и переспросил:

— Что?

— Не надо, — повторил Юся.

Не показалось!

— Чего не надо?

Впрочем, можно было не спрашивать — и так все ясно. Юся не хотел, чтобы я избавлялся от предметов. Все его метаморфозы можно было объяснить только воздействием артефактов, какого-то одного или всех вместе. Извини, брат, не получится.

Юся не ответил. Он опять попытался захватить контроль над петухом и прочими артефактами, захотел подчинить меня своей воле. Я отвесил ему за это леща.

— Чего не надо? — повторил я вопрос.

Но Юся не ответил, а сразу полез в драку.

Совсем некстати началась качка. Из рубки выскочил Боря и заорал:

— Вы чего буяните? У меня катер на океанские шторма не рассчитан, это же не «Куин Элизабет», а «Ярославец», у него критический угол наклона — сорок пять!

— Мы здесь не при делах, — сдерживая Юсину агрессию, ответил я. — Это стихия.

— Быстро утихомиривай стихию, иначе все потонем!

Не понимаю, с чего Боря взял, что я сумею предотвратить шторм. Видимо, он так до конца и не понял, откуда берутся волны. Ну да ладно, я в любом случае не мог остановить надвигающийся шторм.

— Что там по навигатору? — крикнул я.

— Да почти на месте. Через час точно над этой дырой зависнем.

Юся понял мои намерения, и кроме того, что руками размахивал, стал еще и кусаться, и голосить:

— Не надо!

Не думайте, будто мне не было его жалко. Еще как. Он прикипел душой к предметам, получил то, чего у него никогда не было: сознание, волю, голос. А я собирался его лишить этих даров раз и навсегда. Но иначе никак — все большую власть обретали над мной предметы, все меньше оставалось во мне меня самого.

— Не надо! — ревел Юся и отчаянно клацал зубами у самого моего лица. — Дай сюда!

— Отвали, придурок! — ругался я в ответ, едва успевая отклониться от его кулака и зубов.

Качка усилилась, нас несколько раз обдало брызгами от ударявших в борт волн. Но, видимо, шумели мы пока еще громче, чем приближавшаяся буря.

— Что случилось? — прибежала на шум Вика.

Мезальянц тоже терся неподалеку. Мне кажется, он так до конца и не верил, что я добровольно собираюсь расстаться с такими мощными артефактами, как будто все мои предыдущие поступки не говорили сами за себя. Хотя, если подумать, кое в чем он был прав: я три дня непрерывно использовал предметы в своих интересах, вкусил всех прелестей неограниченной силы. Разве можно от всего этого добровольно отказаться? Не учитывал Иван Иванович только одного: я не хотел повелевать стихиями. Мне хотелось только спокойной и неторопливой жизни у нас, в Понпеях, чтобы никто не звонил и не просил откопать из могилы, чтобы было с кем поговорить вечером на кухне, перемыть кости тетке из собеса, обсудить книгу или фильм, пожаловаться на нелегкую судьбу сиамского урода. Все!

— Чего у вас за семейные разборки? — это Мезальянц решил наконец вмешаться.

— Юся сожалеет, что вы никогда не получите предметы, — сказал я. — Мы почти прибыли.

— В смысле? — не поняла Вика.

— Наш предводитель собирается выбросить за борт артефакты, — объяснил Мезальянц. Он все еще не верил. Старался не верить.

— Все? — ахнула Вика. — Они же волшебные!

— Барсука тоже выбросишь? — уточнил Иван Иванович.

— А что не так с барсуком?

— Ну, ты же сам откопал покойную бабушку, чтобы его снять, и это лишь затем, чтобы выбросить его в океан?

— А вам-то это откуда известно? — спросил я.

— Откопал покойную? — Вика посмотрела на меня не то с ужасом, не то с восторгом. — Правда, что ли?

— Правда, — отмахнулся я. — Бабушке он уже не был нужен. Так откуда?

— Да так, догадался, — сказал Иван Иванович. — Если она тебе ничего не дарила, значит, ты сам взял. И вот так, просто?..

Странная у него логика, но ведь и впрямь угадал.

— Да, — кивнул я и шагнул к фальшборту.

— погоди, погоди. — Мезальянц поднял руки кверху, все еще надеясь меня удержать. — Егор, не делай глупостей, с этой штукой можно не только все ломать, с ней можно и порядок навести.

— В отдельно взятой стране, — добавил Татарин.

Он, видимо, только выспался после ночной вахты, и был настроен пошутить.

— Не вмешивайся, — рассердился Мезальянц. — Вы что тут все, не понимаете? Это шанс, шанс сделать все так, как надо. Стоит приказать, стоит только ногой топнуть, и исчезнут воры, убийцы, предатели и лодыри.

Ишь, как заговорил. Он что, всерьез?

— И все строем ходить будут, и петь хором, и пятилетку в три года, — согласился Глеб. — И все пойдет по плану.

— Да закройте уже! — крикнул Юся.

Все и впрямь заткнулись. Все смотрели на него. Юся, будто задыхаясь, прошептал, сглатывая после каждого слова:

— Не надо... так... делать... иначе... умрем...

Тут у него из носа хлынула кровь, и Юся отключился. Он отяжелел настолько, что я едва удерживал нас в вертикальном положении. Между тем качка усиливалась, волны становились все круче, катер уже скатывался с одной и буквально впрыгивал на другую.

— Глеб, помоги, — позвал я.

Татарин подхватил Юсю, и вместе мы спустились в каюту.

— Я правильно понял, что экзекуция откладывается? — спросил Глеб, пока мы спускали Юсю.

Вслед за нами в каюту спустились Вика с Мезальянцем, поэтому отвечать мне не хотелось. Да и откуда я мог это теперь знать? Больше всего меня сейчас беспокоило самочувствие брата. Даже не столько его самочувствие, сколько мое. Сами понимаете, такого рода привязанность, как у нас с Юсей, подразумевает только один исход — «... и умерли в один день».

Меня даже не особенно поразили его слова, хотя это уже целые фразы были. Я не понимал, почему он потерял сознание. И меня, кстати, тоже начало мутить.

— Егор, качка сильней становится, — сказала Вика.

— И... что? — спросил я. — Не может меня так мутить от качки.

Вика недоуменно посмотрела на Глеба и Мезальянца. Те пожали плечами — тоже не поняли, о чем я.

— Боря говорит, если ты не прекратишь шторм, нам калямба.

Как же у меня болела и кружилась голова. Как я могу остановить шторм? Ветер, атмосферные фронты — это от землетрясений не зависит.

Но зато, осенило меня, я могу сделать так, чтобы волны сделались меньше. Небольшая встряска — и колебания одних волн погасят колебания других.

Нужно лишь потянуть и отпустить несколько светящихся линий. Вот только успокоится голова... Может, Мезальянец нас чем-нибудь траванул? Надо потянуть и отпустить...

Я не додумал. Я даже не уверен был, что потянул и отпустил: у меня тоже потекло из носа, и я уплыл куда-то далеко-далеко.

4

Два дня мы с Юсей пролежали в каюте, то мучаясь от боли, то забываясь в каком-то бреду, в котором нас окружали странные люди — неплотные, полупрозрачные. В основном призраки толпились вокруг меня, словно девять королей вокруг Фродо, на Юсю они внимания почти не обращали. Вид у «королей» был, как мне показалось, немного растерянный: вроде как пришли за Кольцом Всевластья, а его — тью-тью. Извините, ребята, вам здесь точно

не обломится. Они укоризненно качали головами, грозили прозрачными пальцами и все время о чем-то между собой спорили.

Не уверен, что я дословно понимал, о чем именно они говорят, но, судя по всему, мы с Юсей слишком долго использовали предметы. То, что наркоманы называют передозом. Видимо, суперсилой тоже можно обожраться. Тогда понятно, что это за полупрозрачные мужики... Это ангелы. Все плохо, мы умираем.

Однако все было не так плохо. Из этого же подслушанного разговора стало ясно, что, выброси я после такого долгого марафона предметы, мы бы точно завернули ласты от абстиненции, или, выражаясь языком тех же наркоманов, от ломки. А так — поболеем немного и снова в норму придем.

И, надо сказать, нам с Юсей действительно повезло. Потому что, пока мы были в отключке, катер терпел бедствие.

Бедствие можно терпеть, вовсе не попадая в шторм. Достаточно попасть в открытое море и узнать, что у тебя нет ни воды, ни еды, ни связи.

Сначала экипаж «Ярославца» долго удивлялся, почему советский десантный катер в территориальных водах Соединенных штатов Америки до сих пор не запеленгован и не взят на абордаж. Это шло вразрез с общепринятыми сведениями об американских вооруженных силах, которые всегда начеку. Мезальянц был даже разочарован.

— Безобразие, — фыркал он. — Заходи кто хочешь, бери что хочешь. Как они вообще воюют?

Капитаны не расстраивались. Они даже рады были, потому что на катере, хоть он и десантный в далеком прошлом, не имелось ни вооружения, ни форсированных движков, чтобы в случае чего удрать от преследования. Время шло, а ни одного рыбацкого, военного или пассажирского судна им так и не встретилось, горизонт был чист.

Проблема была в том, что навигационное оборудование для установления точных координат на «Ярославце» вышло из строя. «Ярославец» последние тридцать лет курсировал только вдоль

берега, лоцию оба капитана знали наизусть и могли с закрытыми глазами водить там хоть эскадру. Здесь же, куда ни глянь, раскинулось море широко и ни намека на землю. Без японского навигатора, который так нам помог в путешествии к Марианской впадине, ловить было нечего. Но он вдруг заглох, заглох, а потом и вовсе отключился. Оказывается, аккумулятор разрядился. Компас в рубке намекал, что катер по ошибке попал не в Тихий океан, а в Курскую магнитную аномалию, стрелка крутила фуэте покруче Майи Плисецкой. Радиостанция молчала во всех диапазонах, и Глеб всерьез начал опасаться, не угодили ли они в район проведения ядерных испытаний?

— Ночи дождемся — все светиться начнет, — пообещал Глеб и ушел на камбуз готовить ужин.

Не дожидаясь ночи, он решил проверить, как работает генератор. Генератор тоже не работал.

В довершение радостей все продукты были безнадежно испорчены океанской водой. Викса перед штормом недостаточно крепко задраила капитанскую каюту, она же — камбуз. Макароны, крупы, мука, хлеб, сухое молоко и бич-пакеты — все пропало. Соль и сахар попросту растворились, чай отсырел. Правда, у капитанов имелся еще НЗ из говяжьей тушенки и сгущенного молока, но банки оказались просрочены на три года минимум. Глеб тщательно исследовал каждую банку на предмет годности в пищу, но все банки хлопали и начинали нещадно вонять.

— Что за вредительство?! — возмутился Татарин и позвал остальных.

Боря сначала пытался произвести дегустацию — авось, что-то и можно съесть, но ему хватило одного запаха от испорченной тушенки. Мезальянц вони не чувствовал — следствие ранения в Афганистане, но вкус у продуктов ничем не отличался от запаха, такое же дерьмо.

— За борт, — распорядился Боря.

— Нельзя. — Глеб развел руками. — Мы в чужих территориальных водах, никто в чужом доме не гадит.

— Ты в «зеленые» записался, что ли?

— Чуть что — сразу в «зеленые». Культура должна быть. Если уж вторглись в чужую страну без объявления войны, так хоть мусорить не надо.

— Жара стоит, вонять будет, — напомнил Боря.

— Тоже верно, — вздохнул Глеб и выбросил все в океан. В конце концов, тут глубоко.

Викса есть пока не просила — жила на конфетках. Но запас карамели стремительно таял, во всех смыслах. Вскоре и ей пришлось выбросить за борт слипшуюся в комок продукцию Нижнетагильской кондитерской фабрики.

Солнце начало садиться. Боря осмотрел горизонт, понюхал воздух и решил:

— Сейчас повернем в ту сторону, — и он махнул рукой в сторону кормы.

— Почему туда?

— Солнце на западе, значит, нам на северо-восток надо, там ближайшая суша. Карту мира помнишь?

— Так точно, северные Марианские острова. А мы не промахнемся? Тут же на тысячи километров пусто, если твоей карте верить.

— А у нас другой не было. Так что будем надеяться, что не промахнемся. Хотя соляры у нас точно на тысячу километров не хватит. Эй, Иваныч, ты по-иностранному шаришь?

— В пределах разумного, — с достоинством ответил Мезальянц. — А почему вы говорите километры, а не мили?

— Потому что не графье, не на смотре.

— А есть что будем?

— Рыбки наловим, — пожал плечами Грузин. — Не пропадем, не бойся. Заводи движок.

Боря был спокоен и оптимистичен, его будто и не смутила гибель припасов, рассчитанных на пять дней автономного плавания. Как истинный капитан, Грузин не паниковал, а пытался найти выход из положения. Однако судьба посылала его «Ярославцу» все новые и новые испытания.

Двигатель, пару раз чихнув и выпустив из трубы облачко копоти, так и не завелся. Глеб, чертыхнувшись, вышел из рубки и направился в машинное отделение. Тут же оттуда раздались проклятья и тяжелый запах дизельного топлива.

Мезальянц и Грузин подбежали к двери.

— Чего там? — крикнул в пахнущую соляжкой темноту Боря.

— Топливный насос накрылся, — донеслось снизу. — Совсем.

— А вот это уже плохо. — Грузин почесал бородку. — Ладно, сейчас делать ничего не будем, давай попробуем рыбки наловить.

Снасти на катере имелись в ассортименте, проблема была лишь в наживке. Решили обойтись спиннингами, на блесну наживка не нужна. Но солнце почти уже село, смысла в такой рыбалке никакого. Боря вспомнил, что у него имеется в запасе сто метров китайской сети, уже перебранной и готовой к использованию. Закинули сеть с кормы, привязали конец к фальшборту и отправились отдыхать.

Проснулись все четверо на рассвете от голода. Проверили, как там близнецы (близнецы оставались в том же бесчувственном состоянии, только я отмахивался от кого-то, как в бреду). Решили оставить нас в покое — все равно помочь они ничем не могли. Только Виксу рядом оставили, чтобы, если что, позвала остальных. Надо было позаботиться о себе, иначе о детях потом заботиться некому будет. Мужчины пошли проверить сеть.

Глеб потянул за капроновый шнур, и тот неожиданно легко вышел из воды, обнаружив только рваные куски сетки.

— По-моему, это саботаж, — сказал Боря.

— А кто саботирует?

— Ну не могу же я сказать, что мы трое — полные идиоты и поставили на морскую рыбу сеть под корюшку. Тут же всякие марлины да тунцы плавают, а им наши сетки — тьфу.

— Мне кажется, самое время подавать сигнал бедствия, — сказал Мезальянц.

— Как? — Глеб не то чтобы сердился или боялся, но был явно взволнован. — Мэйдэй объявить не можем — радио не работает. Новэмбер Чарли подымать?

— У нас нету, — предупредил Боря.

— Вот, видишь — у нас нету, — сослался на командира Татарин. — К тому же, — Глеб широко повел ладонью сначала влево, потом вправо, — тут на тысячи миль вокруг никого, кто этот флаг заметит?

— Давайте тогда огонь зажжем, — предложил Иван Иванович.

— Хм, — задумался Боря.

— Соображает контрик, — обрадовался Глеб.

— Не называй меня контриком, нос сломаю, — пообещал Мезальянц.

— Разве можно живому человеку нос ломать? — укорил Ивана Ивановича Боря. Тем не менее он строго посмотрел на Глеба, и тот мгновенно скрылся в машинном отделении, откуда извлек на свет божий двадцатилитровое ведро, до краев наполненное ветошью и залитое соляжкой.

— Куда поставим?

— Куда хочешь, только чтобы ветер дым сносил.

— Иваныч, огоньку не найдется?

Но Мезальянц не курил. Не курил никто из экипажа. На борту имелось несколько коробков спичек, но все они отсырели, так что пришлось высыпать их на палубу для просушки. Это было неправильным решением, потому что тотчас подул сильный ветер, и все спички сдуло.

— Окунись-ка ты в алебастр, точно саботаж! — воскликнул Боря. — Природа саботирует попытки человека выжить!

— Мы можем, наверное, бинокль разобрать, чтобы увеличить стеклом дерево поджечь, — предложил Иван Иванович.

— Отставить разбирать бинокль! — Боря резко повернулся и чуть не сбил Мезальянца пузом с ног. — Вы разберете, и тогда или дождь начнется, или затмение. Это мертвый штиль, не везет во всем.

Однако Глеб начал шарить по всему катеру и нашел-таки какую-то старую зажигалку, и даже умудрился с ее помощью поджечь пропитанную соляркой ветошь. Тряпки горели неохотно, сильно чадили, черный дым никак не хотел подниматься вверх, а норовил растечься по палубе, так что срочно пришлось гасить огонь.

— Давление низкое, это к дождю. Пойду-ка я лучше спиннинг покидаю, — сказал Глеб и отправился на нос рыбачить.

Вскоре к нему присоединились Грузин и Мезальянц. До самой ночи они закидывали блесны в океан, но ни тунец, ни марлин на блесну не кидались. Может, тут и впрямь ядерные испытания проводятся?

— А у меня ремень кожаный, — вдруг вспомнил Татарин. — Если совсем уж неважноту станет — сварим его.

— Ага, чтобы примус взорвался, — покачал головой Грузин. — Нет, надо мертвый штиль переждать.

— У нас, кстати, воды тоже нет, — подлил масла в огонь Мезальянц. — Мы можем загнуться от обезвоживания, а не от голода.

Так они и стояли до самой темноты. Когда солнце совсем уже скрылось за горизонтом, Боря задумчиво пробормотал:

— Да... бесконечность...

На третий день всеми овладела апатия. Вика слегла: от голода у нее кружилась голова и ходить она не могла. Есть хотелось больше всего на свете, да и жажда уже замучила. Проблему пресной воды решили за счет огромного рулона полиэтилена, который мужчины растянули утром над палубой и собрали чуть больше полулитра росы. Каждый выпил по сто грамм; детям, которые до сих пор не пришли в себя, смочили губы. После этого мужчины разбрелись кто куда и старались друг другу на глаза не показываться — от голода все начинало нервировать.

И тут Боря увидел спасательный круг, и его ловля обернулась счастливой поимкой рыбы.

Мир будто вновь ожил. В машинном отделении на полке обнаружился целый коробок спичек, который Глеб сначала не заметил. Тряпки с дизельным топливом вспыхнули с первого чирка, и в небо унесся огромный жирный столб дыма. Генератор затарахтел, появилось электричество, заработала радиостанция, и Глеб с Мезальянцем, дождавшись периода радиомолчания, тут же передали в эфир позывные «мэйдэй».

Ну, или SOS, если вам так удобнее.

SOS, между прочим, никак не расшифровывается, это не аббревиатура. Просто придумал умный человек, что три точки — три тире — три точки очень хорошо запоминаются, и предложил сделать этот радиосигнал международным сигналом бедствия.

На этот сигнал нам ответили американцы. Мезальянец передал им, что мы русские, судно гражданское, что терпим бедствие, три дня без еды, на борту дети. У американцев тут же нашелся человек, говорящий по-русски, уточнил, сколько именно детей, как мы оказались в водах Соединенных штатов, есть ли у нас визы.

— Вот люди, — восхитился Глеб. — Мы тут бедствие терпим, а им визы подавай. Да у меня даже страховки медицинской нет!

— А жизнь-то налаживается! — потирая руки, хихикал Боря. — Сейчас мы эту тушу разделаем... Эй, кто знает, что у акул едят?

— Плавники, — отозвался из рубки Глеб. — Китайцы очень любят суп из акульих плавников.

— Я вам не китаец, — сказала Вика.

— Я тоже, — согласился Боря. — Но плавник, похоже, мясистый. Ладно, разделаю всю, как обычную рыбу, авось чего и съедим.

Мезальянец велел Боре разделять осторожнее — у некоторых акул хватательные рефлексы долго после смерти остаются.

— Плавали, знаем, — сказал Грузин и ушел за топором.

Шкура у акул очень прочная, и чешуя своеобразная: если провести рукой от головы до хвоста, то кажется гладкой, а вот наоборот — настоящий крупный наждак. Некоторые акулью шкуру

в качестве абразива и применяют. Столовым ножом такую шкуру вряд ли разделаешь.

Я думал, Вика не станет смотреть. Однако она лупила во все глаза: и как Грузин отрубал рыбе голову, и как вскрывал брюхо, и как оттуда вывалилась разная, не переварившаяся пока еще дрянь. А вот Юсе было неприятно. Он мотал головой, хныкал и тянул меня прочь.

— Егор, лови багор, — пошутил Глеб, вручая мне заслуженный гарпун. — Не в службу, а в дружбу: сполосни инструмент.

Хоть какое-то занятие. Мы ушли на корму и сели у самого края. Сил у меня почти не было, а рыбья кровь уже успела подсохнуть, так что я просто окунул багор в воду и держал его за черенок. Отмокнет — тогда и отмою.

6

Сигнал бедствия с русского катера получил Даглас Эйприл, младший радист. Сначала он не поверил глазам, потом отправил ответный запрос. Передатчик радостно отозвался приемом.

— Сержант, сэр, — связался Даглас с командиром смены, — тут русские передают «мэйдэй». Прямо по курсу, триста миль.

— Хулиганье это, а не русские, — ответил сержант Буллит. — Этот квадрат свободен для проведения учений.

— Видит бог, сэр, это русские, я запеленговал источник сигнала. Гражданское судно, сержант, сэр!

— Как они здесь оказались? — угрюмо спросил сержант Буллит.

— Не могу знать, сержант, сэр!

— Клянусь печенью мамы, почему в мою смену?! — выругался Буллит и отправился докладывать дежурному офицеру.

— Капитан, сэр, — позвонил командиру авианосца «Левиафан» дежурный офицер Хорс. — Прямо по курсу терпит бедствие русское гражданское судно, пятьдесят миль. На борту дети, сэр.

— Откуда они свалились? Они что, предупреждения не слышали?

— Не понимаю, сэр. Радары засекли их только сейчас, маленькое судно, сэр.

— Эти русские, — проворчал капитан. — Зачем убрали железный занавес, они теперь везде, куда ни плюнь... Говорят, что это китайцев много. Глупости — много русских, а китайцы — те милые ребята.

— Сэр, нам придется доложить флагману.

Капитан задумался. Это последние учения адмирала, он хотел уйти на подъеме. Зачем ему эти неприятности с заблудившимися — видно, с перепоем — русскими туристами? Адмирал был своим парнем, не было во флоте моряка, который сказал бы о нем худое слово.

— Не будем торопиться, Хорс. Может, это ложная тревога.

7

Мне было почти хорошо. Я на какой-то момент забыл, что мы — беглецы. Нас скоро спасут, вернут домой. Все пойдет по-старому. И вот тогда я смогу выбросить предметы.

Кто-то зашел со спины. Я знал, что это Мезальянц, но оборачиваться не стал.

— Ты в порядке? — спросил Иван Иванович.

— Спасибо, — равнодушно ответил я.

— Спасибо, — эхом отозвался Юся.

Я медленно, словно боялся спугнуть, обернулся на брата. А он обернулся ко мне. Чувство было такое, будто в зеркало посмотрел. Раньше я воспринимал Юсю как маленького мальчика, даже черты лица у него были мягче, чем у меня. Расслабленное лицо, на котором и тени мысли никогда не лежало.

Обида в глазах. Я и не думал, что смотрю на мир с обидой, настолько привык к своей физиономии. А чужой человек увидит — и плюнет в сердцах.

— Ты... вернулся? — спросил я.

— Вернулся, — ответил Юся. — Ты.

Все ясно. Перезагрузка жесткого диска. Юся попугайничает. А я думал, что отключка стала для него каким-то качественным рывком.

— Это ничего, девочки, что я к вам спиной стою? — спросил Мезальянц.

— Ну, чего вам еще?

— Послушай меня, и не надо изображать институтку, которой в подворотне объяснили, откуда дети берутся. Сюда идет американское судно. Если оно большое, на нем есть служба собственной безопасности. Они будут задавать вопросы, и мы не сможем вразумительно ответить даже на самый простой из них — как мы проникли в территориальные воды США.

— И что с того? Зато нам жизнь спасут.

— Нас отправят в ближайшее отделение ФБР и начнут потрошить. Это не деликатные интервью, это могут быть вопросы с пристрастием. И если к тебе как к несовершеннолетнему они могут отнестись милосерднее, то ко мне — вряд ли. И я расскажу, почему мы здесь, потому что боль терпеть невозможно. У тебя отберут предметы. И ладно, если просто отберут, а не придушат. Ты понимаешь, о чем я?

Я слушал его, а сам смотрел на Юсю. Юся ни мускулом не выражал никаких эмоций, будто опять впал в идиотию.

— Чего вы хотите? — спросил я.

— Ты уже несколько раз использовал предметы, почему сейчас не хочешь?

— Выхода раньше не было.

— Выход всегда есть. Ты мог отказаться, отдать эти предметы, не мне, так кому-то другому. Но нет, ты один у нас высокоморальный парень, который не даст попасть опасному оружию в чужие руки. Оружие, Егор, это такая штука — им нельзя не пользоваться. Оно создано именно для поражения цели. Ты все равно уже стреляешь, даже если стреляешь исключительно по тарелочкам.

— Но я же собирался выбросить эти штуки, вы видели!

— Но не выбросил.

— Я не виноват в том, что Юся...

— Не виноват. Но отвечать все равно тебе. У тебя не получится все время бегать, ни у кого это не получается. Либо ты отдашь

предметы, либо сам будешь использовать. Ты не доверяешь мне. Что ж, это правильно, на твоём месте я бы тоже не доверял. Но почему ты себе не доверяешь?

— Потому что это как наркотик. Наркоман живет не сам по себе, а от дозы к дозе. А вы мне предлагаете на иглу сесть.

Мезальянец задумался.

— Да, ты прав, — и собрался уходить.

— Это все? — спросил я. — Все, что вы хотели сказать?

— Все, что я мог тебе сказать. Ты решил действовать сам, и такое решение не может не вызывать уважения. Но дело в том, что свобода выбора — это очень суровая вещь. Пока ты выбираешь — ты действительно свободен, однако, приняв решение, тебе придется отвечать за него. Я выступил против Конторы — и Контора меня за это накажет. А ты и дальше будешь принимать самостоятельные решения, и отвечать за них. Думай.

Мы с Юсей остались одни.

— Блин, все настроение испортил, — сплюнул я.

— Испортил, — тяжело вздохнул Юся. Но смотрел при этом на меня.

Не прошло и часа упорных трудов по разделке рыбы и утилизации отходов (грубо говоря, Боря с Глебом все за борт выбросили, кроме огромного плавника), как на горизонте появился огромный корабль. Огромный настолько, что наш «Ярославец» мог спрятаться в его кильватерной струе.

— Военные, — догадался Боря. — Сигнал о бедствии приняли.

Теперь нам предстояло решить — либо сдаваться, либо бежать. Радиостанция в рубке надрывалась, спасатели требовали подтверждения, что мы — это мы, а не радиохулиганы.

— Глеб, дуй к рации, подтверждай «мэйдэй», — распорядился Боря. Потом он обратился к нам: — Вот что, дорогие. Делайте что хотите, а Иваныч нам сейчас отец родной, и мать родной, и вообще главный толмач. Он, хочешь не хочешь, единственный из нас в международных отношениях подкованный. Мы как одна команда...

— Разве ж мы команда? — спросила Викса.

Боря истово закивал:

— А я разве не сказал? Я зачислил близнецов и тебя юнгами, а Иваныча — старпомом. Хочешь, журнал бортовой покажу?

— Ты лучше Глебу скажи, что он повышения не получил, — съязвил я.

Боря, конечно, врал. Но у него не было иного выхода: катер ни к черту, пассажиры дрянь, еды хрен, и если облажаться сейчас — пропал калабуховский дом. Меньше, чем за неделю, Грузин получил приключений столько, сколько за всю жизнь, наверное, не пережил. Мы ему надоели, я прекрасно это понимал. Говоря о команде, Боря, скорей всего, ругал нас последними словами, проклинал свою судьбу и обещал самые жестокие кары самозванным пассажирам «Ярославца», как только мы вернемся домой. Но, будучи человеком, рассуждающим за чаем о бесконечности, он не мог позволить себе подобных эмоций и слов.

— Сдаваться нельзя, — жестко сказал Мезальянц.

— Иваныч, ну ты чего? — возмутился Грузин. — Я тебя как дипломата просил, выпускника МГИМО, а ты...

Авианосец уже прекрасно был виден невооруженным глазом. Сейчас они спустят на воду шлюпки, или что у них там есть, нас снимут с катера, увезут на эту громадину, и у нас не будет шансов скрыться.

— Мы уезжаем, — сказал я. — Нам нельзя попадаться, иначе будут копать и узнают про артефакты.

— У нас жрать нечего! — Боре, похоже, мои доводы не показались убедительными. — И пить тоже.

— Будем выпаривать морскую воду, — сказал я. — Горючего у нас хватит.

Как-то я нехорошо это сказал, с вызовом.

— Твою же мать, Егор! — Боря, мгновенно обессилев, упал задницей на ступеньку. — Ты какой головой думаешь, левой или правой? Мы несколько дней не жрамши!

— А плавник?

— Что плавник? Молиться на него? Сейчас сварим, а потом что делать?

— А потом моя проблема...

— Окунись-ка ты в алебастр, твоя это проблема, — внезапно разъярился Грузин. — Ты здесь кто? Капитан? Если это твоя проблема, то не надо было мой катер тащить через весь океан. Это с тебя спросят потом, почему у тебя пассажиры голодные помирали?! Это с тебя спросят, почему судно без надлежащего осмотра и документов границу пересекло и болталось, как говно в проруби, в чужих территориальных водах?! Мне вообще по рулю твои волшебные штучки-дрючки, люлей наваляю по пятое число и в трюм посажу, вот тогда у тебя проблемы будут!

Глеб молчал, но видно было, что он поддерживает Борю.

— Скоро будет земля, — сказал я как можно тише, чтобы самому не сорваться. — Скорей всего, какой-нибудь микронезийский остров. Там мы заправимся, починимся и наедемся.

— У тебя карта есть?!

— У меня есть то, что лучше всякой карты. И не надо на меня орать, я не ел ровно столько же, сколько и вы.

Боря открыл было рот, но тут на палубу выскочила Вика, и все ругательства, которые капитан был готов обрушить на мою голову, застряли у него в горле.

— Вы чего кричите? — спросила Вика.

— Ничего, это наш Змей Горыныч устраивает бунт на корабле, — резко охолонул Грузин. Все-таки Вике он благоволил и старался при ней не обострять.

— Правда? — Вика посмотрела на меня.

— Нет. Поймите, с военными нам связываться нельзя. Обещаю — через день мы найдем какой-нибудь остров или встретим гражданское судно. Я даже откажусь от своей порции рыбы.

Боря тяжело вздохнул и ушел в рубку, чтобы через несколько секунд выйти оттуда с ведром.

— Достать все свободные емкости, — распорядился он. — Будем воду выпаривать.

Забегали все, даже Мезальянц.

— Отставить, — сказал Боря. — Ты и ты, — он ткнул пальцем в меня и Юсю, — будете гнать волну, а Глеб будет править. И смотрите у меня, чтобы не позже завтрашнего вечера найти помощь!

По всему выходило, что волну надо было гнать на запад, и я готов был уже претворить свое решение в жизнь, как вмешался Юся.

— Понпеи, — сказал он.

Все-таки я еще не мог привыкнуть к репликам моего брата. Невозможно было поверить, что в его голове сместились нейроны с синапсами, или что там еще обитает, и полный идиот заговаривал.

— Что? — переспросил я.

— Понпеи, — повторил брат.

Перст его указывал на восток.

— Нет, Юся, Понпеи на северо-западе.

— Туда, — прикрикнул Юся, продолжая тыкать пальцем в сторону Америки.

И что с ним делать? Пусть он научился говорить, и даже порой слова, имеющие смысл, но это не делает Юсю семи пядей во лбу. Как можно довериться идиоту?

Юся посмотрел на меня с укором. Не то мысли прочитал, не то догадался, что доверия к его словам нет.

— Понпеи. Там, — сказал он.

Может, если мы повернем на восток, это поможет нам скорее вернуться домой, в Понпеи? В конце концов, петух ведь на Юсе висит. Я кивнул, велел Глебу развернуться кормой на запад, и довольно мощным толчком поднял для нас внушительную волну. «Ярославец» побежал вперед, раскачиваясь на гребне из стороны в сторону, как пьяный.

Встречной волной американский авианосец был отправлен восвояси. Извините, ребята, ложный вызов.

Небольшой, менее сорока километров в поперечнике, остров, один из четырех микронезийских штатов, так и назывался — Понпеи.

Мы достигли его в рекордно короткое время — менее чем за двенадцать часов, да и то по той лишь причине, что мне пришлось утихомиривать волну, чтобы не пугать местное население, и часа два ждать, пока случайный рыбак не возьмет нас на буксир.

Заниматься нашим присутствием здесь было некому. Жизнь на острове с населением около тридцати тысяч человек не способствует суете и шуму, власти местные не обращали на нас никакого внимания — мало ли по океану шляется любителей экстремального отдыха? Единственной проблемой, с которой мы столкнулись, — это полное отсутствие денег. У нас даже рублей не было, не то что долларов.

Мы остановились в рыбацкой деревушке Кули, которая гордо именovala себя городом. Пришел полисмен, спросил на ломаном английском, кто мы такие и как здесь оказались.

Мезальянц, как единственный из нас, кто говорил по-английски, почти не врал. Он сказал, что катер класса «река-море» принадлежит команде, которая состоит из капитана и моториста (выйдите, олухи, представьтесь и не забывайте виновато улыбаться). Мы — то есть Иван Иванович, девочка и два мальчика — пассажиры (молодцы все, особенно Вика — хорошо урчишь животом). Мы русские, плыли в Японию с Курил. Как здесь очутились — не помним, потому что около недели болтаемся в открытом море, ничего почти не ели, с водой была напряженка, дети вообще измождены. Какие сигналы? Посмотрите на наше корыто — здесь вообще ничего не работает, мы благодарим бога, что помог нам выжить. О, да, мистер полисмен, вы нас очень обяжете (идем быстрее, он нас кормить ведет).

Изможденный вид был не только у детей, но и у взрослых. Толстый в момент нашего знакомства Боря изрядно сбросил, и без того худой Глеб напоминал скелет птицы из учебника зоологии.

Мезальянц вроде и не изменился, только черные круги вокруг глаз да небритые щеки ввалились, и щетина у него оказалась седой. Пошатываясь от слабости, мы шли за полисменом, и деревенские жители глазели на нас и что-то говорили на местном наречии. Не то жалели, не то осуждали.

Не ел ничего вкуснее хот-дога. Подумать только: пересек полмира, чтобы в микронезийской деревушке оказаться в обычной забегаловке, где продают сосиски в булочках, политые кетчупом или горчицей, такие же резиновые, как у нас. Но вкуснее той «горячей собачки», которая досталась мне после нескольких дней голодовки, я, наверное, никогда уже ничего не съем.

Полисмен спросил нашего разрешения осмотреть катер, и Грузин, все еще сердитый на меня за самоуправство, но уже счастливый тем, что все обошлось, показал блюстителю микронезийской законности все, что тот захотел увидеть. Не обнаружив контрабанды — да и какая у нас могла быть контрабанда? — полисмен извинился, что не может пока заниматься нами, и предложил какое-то время пожить в деревне, то есть в городе, пока не представится okazия съездить в столицу и решить вопрос об экстрадиции. Столица находилась километрах в десяти от деревни, но все на острове двигалось медленно и плавно. К чему спешка, все и так рядом. Да и нам, говоря по-уральски, было *неторопно*. В смысле — нам с Юсей.

— А чего? — говорил Боря, полеживая в гамаке и отхлебывая пиво из банки. — Всегда тепло, на одежду тратить не надо. Катер у нас есть, не рыбалкой, так извозом промышлять станем. И люди здесь хорошие, полиции и властям не стучат. Вон, помогают чем могут... Давай-ка, Глеб, выпишем сюда родственников и поселимся навеки?

Чумазый Глеб, который возился в машинном отделении вместе с механиком-кустарем по прозвищу Змей, выглянул наружу и сказал в сердцах:

— Окунись-ка ты в алебастр!

Едва опасность погибнуть от голода и жажды отступила, Грузин расслабился и получал от жизни максимум удовольствия.

Боря был легкий человек, он сразу забывал все плохое, живя текущим моментом. Даже странно, что такой человек может думать о бесконечности. А вот Глеб день ото дня становился мрачнее и мрачнее. Все радости беззаботного пребывания на Чунгачанге, как он называл остров, оставляли Татарина равнодушным. Он целыми днями копался в двигателе, меняя то одну запчасть, то другую, будто собирался возвращаться тем же путем.

Со Змеем, которого на самом деле звали Антонио, Глеба познакомил Сорри, тот самый рыбак, который дотащил «Ярославец» до берега. Сорри принадлежал к аборигенам, понапе. Он, как и мы, ни бельмеса не знал на английском, кроме «извините», потому и награжден был забавным прозвищем: и взрослые, и дети называли его именно так. Рыбак отбуксировал катер к мастерской «Антонио энд Лэйла» и позвал хозяина. Хозяином оказался волосатый коротышка абсолютно итальянского вида.

— Бонасейра, — сказал он и для страховки пожелал доброго вечера на английском.

Мы тоже нестройно поздоровались, но предупредили, что английский знает только Мезальянц. Иван Иванович по очереди представил нас механику, механик всем крепко пожал руки, откомендовался Змеем, потом отозвал Сорри на пару слов, кое-что ему объяснил и отправил за полисменом. Сорри с уважением посмотрел на нашу команду и утарахтел за представителем власти.

На причал вышла женщина в замасленном комбинезоне поверх купальника, с сигарой в уголке ярко накрашенного рта и небольшим автомобильным ключом-трещоткой в руках. Выход ее сопровождался экспрессивной тирадой на итальянском сквозь неплотно сжатые губы. Змей делал ей всевозможные знаки, но женщина не замолкла до тех пор, пока не подошла совсем близко и не увидела Виксу. Тогда она хорошо поставленным жестом вынула сигару изо рта и глубоким красивым голосом выдохнула «пердонаре...», окутав нас дымом и этим окончательно очаровав.

Змей представил нам супругу, затем пригнул ее голову к себе и поцеловал. Они извинились, что не могут предложить нам

ничего поесть — готовить они не любят, а перекусить ходят в местную забегаловку, потому что до столичных ресторанов полчаса на машине, а ради пафосной жрачки отмываться и переодеваться как-то лениво.

Змей и Лэйла работали в столице, в какой-то конторе, а мастерскую держали для отдохновения — им, кажется, нравилось возиться с разной техникой. Что-то они чинили, что-то окончательно доламывали, и денег им мастерская не приносила. Зато здесь постоянно околачивались всевозможные чудаки, будто нарочно сосланные на остров со всего света. Все эти люди тоже работали в Паликире, столице Микронезии, и объявлялись в мастерской ближе к десяти вечера. Тогда все пили вино, играли в странные игры, слушали непонятную музыку и были абсолютно счастливы. Именно поэтому странный экипаж «Ярославца» был воспринят без удивления, и даже наоборот — казалось, все недоумевали, где мы шлелись до сих пор.

Особенно всем понравился Юся. Не знаю, чем уж он так купил здешнее пестрое общество, но по вечерам его — и меня за компанию — часто приглашали на «ассамблеи». И Виксу тоже звали, потому что она уже начинала тосковать по дому, и Боря просил взять над ней шефство. Чудаки не были против, им, похоже, все было в кайф, хоть им детский сад на шею вешайте, хоть паноптикум уродов, они из всего сделают праздник.

В основном забавляла гостей способность Юси угадывать, куда они спрятали ту или иную безделушку. То и дело слышались возгласы «бьютифул», «вандерфул», «интуишн», гости строили рожи и многозначительно подмигивали друг другу.

Юся виновато улыбался, оглядываясь на меня, и продолжал угадывать. Вика сначала ревновала, а потом втянулась и сама стала играть. Ей тоже перепало и внимания, и подарков. Я не был против таких невинных забав — в конце концов, Юся только ребенок, хотя и стремительно развивающийся. Ему не повредит немного человеческого тепла. И меня ничуть не раздражало, что он общается с чужими людьми.

С тех пор, как Юся начал разговаривать, мы практически не спали. Мы только и делали, что говорили, говорили, будто сейчас придет кто-то и отберет у нас эту волшебную штуку, которая наделила моего брата самым дорогим, что могло у него появиться, — разумом. И мы уже не скажем друг другу ничего, и Юся станет прежним бессмысленным куском мяса.

Представьте, что у вас вдруг брат вернулся оттуда, откуда не возвращаются. У меня до сих пор и не было брата, если подумать. Целыми днями я молчал, только покрикивая на никчемный отросток, который только интонации понимал — угрозу да изредка ласку. А теперь у меня появился персональный собеседник.

Говорить Юся начинал постепенно. Сначала отдельные слова: существительные, или местоимения, или вообще междометиями обходился. Но я решил, что лиха беда начала, и сам начал с ним разговаривать, как с маленьким. И Викса мне помогала.

Увидел Юся бабочку — рассказываем про бабочку, сидим за столом — объясняем, что и как едят. По несколько раз повторяли одно и то же: и как цвета называются, и какие запахи, и вкусы. Схватывал Юся на лету, и хотя в этом практически не было никакой моей заслуги, я втайне гордился собой.

Я рассказывал все стихи и сказки, которые знал, пел песни — от «Маленькой елочки» да «Колхозного панка» — и заставлял петь со мною хором. Успехи Юси были феноменальны, и меня все время глодала мысль: а останется ли все это, если исчезнет петух? Юся берег птицу, носил ее на цепочке и продолжал, чуть что, прятать за щекой, как леденец. Доходило до того, что и на ночь не снимал, будто боялся, что даже мгновение без петуха превратит его обратно в идиота. Мне тоже не хотелось проверять.

И поэтому мы говорили ночи напролет, вернее, говорил в основном я, а Юся только вопросы задавал. Беседы наши касались самых разных тем, но неминуемо все возвращалось к родителям.

— А фотография мамина дома есть? — спрашивал Юся.

— Есть. И папина тоже.

— Ты думаешь, она не вернется?

— Нет, Юся. Никогда. Она ничего не знает о нас, она даже бабушке не писала, так что лучше не думать о ней.

— Тогда получается, что мы одни?

— Мы не одни, нас двое. Это когда тебя не было, я был один, а теперь нас точно из собеса не попрут, мы этой клуше покажем.

Юся часто плакал после таких разговоров. Все-таки в эмоциональном плане он был еще совсем ребенком. Узнал, что потерялся, и заревел. Хотя я его очень хорошо понимал, я ведь и сам едва не плакал от обиды, зная, что где-то на свете живет моя мама, но я ей совсем не нужен, потому что родился неудачно. У меня нервная система оказалась сильная, я очень быстро это чувство переборол, тем более что дедушка и бабушка меня любили. В смысле — нас. Но Юся, он ведь этого тогда не понимал, для него не существовало ни дедушки, ни бабушки, ни папы. А вот теперь он будто среди ночи открыл глаза и спросонья зовет кого-нибудь.

А вместо кого-нибудь у него я, озлобленный и желчный.

— Ну не плачь, — сердито говорил я. — Мы же вместе.

— Ага, — согласился Юся, шмыгая носом. — В болезни и здравии, и только смерть разлучит нас.

Шуточки у него, конечно...

9

Боря, Глеб и Мезальянц ночевали на катере, так им было как-то спокойнее, хотя Змей уверял, что места в доме хватит на всех. Это он, конечно, лишка хватил, но Виксе и нам с Юсей по комнате выделили. Лэйла гоняла нас, заставляла помогать по хозяйству, требовала поддерживать чистоту в комнатах, запрещала смотреть телевизор и вообще спуску не давала, но за этой строгостью чувствовалось, что ей нравилось с нами общаться.

Общались мы сначала при помощи двух-трех английских фраз, типа «доброе утро», «я голоден» и «спокойной ночи», и жестов. Постепенно наш словарный запас увеличивался, да и Лэйла со Змеем выучили кое-что на русском, особенно Лэйла, которая

вытянула из Бори несколько крепких словечек и теперь в приступе ярости или восторга орала: «Окунись-ка в алебастр!» В довершение всего Юся, как и любой осваивающий язык ребенок, оказался гениальным лингвистом и в дополнение к русскому как-то мимоходом выучил и английский. Вскоре он лопотал не хуже Мезальянца и частенько исполнял функции переводчика.

На исходе второй недели нашего пребывания на острове, после очередной «ассамблеи», когда все разошлись, а мы отправились спать, Лэйла зашла в нашу комнату пожелать спокойной ночи.

— А что они все здесь делают? — спросил я у нее.

— Кто?

— Ну, вся ваша компания...

— Нан-Мадол, — ответила Лэйла.

— Чего? — не поняли мы с Юсей.

— Древний город, сложенный из базальтовых блоков. Он на другом конце острова, несколько часов добираться надо.

— Они любят древности?

— Нет, — рассмеялась Лэйла. — Они любят сокровища. Это общество расхитителей гробниц.

— Нифига себе, — восхитились мы по-русски.

— Нифига? — удивилась хозяйка.

— Это такое русское выражение, не для приличного общества, — поспешил объяснить я.

— О! Надо запомнить! — Лэйла подняла палец к потолку. — Все, спокойной ночи!

Она выключила свет, а потом вдруг поцеловала Юсю и меня в лоб. Это у нее получилось так естественно и легко, что мы даже сказать ничего не могли, кроме «спокойной ночи».

— Она нас любит? — шепотом спросил Юся в темноте.

— Не знаю, — ответил я, глотая комок в горле.

К проявлениям нежности я не привык. Мне уже пятнадцать лет, я телячьих нежностей вообще терпеть не могу, но сейчас за этот поцелуй готов был смириться с окружающей действительностью и собственным уродством. Мне дали понять, что

никакого уродства на самом деле нет, что я сам по себе могу вызывать симпатию.

А потом в дверь постучались, и к нам пришла Викса, вся в слезах.

— Я домой хочу, — сказала она. — Мне здесь надоело.

— Ты чего? — испугался я, что сейчас на шум прибежит Лэйла и обнаружит у нас Виксу. — До утра потерпеть не могла?

— Я домой хочу, к маме, — и тихонько завывала.

Я хотел спросить, зачем она тогда вообще из дома сбежала, но решил, что такой вопрос вряд ли ее успокоит.

— Полисмен же сказал, что скоро он займется нашим вопросом. Потерпи немного.

Успокаивать кого-то, если сам не веришь, что все будет в порядке, — довольно утомительное и тоскливое занятие. Чувствуешь себя одновременно дураком и вруном.

— Мне надоело терпеть. Я к маме хочу. И к папе. Они меня совсем потеряли, наверное. И забыли. Че я дура такая была? Надо было во Владике оставаться! — ревела Викса, тем не менее тихо, боясь побеспокоить Лэйлу.

— А ты им позвони.

— Чего? — Викса даже плакать перестала.

— Домой, говорю, позвони, скажи, что застряла немного, но скоро вернешься, — сказал я. — Ты ведь у бабушки целый месяц без родителей жила?

— Жила.

— Ну, вот и представь, что ты у бабушки.

Викса соскочила с нашей кровати, на краю которой сидела, и побежала к двери.

— Куда? — шепотом заорал я.

— Звонить!

— Половина первого ночи! Все спят! — соврал я. В уральских Понпях сейчас была половина шестого вечера, но Виксе не обязательно об этом знать.

— Все равно! — сказала Викса, и с криком «Тетя Ляля, тетя Ляля!» выскочила из нашей комнаты.

Правда, позвонить ей не удалось. Понпеи славен тем, что здесь дождь льет триста дней в году, а вдобавок громы и молнии, так что связь порой весьма нестабильна. Как ни старалась Лэйла набрать номер далекого уральского городка, так у нее ничего и не вышло. Викса разревелась окончательно и грозилась снова убежать, но потом, получив стакан сока и крекер, успокоилась и пошла спать, взяв твердое обещание, что с утра они точно позвонят маме.

10

Паспорта молодого человека приятной наружности могли поразить разнообразием, если бы кто-то смог увидеть эти паспорта все разом. Их было не менее сотни, тринадцати разных государств, все абсолютно настоящие, но на разные имена, от Ивана Семенова до Джона Смита.

Молодой человек вышел из здания аэропорта, поймал такси, доехал до окраины города и там пересел в метро. В метро он вел себя странно — менял станции и вагоны, исчезал и появлялся в совершенно неожиданных местах, вышел на другом конце города, прошел мимо камер наблюдения и исчез. Спустя десять минут мимо тех же камер прошла вызывающе одетая девица в мини и пирсингом на пупке, села в вагон и доехала до центра, где тут же убежала в дамскую комнату. Через пять минут из туалета вышла деловая женщина в строгом брючном костюме и быстро исчезла в толпе.

Не прошло и часа, как по самой оживленной улице большого азиатского города начал колесить белый автофургон с надписью «Окорока». Внутри, вопреки распространяемому наружу запаху, находилось отнюдь не мясо, а очень даже высокотехнологичная начинка, созданная исключительно для того, чтобы затруднить прослушивание другой высокотехнологичной аппаратурой.

Деловая женщина стянула парик и начала раздеваться, превращаясь в того самого молодого человека приятной наружности, что так внезапно исчез с экранов видеонаблюдения.

Рудольф, судя по всему, тоже не было настоящим именем молодого человека, хотя именно как Рудольф Филипп Кассатикетс он и числился в базе данных Моссада. Числился как лучший сотрудник, между прочим.

— Я нашел ее, шеф. В Вене.

У того, кого Рудольф Кассатикетс называл шефом, не было ни лица, ни тела, один лишь динамик. И Рудольф, и его шеф сидели в разных фургонах, городах и странах, не видя лиц, не слыша настоящих голосов — аппаратура связи искажала звуки до механически-дребезжащих.

— Рассказывайте.

Церковь Святого Рупрехта — покровителя солеторговцев — является старейшей церковью Вены. В названиях улиц, кафе и питейных заведений, плотно окружающих маленькую церковь, всюду проступает соль. Зальтштрассе, Зальтбар, кафе «Зальт» — это только то, что бросается в глаза при выходе из Рупрехтскирхе, а если побродить по этому морю кабаков дольше, то соли найдется еще больше.

Этот район некогда назывался «Бермудским треугольником». В переплетении узких улиц и переулков, лестниц и подворотен даже трезвому человеку без карты города немудрено заблудиться, что уж говорить о человеке подвыпившем, кочующем из одного увеселительного заведения в другое. Австрийцы, мадьяры, немцы, евреи, русские, чехи, американцы и прочие гости города исчезали тут на несколько недель и даже месяцев, чтобы потом всплыть без гроша в кармане, а иногда и, что греха таить, вообще без штанов.

Тем не менее народу здесь — не протолкнуться. Все хотят увидеть знаменитый Штефансдом — храм, в котором Моцарт венчался с Констанц, посмотреть на дом, где Моцарт жил, съесть самый большой в Вене шницель у «Фигльмюллера». К тому же времена «Бермудского треугольника» закончились в начале двадцатого века, и теперь здесь потеряться может только полный топографический кретин, недуг которого усугубляется полным отсутствием навыков общения.

Ресторан кошерной кухни «Алеф Алеф» на Юденштрассе, возле которого всегда дежурят двое полицейских, был пуст, если не считать мужчины и женщины, сидящих за первым столиком от входа. Насколько они были приверженцами кошерной кухни, судить трудно, поскольку разговор шел исключительно на русском.

— Это фото сделано на острове Понпеи, это недалеко от Марианских островов, — сказал мужчина, выглядевший как типичный европеец, прибывший в Вену отдохнуть: с огромной фотокамерой, фривольно одетый, уже успевший частично загореть, в очках типа «лектор», блондин.

Молодая, слегка за тридцать, начавшая уже полнеть красивая женщина взяла фотографию осторожно, будто пробирку с сильнейшей кислотой. Среди размытых, видимо, быстро двигавшихся в момент съемки фигур отчетливо выделялись два чернявых молодых человека, вплотную прижавшихся друг к другу и укрытых одним на двоих красным клетчатым одеялом. Лица их красотой не отличались, скорее — добродушно-щекастые, счастливые лица спасенных людей.

Женщина посмотрела на юношей и вернула фотографию.

— Я даже не знаю, кто из них кто.

— Вот этот, зеленоглазый, — Юрий, а этот — Егор.

— Вы не поняли. Меня вообще не интересует, как их зовут и почему они находятся в Микронезии, — несколько раздраженно пояснила собеседница блондину. — Они мне даже не снятся.

— Отчего же? — удивился блондин. — Чем они вам не угодили?

— Они уроды.

— И вы говорите об этом здесь, в Европе?

— Я где угодно об этом скажу.

— И все же... У Егора очень высокий коэффициент интеллекта, видимо, ваши гены...

— Не надо говорить со мной о генетике, я профессор, и вы ничего мне нового в этой сфере поведать не сможете. Давайте короче — что вам нужно. Вы из Конторы, правильно?

— Смотря что вы называете конторой, — уклончиво парировал блондин. — Контор много.

— Вы из госбезопасности русской, так?

— Нет, не так.

— Почему же мы говорим на русском? — спросила женщина на иврите.

— Потому что это ваш родной язык, — ответил блондин на немецком. И по-английски добавил: — Не важно, из какой я организации. Мы предлагаем возобновить отношения с вашими детьми.

— Если бы я этого хотела, восстановила бы уже давно. Но я хочу забыть эту историю. У меня муж и дети.

— Они будут ревновать?

— Да при чем тут ревность? Я не знаю, о чем мне говорить с этим... существом. Я даже с матерью всяческие контакты прекратила после того, как она начала писать о нем... о них... Я не понимаю, зачем вы вообще ко мне обратились.

Женщина волновалась, значит, она не была равнодушна. Если равнодушна, то рано или поздно знак равнодушия может поменаться. Лучше, конечно, рано, чем поздно.

— Во-первых, я обращаюсь к вам по той простой причине, что вы проводите отпуск одна, вдали от мужа и семьи. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять — если супруги отдыхают раздельно, значит, у них не все ладно. Во-вторых, вы так горячо отказываетесь от своих первенцев, что готов спорить — вам хочется их хотя бы увидеть. Ну и в-третьих, вы единственный человек, который сможет договориться с Егором.

— Что?

— Видите ли, Далила Иудовна... Вы разрешите обращаться к вам по имени-отчеству, как это делают русские? Так вот, ваши дети влипли в некрасивую и даже опасную историю. Они похитили секретный прибор. Прибор настолько мощный, что его разрушительная сила может отразиться на судьбе всего человечества.

— Похитили? — не поняла Далила. — Прибор? Вы не о барсуке с мышонком говорите?

— Э...

— Я знаю, что за свойства у этих предметов. Мама даже хотела подарить мне мышонка, когда я уезжала, но в последний момент передумала.

Блондин мысленно аплодировал себе — ай да везение, ай да Рудольф!

— Это очень важная информация для нас, спасибо. Я правильно понял, что вы согласны помочь нам?

— *Значит, она согласилась?*

— *Как вы и говорили, шеф.*

— *Отлично. Можно приступать.*

11

Наутро Лэйла и Вика сели на телефон и решили мучить его до тех пор, пока не свяжутся с родителями Вика. Мы с Юсей не стали ждать, когда свершится это великое событие, и отправились на причал.

Грузин по-прежнему сибаритствовал, Глеб в машинном отделении о чем-то гулко переговаривался со Змеем, а Мезальянц изучал расписание рейсов местного международного аэропорта.

— Изучаете, куда бежать? — спросил я.

— От Конторы сбежать нельзя, можно только ненадолго отсрочить встречу, — мрачно ответил Иван Иванович. — Я смотрю, по каким дням ждать гостей.

— Сейчас погода нелетная, какие гости?

— Незваные. Вон, этих неудачников-кладоискателей никакие дожди не пугают, они как по часам сюда приезжают. А Контору даже цунами не остановит.

— А разве вы уже знаете, что мисс Тедди и мисс Козельски...

— И майор, и астроном, и вся эта цветная компания — все кладоискатели.

— Я бы съездил туда, в этот...

— Нан-Мадол, — подсказал Юся.

— Вы, как я погляжу, вполне вписались в местный бомонд, — хмыкнул Иван Иванович. — Глядите только, чтобы эти красавцы не стибрили у вас чего...

Что за человек, обязательно настроение испортить надо! Я решил обратиться за поддержкой к капитанам.

— А давайте в выходные в Нан-Мадол отправимся? — спросил я.

— Это что еще за хрень? — лениво спросил Боря.

— Это как раз по вашей части — окно в бесконечность.

— Не слушай его, — слышалось из машинного отделения. — Это груда камней, и никаких сокровищ там нет.

— Сокровищ? — оживился Грузин. — Каких сокровищ?

— Егор, я тебя убью, — пообещал Татарин, вынырнув наружу. — Чего человека баламутишь? Только-только приключаться закончили — и опять?

— Я не понял: почему вы говорите так, будто вас здесь только двое? — возмутился Грузин. — Почему вы меня не спрашиваете или вон Юрца?

Боря единственный из экипажа, кто называл Юсю Юрой и даже сам с ним разговаривал.

— А меня Егор спрашивал, — сказал Юся серьезно. — Он спросил: ты хочешь в Нан-Мадол?

— И что?

— А я сказал, что сокровищ там нет.

— Вот, слышал?! — обрадовался Глеб. — Я же говорил!

— Ты-то откуда знаешь? — обиделся Боря на Юсю.

— Я не знаю, — растерялся Юся. — Мне так кажется.

— Кажется ему, — проворчал Грузин. — Надо съездить и посмотреть на этот... как его там...

— Нан-Мадол, — напомнил я.

— Во-во. Глеб, у нас там чего с движком-то?

— Ничего, — пробурчал Глеб. — Некогда мне.

Татарин посмотрел на меня, постучал пальцем по лбу и скрылся в недрах катера. Мне этот жест показался мало того что непонятным,

но даже и обидным. Чего я сделал-то? Поэтому я сразу спустился следом за Татариным.

— Чего ты дразнишься?

— «Це дразнися-це дразнися», — с кислой физиономией повторил Глеб. — Я, конечно, сам дурак, язык за зубами не сдержал. У Бори бзик — моментальное обогащение. Он раньше чемодан с долларами найти хотел, а еще раньше — государственную премию получить.

— За что?

— Да хоть за что, лишь бы много и сразу. Это мечта, она иррациональна. Он как-то узнал, что в Хабаровске старый дом есть, в котором клад. Так он его по бревну раскатал и на щепки изрубил, всю землю перекопал на два метра вглубь, весь отпуск извел, и хоть бы пяточок нашел. Вот не дай бог, загорится он этим вашим... тьфу, неважно... вот не дай бог. Он, чего доброго, катер на металлолом продаст. Ты этими своими штуковинами можешь клады искать?

— Не пробовал. Но, наверное, смог бы.

— Вот и походи там с ним на всякий пожарный. Ему бы горшочек золота найти — и успокоился бы. Наверное.

Видимо, глубина Бориного бзика и для Глеба еще не раскрылась во всей полноте.

— И что сейчас делать?

— Сейчас-то? — Глеб задумчиво поскреб подбородок. — Да ничего, наверное. Может, обойдется.

Но не обошлось. Боря уже развил бурную деятельность, задавшись целью во что бы то ни стало попасть в Нан-Мадол и посмотреть, что там за сокровища. Мезальянц посоветовал ему не заниматься ерундой. Глеб сердито сказал, что ему хабаровского рейда хватило. Он напомнил, что экипаж и без того живет в кредит, сугубо из доброго расположения хозяев, а оно может внезапно закончиться. Я попытался прибегнуть к доводам разума.

— Если там, — сказал я, — так давно занимаются поисками и до сих пор ничего не нашли, значит, там ничего нет.

— Это как раз понятно, — махнул рукой Боря. — Нашли сокровище, а говорить об этом никому не хотят, чтобы не делиться.

— Но там специальное снаряжение нужно, для подводных поисков.

— Не надо ничего, здесь дожди сплошняком, сплошная муть в воде, ничего не увидим все равно. Пошарим немного снаружи, не найдем ничего — и хрен с ним. Но чувствует мое сердце — не зря я сюда приехал, ох, не зря.

Мне тоже хотелось посмотреть этот таинственный Нан-Мадол. Не ради сокровищ, просто увидеть, чего в нем такого удивительного. Подумаешь, сокровища. Я точно знал, что под нами, на глубине примерно полутора тысяч метров, залегает обширный, хотя и неглубокий, пласт нефти, и если на месте причала поставить несколько буровых установок, то этой нефти хватит, чтобы Микронезия стала абсолютно независимой от США.

— А мы до мамы дозвонились! — послышалось издалека.

Вся команда «Ярославца» превратилась в слух. Из дома выскочила радостная Вика в одной ночнушке, она хохотала, скакала вдоль причала, и я всерьез опасался, что сейчас она поскользнется на мокрых досках и разобьет себе все, что можно разбить, а что нельзя — ломает.

— Хватит скакать, говори уже, — распорядился Грузин.

Связь работала отвратительно, однако Лэйле удалось поймать более или менее устойчивый канал. Сначала они позвонили домой к Вике, но там никто не брал трубку. Я подумал, что немудрено — на Урале сейчас пять часов утра, выходной, все дрыхнут без задних ног. Но Виксу не проведешь, она стала набирать все известные номера и поймала маму на работе. Мама, конечно, чуть с ума не сошла от радости. Еще больше Викина мама обалдела, узнав, откуда дочь звонит.

— Откуда?

— Понпеи, остров в Микронезии! — кричала Вика в трубку. — Мы здесь все: и Кругловы, и капитаны, и дядя Ваня.

— Кто?

— Дядя Ваня Мезальянц, он в конторе глубокого бурения работает! — радостно сообщила Вика. И тут же сменила пластинку: — Мама, я скучаю, я домой хочу!

— Чего ты ей сказала, повтори? — с напряженным лицом уточнил Мезальянц. Мне показалось, что он сейчас лопнет от злости.

— Не рычи на ребенка, — вступился за Вика Боря.

Вика повторила то, что сказала маме.

Я понимал, чего Мезальянц так сердится. Наверняка Контора связала исчезновение его, наше с Юсей и Викасы и теперь отслеживает все контакты. А Вика легко и просто сдала наше местопребывание и даже прямым текстом сообщила, что мы заодно.

— А мама что говорит? — спросил Юся.

Вопросы материнской любви его очень интересовали.

Мама ничего не говорила, она только редела в трубку да просила вернуться скорее. Вика обещала возвратиться, как только закончится сезон тайфунов, тоже немного поревела, но уже счастливая тем, что ее помнят и ни на кого не променяли.

— А ты чего ржешь? — посмотрела она на меня.

— Я-то? — переспросил я, пытаясь стереть с лица злорадную ухмылку. — Нет, ничего особенного.

— Тут сезон тайфунов длится с августа по декабрь, — выдал меня Глеб. — Надеюсь, мы свалим до его начала.

— Ну, мама же не знает, — растерялась Вика, которой, видимо, очень хотелось сказать маме что-то экзотичное.

Боря, конечно, сразу успокоил ее, что и сам не знал про такое безобразие, все не как у людей, и даже сезон тайфунов в совершенно неподходящее время.

12

Свиридов лукавил и с Первым, и с Мезальянцем. Старого сослуживца он представил директору как блестящего и эффективного профессионала, чуть ли не Джеймса Бонда, а перед Иваном выставил Первого эгоистичным самовлюбленным идиотом,

который рвется к власти изо всех сил. Истина же была посередине, там, где находился сам Свиридов.

Первый, без сомнения, задержится наверху весьма надолго, такие кардиналы в отставку не уходят. Но пост в Совете Безопасности слишком мал для него, он пойдет дальше. А Свиридов — останется. И его задача была кормить Первого завтраками, создавая видимость работы. На самом деле Свиридов с большим трудом скрывал ликование, когда Первый обратился к нему неофициально и просил решить вопрос частным порядком. Раз неофициально — у Свиридова появился шанс столкнуть лбами двух упрямцев, а свою голову побережь. Первый терпеть не может самоуправства, а Мезальянц — мелкопоместного барства. Иван обязательно взбрыкнет, в этом Свиридов не сомневался, равно как и в реакции Первого на предательство агента (хоть и работающего неофициально). Тем паче — четыре миллиона, которые агент попросил для дела, а сам свинтил.

Теперь Свиридов со спокойной душой пустил по следу своих людей, и они подтвердили информацию о предательстве и бегстве. Только преследовать за пределами своей страны отступника не могли (и слава богу).

Похвастать уже было чем, и Свиридов знал, что другой бы на его месте так много не успел. Беглецов локализовали, причем в месте, где уже несколько лет работал агент внешней разведки, поставляющий информацию не только военного, но и экономического характера. Этот козырь Свиридов приберег напоследок, если Первый начнет выказывать недовольство.

— Разрешите?

— Есть результаты?

— Так точно.

— Докладывайте.

Свиридов рассказал о внутреннем расследовании, об изысканиях Мезальянца. Проверили также всех родственников сбежавших близнецов. Выяснилось, что могила умершей накануне двоюродной бабки Кругловых оказалась пустой.

— В морге сообщили, что вскрытия не было, поскольку смерть Кравец не вызывала подозрений — она якобы болела раком, состояла на учете в онкодиспансере. Стали колоть онколога, он признался, что фальсифицировал историю болезни за взятку. Дамочка довольно удачно замела следы: если бы не переполох в Понпях, никто бы ничего и не заподозрил.

— Еще что-то?

— Да. Прослушка дала результаты. Мы точно знаем, где находятся беглецы. Наш человек готов действовать, но...

— Но?

— Единственная загвоздка — как доставлять предметы. Сотрудник опытный, но не обладает дипломатической неприкосновенностью, а консульства у нас в Микронезии нет.

13

Не могу сказать, что Лэйла обрадовалась, узнав о нашем намерении посетить Нан-Мадол.

— Кто вас надоумил? — Она металась по комнате, и если бы у нее в руках было что-то тяжелое — расколотила бы вдребезги все бьющееся. — Кто?

— Вы, — робко ответил я.

— Что?

— Ну, вы же нам про этот Нан-Мадол рассказали. Мы только посмотреть, и все. Нас Змей туда отвезет.

— Вместе с расхитителями гробниц?

Мы виновато пожали плечами. Мы всей командой уговаривали Сорри, но рыбак, едва узнав, чего мы от него хотим, отказался отвезти нас в древний город.

— Понапе не любят Нан-Мадол, — перевел Змей. — Считают его плохим местом.

Мы попросили объяснить, чего в этом месте плохого. Рыбак говорил долго и горячо, крепко держась за распятие, которое он носил на груди. Давно на острове жили колдуны-унани. Они были настолько могущественны, что им подчинялась и вода, и камень.

Унани расщепили гору базальта и сложили из нее город. Боги, увидев такое самоуправство, рассердились и сбросили с неба камень. Волна от его падения разрушила базальтовые строения, но не до конца, и души погибших колдунов до сих пор бродят в развалинах.

— Круто, — сказали мы хором.

Змей неодобрительно покачал головой и от себя добавил, что ничего там крутого нет, штабеля каменных блоков, разделенных каналами, и все это джунглями заросло.

Естественно, нам еще больше загорелось. И не знаю, каким уж образом об этом узнали кладоискатели. Самого опытного из них, майора, звали Томас Брайдер, и он шутил, что ему на роду написано было гробницы разворовывать. Он и предложил нам совершить экскурсию в Нан-Мадол заодно с компанией кладоискателей. Майор заверил, что нам это не будет стоить ни цента, акция разовая и благотворительная, потому что новичкам обычно везет.

— Ну, майор, — Лэйла сжала кулаки, — я тебе...

Столько нехороших слов, да еще и на разных языках, сколько мы с Юсей наслушались за последние дни, наверное, за всю предыдущую жизнь не слышали.

— Лэйла, мы все равно поедем, — как можно тверже сказал я.

— Да кто бы сомневался. Мы со Змеем будем вас сопровождать. А то знаю я этих благотворителей. Начнут совать карты под нос, чтобы вы крестик нарисовали.

Поэтому в Нан-Мадол собрались все, не считая Сорри. Тот остался в деревне, присматривать за хозяйством.

Яхта кладоискателей была в два раза больше «Ярославца», и капитаны смотрели на это чудо с нескрываемой завистью, хотя майор сказал, что это самое дешевое судно, которое их группа смогла приобрести вскладчину. Тем не менее двигатель здесь был не в пример мощнее нашего дизеля, несмотря на низкую посадку, яхта могла выдержать семибалльный шторм, и, если верить майору, однажды его команда целый месяц провела на этой посудине в автономном плавании.

Вообще-то можно было пересечь остров насквозь, посмотреть по дороге на базальтовую гору, которую местное население называет Большой Кучей Куриноного Дерьма, и это отняло бы времени раза в два меньше, чем крюк вдоль побережья на яхте, но дороги из-за дождей размыло, так что мы решили совершить морскую прогулку.

Я думал, что те четыре часа, что мы добираемся до Нан-Мадола, все будут развлекаться и шутить, однако ошибся. Все расхитители гробниц были серьезны и собраны, проверяли и перепроверяли снаряжение, разговоры шли исключительно по делу. Мельком увидели мы и карту, с которой работала команда Тома Брайдера. Это была обычная карта, разделенная на квадраты, половину из которых уже перечеркивали красные кресты. Пусто.

— Там одно местечко есть, ужас! — рассказывала мисс Тедди. — Там стрелка компаса вертится!

— Вы не поверите, — ответил я, — в России тоже есть такие места. Про Курскую магнитную аномалию слышали?

Она сначала не могла понять: не то я всерьез, не то издеваюсь. Потом засмеялась:

— Шутник. Я почти поверила!

Я посмотрел на майора. Он оставался невозмутимым. Я тоже хладнокровно улыбнулся мисс Тедди, а она уже пересказывала мою «шутку» мисс Козельски. Обе весело смеялись, показывали мне большие пальцы, мол, отлично, парень, ты сделал наш день!

Мы обогнули Понпеи с южной стороны и вскоре попали в систему проток. Было пасмурно, тревожно шумели джунгли, и мы с Юсей вглядывались вперед, все ожидая, когда же наконец появятся развалины древнего города.

— Нравится? — спросила Лэйла, подойдя со спины.

— Пока не очень. Может, когда до развалин доберемся, интереснее будет.

— А это и есть развалины, — усмехнулась она.

Я присмотрелся к берегам и тут уже понял, что нагромождения камней, заросшие пальмами и лианами, на самом деле —

стены, или даже не стены, а поленницы, сложенные из каменных брусков, иногда весьма длинных, а протоки вдруг обернулись каналами. Такое резкое преобразование ландшафта произвело на нас сокрушающее впечатление. Капитаны, Вика, я, Юся — все тыкали пальцами куда попало, восхищаясь своей близорукостью и естественной маскировкой древних руин.

Расхитители гробниц цвели так, будто сами построили и замаскировали Нан-Мадол. Тут же нам организовали спонтанную экскурсию, и кладоискатели наперебой рассказывали все, что они знали об этой местности, и поняли мы в итоге едва ли половину.

Яхта причалила к одному из самых массивных строений, и все отправились осмотреться и руками прикоснуться к древним камням. На яхте остались только мы с Юсей. Прыгать по скользким от дождя базальтовым шпалам, наверное, увлекательно, но не в том случае, когда у вас одна пара ног на двоих. Юся, похоже, не особенно об этом жалел — он быстро потерял интерес к руинам и, похоже, скучал.

— Представляешь, — сказал я, пытаюсь развлечь брата, — сейчас возьмут и найдут сокровище.

— Не найдут, — рассеянно ответил он.

— Почему? — Я даже немного обиделся.

— Потому что вовсе это и не город.

— А что?

— Это волнолом.

Вот так в жизни и бывает. Куча умных людей много лет ломает голову, чтобы понять назначение таинственных строений, и тут появляется Юся и с ходу заявляет, что ничего тут особенного, обычное древнее гидродинамическое сооружение, собранное без проекта, всего лишь на основе долгих наблюдений за океаном.

— Значит, майор со своей командой здесь ничего не найдут?

— Не знаю.

Мне стало не то грустно, не то обидно. Я уже знал, что петух пробуждает интуицию, обостряет ее сверх всяких пределов, но когда все ответы известны еще до постановки задачи — это уже

слишком. Чудовищная скука, никаких сюрпризов от жизни. Кто знает, как такая смертная скука отражается на психике. Так станешь, чего доброго, как Мезальянц, и будешь вечно стоять в сторонке с кислой физиономией и портить всем настроение, и мне в первую очередь.

Кстати, а где Мезальянц?

Он вместе со всеми поднимался на борт, я это точно запомнил, потому что Иван Иванович галантно подал руку мисс Козельски, и та радостно щебетала по этому поводу. А вот в плавании его уже нигде не было видно. Или он где-то здесь, спрятался на яхте и дуется на весь мир, или, не дай бог, за борт выпал, а его никто не услышал, или он за какой-то надобностью всех надул и никуда не уплыл.

Я посмотрел на Юсю. Он спокойно выдержал мой встревоженный взгляд, а потом сказал:

— Нет, здесь его нет.

— Ты уже говорил, я вовсе не о сокровище спросить хотел.

— И я не о сокровище. Ивана Ивановича, говорю, здесь нет.

— Откуда ты...

— Я знаю, о чем ты думаешь.

Вот так, запросто.

— Тебе показалось. — Я улыбнулся. — Никто не может знать, что думает другой человек.

— Ты не другой, и я знаю, что ты думаешь, — серьезно ответил Юся.

И от этого серьезного тона у меня даже мурашки по коже побежали. Будто это и не брат мой со мной говорил, а какой-то демон из фильма ужасов. Я некстати вспомнил, что этот остров, на котором мы застряли, часто фигурировал в произведениях про морского бога Дагона.

— А почему я не знаю, о чем ты думаешь? — собрав в кулак всю волю, которая у меня имелась, спросил я.

— Потому что я не думаю, — ответил Юся так же душераздирающе просто и серьезно. — Я даю ответы, но мыслей у меня нет.

Твою мать, он меня пугает, догадался я. Этот засранец меня банально разыгрывает, потому что мы совсем одни, все ушли, и атмосфера вокруг мрачноватая, как в склепе.

Без замаха я врезал Юсе ладонью по носу. Удар получился сильным, я разбил брату не только нос, но и губы, а от неожиданности он даже язык прикусил, и кровь у него потекла одновременно изо рта и носа.

— Ой! — Юся прижал руку к лицу. — Ты чего?

— Нехрен чужие мысли читать, — сказал я.

— Я же пошутил! — захныкал Юся, размазывая юшку (вот теперь я шучу) по лицу. — Ты шуток не понимаешь, что ли?

— Понимаю. — Я достал из кармана платок и помог ему вытереть кровь. — Не вертись, а то размажу... Но осадок остался... Прижми платок к носу... Ведь ты как-то угадал мои мысли.

— У тебя привычка дурацкая — губами шевелить, когда думаешь о чем-то. — Юся задрал голову вверх, придерживая платок.

— Когда это ты выучился по губам читать?

— А чего учиться, ты почти шепчешь.

— Ладно, разберемся. Ты видел Мезальянца?

— Нет. Наверное, он в деревне остался.

— Наверное? А что твоя «интуишн» говорит?

— Ничего, — огрызнулся Юся. — Скорей всего, никуда он и не отплывал, прошел быстро через палубу и с другого борта прыгнул, пока никто не видел.

— А зачем?

— Вот вернемся, и сам спросишь.

14

Сначала Мезальянец думал, что Сорри ошивается рядом с мастерской Змея исключительно из желания подработать. Деревня была не особенно богатой, и одной рыбной ловлей здесь вряд ли прокормишь семейство, особенно такое крикливое и многочисленное, как у рыбака. Змей рассказывал, что Сорри хоть и не знает языков, но зато лучший лоцман в округе, хоть и не кичится

этим. Самые богатые и влиятельные гости из Соединенных штатов и Европы предпочитают бедного рыбака Сорри любому другому опытному моряку, говорящему по-английски. Потому и бот у рыбака такой отличный, потому и дом его имеет стены и черепичную кровлю, и дети одеты прилично, и жена не работает.

Сорри можно было только уважать. Единственное, что напрягало Мезальянца, — это нарочитое невежество рыбака. Несколько лет работать на иностранных туристов и не выучить ни одной фразы? Это очень подозрительно. Мужик этот куда как непрост, и надо было приглядеться к нему внимательнее.

Иван Иванович не думал, что Сорри работает на Контору. То есть, конечно, думал, но имел в виду конторы иных государств. Вообще, фигура рыбака для вербовки идеальна: ну кто будет подозревать полуграмотного крестьянина из Микронезии в шпионаже? А поднатаскать смышленного мужика в языках, проинструктировать, как грамотно установить «жучок» или сфотографировать секретный документ, как обнаружить слежку и грамотно от нее уйти, — это легко. Обучить хитростям ремесла запросто могут любые другие агенты, которые под видом туристов наведываются на остров. По крайней мере сам Мезальянец так бы и сделал.

Всеобщая экспедиция в Нан-Мадол стала хорошим поводом поговорить с рыбаком о том, на чью контору он работает. Сорри ведь не зря оставался в деревне — что-то ему нужно было в доме у Змея. Там его и можно будет прихватить.

Поэтому Иван Иванович шумно поднялся на борт яхты и незаметно спустился с нее прямо в воду, доплыл до деревянного пирса и не вылезал на берег, пока кладоискатели не скрылись за пеленой моросящего дождика. На пирс он решил не взбираться: все окна смотрели на него, и Сорри, если он уже внутри, обязательно заметит человека на пристани. Мезальянец вплавь добрался до берега, разделся до трусов, чтобы с одежды не капало, и вошел в дом с черного входа.

Рыбак точно находился в доме, слышно было, как он копается на втором этаже. Странно, чего ему там надо? Там только спальни... Иван Иванович, взяв из тумбочки в прихожей электрошокер,

о котором он узнал от Виксы, осторожно поднялся по лестнице и увидел спину рыбака, который увлеченно копался в стенном шкафу мальчишек Кругловых. Вот что тебя интересует, дружок.

Все моментально встало на свои места. События развивались по закону Мерфи, то есть самым наихудшим образом. Надо же было угодить в такую передрагу: оказаться спасенными агентом Конторы. С одной стороны, Иван Иванович испытал гордость за неизвестного вербовщика, который нашел такого незаметного информатора. С другой — Мезальянц опять обругал Контору, отправившую ценного сотрудника выполнять черную работу. Чего стоило прислать группу ликвидации или хотя бы одного профессионала? Они бы и убрали, и подчистили, и Сорри вне подозрений. Сорри никогда не участвовал в силовых операциях, он трус, вся работа его состояла в том, чтобы только внимательно слушать, о чем говорят большие люди, возможно, копировать секретные документы, но все остальное вне его компетенции. Наверняка куратор напоминал, чтобы рыбак не изображал из себя крутого суперагента и сидел тише мыши.

Дураков учат. Иван Иванович осторожно подкрался к рыбаку. Раздался сухой треск, Сорри громко вскрикнул и упал навзничь. Запахло озоном. Ага, родной, получил. Ну, лежи, отдохни. Иван Иванович вошел в комнату, посмотрел в стенной шкаф. Очевидно, Сорри обшаривал все карманы близнецов, пытаясь отыскать предметы. Господи, какой бардак, ну разве так ведут тайный обыск? У Сорри явно недостаток образования, надо обучать дальше. Мезальянц взял из шкафа кожаный ремень и пояс от халата, после чего тщательно связал Сорри, корчившегося в судорогах на полу.

Связанного рыбака (тяжелый, черт) он посадил на кресло и прикрутил к спинке скотчем, которого на письменном столе лежало аж две бобины.

— Полагаю, английский ты знаешь, — сказал Мезальянц.

Сорри пока ответить не мог, потому что рот у него был заклеен. Иван Иванович не хотел рисковать и заранее собирался разъяснить рыбаку некоторые спорные моменты.

— Я не надеюсь, что ты умеешь говорить по-русски, хотя тебя могли обучить и этому. Будем говорить на английском. Заранее прошу не кричать и не сердить меня, потому что я обучен вести допросы с пристрастием, и некоторыми острыми предметами, например канцелярским резакom, могу управляться весьма виртуозно. Я не хочу пачкаться в твоей крови и фекалиях, и думаю, ты сам бы этого не хотел. Поэтому на вопросы отвечать честно и не изображать невинность. Небольшой тест. Если ты говоришь по-английски, кивни головой. Если ты не кивнешь, значит, я начну резать твое лицо и буду резать до тех пор, пока не дождусь правильного ответа. Так ты говоришь по-английски?

Сорри истово закивал. Покладистый парень, с такими одно удовольствие разговаривать.

— Отлично. Ты работаешь на русских?

Кивок.

— Кроме тебя агенты на острове есть? Да не мотай так головой, отвалится. Сейчас я аккуратно сниму скотч. Не кричать, на вопросы отвечать четко и по существу. Понял?

Кивок.

Мезальянц разлепил рот пленнику. Тот нервно облизал губы.

— Твои позывные?

— Клаус.

— Задание?

— Изъять предметы, передать курьеру.

— Курьер здесь?

— Будет через неделю.

— А относительно нас какие инструкции?

Сорри, зажмурившись как лягушка, проглотил слюну.

— Я слушаю, — сказал с нажимом Мезальянц.

— Убрать.

— Всех?

— Вас и близнецов.

— И как собирался?

— Яхта на обратном пути взорвется.

— Что?

— Таймер установлен на семь вечера.

Без малого два десятка человек, прикинул Мезальянц. Масштабная акция.

— А как объяснить взрыв?

— Японские мины. Их иногда прибывает к берегу.

Вот гаденыш, все предусмотрел.

— Там же дети.

Сорри не ответил. Скорей всего, он даже не подумал об этом. Что ж, хороший агент, исполнительный.

Что теперь с ним делать, с таким хорошим?

Иван Иванович подошел к столу, снял трубку с аппарата и набрал номер аэропорта, который уже знал наизусть.

— Здравствуйте, мисс. На рейс до Парижа есть свободные места? Только в бизнес-классе? Окей. Прошу забронировать одно место на имя Антонио Монтазио. Совершенно верно, синьорина, как сыр. Нет, я заплачу наличными. И вам того же.

До начала регистрации еще пять часов. Вполне хватит, чтобы подготовиться.

— Где Змей хранит деньги?

— В ящике с инструментами, там двойное дно, — торопливо ответил Сорри.

— А документы?

— Не знаю. Наверное, в спальне.

— Ладно, разберемся. Извини, рот я тебе опять заклею. Мы же не хотим неприятностей?

Рыбак позволил заклеить себе рот, после чего Иван Иванович надел ему на голову полиэтиленовый пакет и тоже плотно перемотал скотчем. Не дожидаясь, пока отчаянно мычащий Сорри умрет, Мезальянц вышел из комнаты и отправился на поиски денег.

Несмотря на то что мастерская не процветала, в потайном отделении ящика для инструментов хранилось два свертка по тысяче долларов «грантами» и «франклинами». В спальне, помимо международного паспорта Змея, обнаружилось еще полторы.

А вот гардероб разочаровал — Змей носил одежду на пару размеров меньше, и Мезальянц выглядел в ней по меньшей мере странно, если не сказать — смешно. Ладно, хоть обувь подходила и носки.

А вот близнецы, кажется, были одного с ним размера. Иван Иванович вернулся в их комнату. Сорри лежал на полу, боком. Но избавиться от пут ему не удалось, равно как и от пакета. Сердце не билось, грудь не поднималась, пакет, запотевший изнутри добела, облепил голову и уже не раздувался от судорожного дыхания. В шкафу нашлись рубашки и джинсы, а также несколько пиджаков и галстуков. Все — ни разу не надеванное. Зачем Лэйла все это покупала для совершенно чужих уродов? Западная благотворительность умиляла. Что же, спасибо Лэйле и Змею за эту одежду и вообще за гостеприимство. Милые люди. Аж тошнит.

Стул с трупом рыбака Мезальянц убрал в шкаф. Наскоро сотворив иллюзию порядка, Иван Иванович уединился в будуаре Лэйлы, чтобы добиться хоть какого-то внешнего сходства с лицом в паспорте.

15

— Парни, вы что, дрались? — Лэйла не верила своим глазам.

Нос у Юси распух, да и губы продолжали кровоточить.

Мы отмахнулись от этого вопроса и сходу заявили, что Мезальянца на борту нет. Все стали вспоминать, когда видели его в последний раз, и по всему выходило, что с момента посадки Иван Иванович никому на глаза не попадался.

— Слился, подлец, — восхитился Боря.

— Зачем? — спросил Глеб.

— Ну, может, он решил Тоху грабануть.

— А куда ему с острова деваться?

— Окунись в алебастр. Мне-то откуда знать?

— А если не знаешь, чего городишь?

— Каким ты занудой стал, — обиделся Грузин. — Слова не скажи. Татарин хотел возразить, но подумал и решил не обострять.

Викса, подергав меня за рукав, спросила:

— А Ивана Ивановича акула не съела?

— Подавится, — ответил я. — Скорей всего, он не поехал с нами. Пошутил.

Прямо убил бы этого шутника.

Однако никто, кроме экипажа «Ярославца», судьбой исчезнувшего пассажира не беспокоился. Даже Лэйла со Змеем увлеклись подготовкой к спуску аквалангистов. Ныряли астроном Алекс, мисс Тедди и Джон Солсбери, высокий такой красавец, как его представил Змей — «друг семьи», который постоянно говорил по телефону с компаньонами, заказчиками и поставщиками как минимум на трех языках, но при этом не терял нити разговора, идущего на палубе, и широко улыбался. Глядя на этих беспечных людей, мы и сами успокоились, тем более что Змей всюду названивал на домашний телефон Сорри. Мы надеялись, что все решится с минуты на минуту.

Но время шло, расхитители гробниц совершали погружение за погружением, солнце стремительно двигалось по небосводу, а связи все не было, и Юся с каждой минутой все больше и больше нервничал. Он не мог объяснить причину беспокойства, но когда закончились несколько часов бесплодных поисков древнего клада и мы уже плыли обратно, в Юсю словно бес вселился.

— Нельзя! Нельзя! — кричал он.

— Чего нельзя? — пытался я успокоить брата, но он так держался и метался, будто собирался наконец оторвать свою половину и упрыгать прочь на одной ноге.

Капитаны с Виксой, Змей с Лэйлой и расхитители гробниц носились по палубе, поднося то воду в стакане, то какие-то лекарства, то сласти, лишь бы вернуть Юсе прежнее расположение духа. Тщетно. Юся ревел, размазывал слезы по щекам, и просил идти пешком.

— Морская болезнь, может? — предположил Грузин.

— Еще скажи — медвежья, — ответил Глеб. — Мы почти неделю на катере провели, никакой болезни у него не было.

— Окунись-ка в алебастр, молод ты еще меня учить, — строго посмотрел на моториста Боря. — Он сначала дурачком был, а у них морской болезни не бывает.

Глеб поджал губы, закатил глаза и покачал головой — дескать, с какими людьми приходится иметь дело.

Змей уже оставил попытки дозвониться до Сорри, хотя, по возвращении на яхту узнав об исчезновении Мезальянца, каждые пять минут набирал номер друга. Увы, дома у рыбака никто трубку не снимал, но в этом как раз ничего удивительного не было — его семья отправилась в соседнюю деревню, к родичам. Оператор тоже не обрадовал, сообщив, что номер недоступен. Вид у Змея был совершенно отсутствующий. А вот Лэйла, наоборот, пыталась помочь Юсе: гладила его по голове, старалась успокоить, обещала, что все будет хорошо, но он, захлебываясь рыданиями, говорил, что нельзя оставаться на яхте ни минуты.

— А что, тут есть дорога? — на всякий случай спросил я у Змея.

— Дорога есть, но там сейчас ни одной машины — видел сам, что дороги развезло.

— Я думал, что плохие дороги только в России.

— На острове строить дороги нерентабельно. Народу меньше ста тысяч, почти все владеют катерами или лодками и живут в основном на побережье. Только Паликир с Колонией связаны приличной бетонкой, да еще в аэропорт дорога из города неплохая, вот и все.

— А долго пешком до деревни?

— Часов пять, не меньше. Ты что, всерьез собираешься идти пешком? — недоверчиво и даже с опаской спросил Змей.

Я представил, как мы пять часов месим грязь, переваливаясь на наших культяпках. Интересно, далеко ли мы уйдем? Конечно, можно забиться с Юсей в трюм, запереться и даже заткнуть ему рот тряпкой, чтобы не раздражал общественность. Потакать капризам брата не хотелось: один раз уступишь, а потом всю жизнь уступать придется. Но и выносить эту истерику не было сил, проще выброситься за борт.

А ведь это мысль! Я не сомневался, что истерика Юси имеет под собой основание, хотя и не понимал пока, какое. Объяснять всем, что на яхте находиться опасно, — мартышкин труд. Юся, конечно, забавный зверек, но народ здесь был прагматичный, пешком топать до дома из-за мифической угрозы не согласятся, а уговаривать, похоже, времени совсем не оставалось.

— Ты готов искупаться? — спросил я у Юси.

— Купаться? — спросила Лэйла. — Зачем купаться?

— Потому что всех сейчас смоем, — объяснил я. — Боря, Глеб, Вика! Быстро все на правый борт.

Для всех прочих мощная волна, пришедшая, откуда ни возмись, из темноты океана, оказалась полной неожиданностью. Она ударила в левый борт, развернула и понесла яхту прямо на берег.

Женщины подняли визг, мужчины заругались, но практически каждый бросился ближе к борту, чтобы, в случае чего, прыгнуть в воду и спастись.

На наше счастье, здесь было мелководье, и одной волны было достаточно, чтобы прочно посадить судно на мель, да еще и положить на бок. Все мы оказались в воде и, волей-неволей, вынуждены были плыть к берегу.

Мы с Юсей плавать не умели, поэтому нас тащил Глеб.

Решено, думал я. Доберемся до дома — отдам подлому Мезальянцу фигурки, пускай делает что хочет и проваливает на все четыре стороны. И пускай сам разбирается со своими начальниками.

Только петуха не отдадим. Потому что с нынешним Юсей было не в пример легче. Мы останемся здесь, в Микронезии, будем купаться в прибое, есть хот-доги и копать в двигателях. С нашей интуицией мы все моторы починим...

В это время рвануло, да так, что яхта даже подпрыгнула. Пала она, уже развалившись на куски, пылающие оранжево-черным дизельным огнем. Женщины вновь закричали, и мужчины в очередной раз на всех языках помянули матерей. После яркой вспышки стало ужасно темно, и, пока глаза не привыкли, мы плыли практически вслепую. К черту, нафиг! Сдаю этот

металлолом, причем не Мезальянцу, который наверняка знал, что яхта взорвется (не он ли ее заминировал?), а местному правительству. Пускай сами управляют стихиями и людьми, а я пас.

На сушу мы выползли, наверное, через полчаса после того, как убрались с обреченной яхты. Поливало дождь, бушевал океан, выталкивая нас из себя уже естественными волнами, а не той, которую я направил, чтобы перевернуть яхту.

На берегу нас уже ждали молчаливые члены корпорации расхитителей гробниц. Боря с Виксой старались не отсвечивать, а Змей с Лэйлой, наоборот, стояли впереди всех, по колено в прибое.

— Что это было, молодые люди? — спросила Лэйла.

— Что именно, мэм?

Лэйла поняла, что переборщила с официозом, и сбавила обороты.

— Парни, я серьезно. Почему взорвалась яхта?

— Мы не знаем. Мы только волну видели. Может, это баки с горючим взорвались?

— Не пытайтесь меня обмануть, мальчики. Я сама обманщица.

— Лэйла, я не могу объяснить. Это суперспособность такая.

Повисло тягостное молчание. Наверное, все думали, будто это мы взорвали яхту.

— Ладно, — сказала наконец Лэйла. — Вылезайте уже, дома поговорим.

Все пять часов, до самой полуночи, пока мы шли до деревни по грязной грунтовке (которая, кстати, была вовсе не такой плохой, как мы себе представляли), никто не проронил ни слова, и даже Викса ни разу не пожаловалась. Нетрудно было представить, о чем думали кладоискатели и Лэйла со Змеем. Дикие русские из странной прихоти взорвали яхту с дорогим оборудованием. И хотя судно наверняка было застраховано со всеми потрохами, осадок, как я уже говорил сегодня Юсе, наверняка остался. Как их убедить в обратном? Чем больше я об этом думал, тем отчетливее понимал, что все оправдания выглядят беспомощным враньем. Показывать

им фокусы с ландшафтом? Да они разбегутся, кто куда, вызовут службу спасения и священника, чтобы изгнать из меня злого духа. Блин, Мезальянц, я тебя прибью, когда вернусь.

Наверное, капитаны тоже проклинали сейчас подлого контрика. Насчет Виксы не уверен, она жила сейчас только ожиданием встречи с мамой. Счастливая, есть куда возвращаться, и главное — к кому. А все мои надежды остаться в Микронезии рушились на глазах: Лэйла, поддерживаемая под локоть верным Змеем, держалась от нас на почтительном расстоянии и даже не смотрела в нашу сторону.

— Она нас не простит? — тихо спросил Юся.

— Мы ничего плохого не сделали, — ответил я. — Наоборот — мы всех спасли.

— А почему все злятся?

— Потому что приходится идти пешком. Потому что все мокрые, грязные, голодные. А если бы не было дороги вдоль берега, нас бы вообще съели.

— Но мы же им жизнь спасли.

— Иногда люди не понимают своего счастья сразу, они думают, что случилась беда. Потом все наладится, они забудут плохое, а хорошее останется. Главное, что все живы.

— Спина болит, — пожаловался Юся.

— Если тебя это успокоит, то у меня тоже.

Мы потеряли счет времени, только переставляли ноги — левая, правая, левая, правая — и поэтому, когда деревня вдруг появилась за очередным поворотом, даже не обрадовались. Вообще, за всю дорогу я успел себя накрутить до такой степени, что, не будь здесь Лэйлы со Змеем, наверняка показал бы всем этим искателям приключений кузькину мать, да такую, что они и о Нан-Мадоле, и о яхте своей, и о сокровищах позабыли бы навек. Кладоискатели направились напрямиком в мотель, сухо попрощавшись с нашей компанией, и на приглашение в ресторан за счет Змея ответили отказом — все хотели спать. Типа, у нас яхта взорвалась, а вы нам какой-то ресторан предлагаете. Буржуи.

И тут Змей вспылел. Он сказал несколько итальянских слов, потом извинился и перешел на английский.

— Плевать! Плевать я хотел на всех! Я хочу жрать! Жареное мясо, вино, паста, морепродукты, овощи, фрукты, мороженое, и вообще все. Мы сейчас все принимаем душ, переодеваемся и едем в ресторан! А эти напыщенные дураки пускай спят голодными.

— Змей! — попыталась шикнуть на мужа Лэйла.

— Что? — негодуяще посмотрел он на супругу.

Несколько секунд они ели друг друга глазами, потом Лэйла уточнила:

— Китайская кухня будет?

— От пуза.

— Я согласна.

И они весело посмотрели на нас. Лэйла сказала:

— Чего стоите? Кто последний — тот экзистенциальная вонючка.

Через секунду на улице стояли только мы с капитанами.

— Чего это? — не понял Боря.

— Они сказали, что кто прибежит последним — тот задница, — как можно мягче перевел я.

Капитаны тут же испарились.

— Это нечестно, — заметил Юся. — Я к тебе приклеен, иначе бы давно убежал.

— Не ты ко мне, а я к тебе, — поправил я брата. — Мы сделаем проще.

Дорога к пляжу и причалу шла под уклон, довольно крутой. Я влез в канаву, по которой вниз стекала дождевая вода, и уселся прямо в центре желоба, подстелив под задницу куртку.

— Поехали, — сказал я и оттолкнулся.

Если бы знал, что это будет настолько страшно, ни за что бы так не сделал. Как мы только не сели на какой-нибудь острый сук, или палку, или металлический штырь?! Нас пару раз развернуло вокруг своей оси, мы чуть не разбили головы о деревянные мостики, перекинутые через канаву, и со всего размаху врезались

в огромную лужу, полную листьев, щепок, полиэтиленовых кулков, окурков и прочего мусора. Пирс, освещенный разноцветными фонариками, был в двух шагах. Сверху доносился радостный хохот Лэйлы и Виксы, а Боря громко рекомендовал кому-то окунуться в алебастр.

Кое-как выбравшись из вонючего болота, мы, смеясь, поковыляли к дому. Правда, на пирсе нас все же обогнала Викса, но экзистенциальными вонючками оказались не мы, а Лэйла со Змеем, которым вдруг приспичило целоваться прямо на финишной прямой. Капитаны деликатно обогнули их на цыпочках, а потом опять побежали наперегонки.

Потом мы минут пять ждали, пока хозяева нацелуются всласть, потому что дверь оказалась запертой, а ключа у нас не было. Поэтому Змеем пришлось обойти дом сзади, чтобы отпереть изнутри. Все тут же разбрелись по душевым, которых в доме имелось три штуки. Капитаны решили, что помогут прямо на катере, потому что и вещички-то их тоже остались на «Ярославце». Договорились встретиться в час у двери.

Мы с Юсей тщательно отмывались от дерьма, в которое окунулись в луже, потом, кое-как вытершись, пошли одеваться.

В шкафу мы нашли Сорри с пакетом на голове.

16

— То есть вы точно не помните, когда исчез мистер Мезальянц? — спросил детектив Ноу, тот самый полисмен, который был слишком занят, чтобы разобраться с нашим присутствием в деревне Кули. В удостоверении было написано «Дэнни Х. Ноу», но все звали его просто Дэнни, если разговор шел не в служебное время. Когда Дэнни был при исполнении, он просил обращаться к нему «детектив Ноу».

Все мы отвечали примерно в одном ключе — никто не заметил, как это произошло, и хватились его уже в Нан-Мадоле.

— Мистер Брайдер со своими коллегами уже дают показания в мотеле, — заверил детектив, едва мы начали роптать на

повторяющиеся вопросы и попросили уточнить у майора, если нам не верят. — Мистер Монтазио, вы с женой все осмотрели? Что еще пропало, кроме документов?

— Деньги, — хмуро ответил Змей. — Три с половиной тысячи долларов. Еще мои туфли, кое-какая одежда и автомобиль Лэйлы.

Детектив тут же связался с кем-то по рации и попросил объявить в розыск серебристый «крайслер».

Часы показывали половину четвертого. Виксу уложили спать, накормив перед этим яичницей с беконом, остальные напились кофе и приготвоились участвовать в следственных мероприятиях.

Криминалисты прибыли через час после вызова, осмотрели каждый миллиметр нашей комнаты, обшарили причал и двор (рядом с черным ходом нашли одежду Ивана Ивановича). Перерыли весь мусор в доме, нашли бритвенное лезвие со следами крови, окровавленные ватные тампоны, кучку состриженных волос. Чего уж там думали детективы, я не знал, но им сначала могло показаться, что некто проник в дом, убил Сорри, потом пытал и зачем-то стриг Мезальянца. Ерунда какая-то — если уж и пытаться кого-то, так только Сорри, потому что он знал, где хранит деньги Змей. Что такого мог знать Иван Иванович, что ему не надели на голову пакет? И почему труп несчастного Сорри спрятали в нашей комнате?

— Что? — переспросил я.

— Вы же русские, ваш спутник не был гангстером?

— Нет, — ответил Юся. — Он работал на Контору.

— На контору?

Пришлось объяснять, что такое Контора. Детективу это объяснение не понравилось, но он сделал вид, что удовлетворен ответом.

— Значит, вы не знаете, кто мог все это сделать? Может, у вас есть предположения?

Зря он это спросил. Потому что Юся прямо ответил, что, скорее всего, убийство совершил Иван Иванович. По всей вероятности, Мезальянец в чем-то заподозрил рыбака и решил проследить за ним, для чего и сбежал с лодки. Чтобы не шуметь, Иван Иванович

разделся до трусов и вошел в дом через черный ход. Увидел Сорри, напал, связал, узнал, где хранятся деньги, и убил.

Тут уж у Дэнни глаза на лоб полезли:

— Сынок, ты что, серьезно? А зачем ему документы Змея?

— Чтобы выдать себя за него в аэропорту. И машина Лэйлы, скорей всего, тоже там.

Как я ни пихал Юсю в бок, он продолжал: постригся Иван Иванович, чтобы походить на коротко стриженного Антонио, бритвой немного порезал лицо, чтобы наклеить пластырь на особенно характерные части лица. На паспортном контроле скажет, что неудачно побрился или попал в аварию, не станут же они свежий пластырь снимать.

В подтверждение этой теории зашипела рация, и детективу сообщили, что на бесплатной стоянке в аэропорту найден серебристый «крайслер», номера совпадают с угнанным транспортом.

Потом оказалось, что и прочие предположения Юси подтвердились с точностью до деталей: некто, весь в бинтах и пластырях, прибежал к стойке регистрации за минуту до окончания посадки, повинился, что попал в аварию, так спешил. Вел себя излишне нервно, но это вполне естественно для человека, опаздывающего на рейс. Самолет улетел во Францию, днем.

— Свяжитесь с бортом, — сказал Дэнни коллегам, — сообщите, что пассажир Монтазио из бизнес-класса подозревается в совершении тяжкого преступления, пусть его встречает полиция.

Пока он разговаривал, капитаны и супруги Монтазио смотрели на нас. Капитаны смотрели так: «окунись-ка ты в алебастр». А Змей и Лэйла смотрели по-итальянски: мадонна, что несет этот подросток, кто напоил его и куда потом поставил бутылку?!

— Ну что же, парень, ты практически в одиночку раскрыл преступление. За это я прямо завтра... — Дэнни Х. Ноу посмотрел на часы, — точнее, уже сегодня займусь вашей проблемой. Надеюсь, вас отправят домой очень скоро, потому что у меня здесь трупов лет десять не было. Надеюсь, еще столько же и после не будет. Спокойной ночи всем.

Полицейские уехали, мы сидели внизу в полной тишине, у всех руки в краске — снимали отпечатки.

— *Porca miseria*, что здесь происходит? — спросила Лэйла через пять минут гробового молчания. — Что за фокусы, парни? Что за тайны?

— Лэйла, лучше тебе этого не знать, — сказал я.

— Егор, чего ей надо-то? — спросил Боря.

— Требуется объяснений, — перевел я.

— Может, мы тогда в катер пойдем? А то я мертвецов не люблю.

— Лэйла, можно мужикам спать идти?

— Да пускай чешут куда хотят, я от вас ответов жду.

Капитаны извинились и ушли.

— У нас действительно есть суперспособности, — сказал я. — Мы их не хотели, так получилось.

С грехом пополам мы объяснили, что к чему. Семейство Монтазио не хотело верить, что такое возможно, но мы продемонстрировали артефакты и даже устроили небольшие показательные выступления на пирсе.

— *Nifigasebe*, — произнесла по-русски Лэйла. — Это невозможно. Так не бывает.

— Я тоже так думаю. Но спулить никому эту штуку не могу. Может, вы заберете? Вы-то нормальные люди.

— В каком смысле?

— Ну, вы же не стремитесь к власти, к большим деньгам, живете на маленьком островке...

Змей и Лэйла переглянулись. Потом Змей сбегал в спальню и принес глянцевого журнал «Пипл». На обложке были Лэйла в красивом вечернем платье и бриллиантовом колье и Змей в смокинге. Перемазанные в машинном масле, они копались в какой-то развалюхе, а фотограф как будто застал их за ремонтом. «Супруги Монтазио: мы не боимся грязной работы. Строительные магнаты оставили налаженный бизнес и открыли частную мастерскую по ремонту двигателей» — гласил заголовок.

— Мы не возьмем эту штуку, парни, уж извините, — сказал Змей. — Мы — я и Лэйла — начали в четырнадцать лет с отделочных работ. За четверть века мы построили и отремонтировали тысячи зданий, мы стали чудовищно богатыми. И чудовищно отдалились друг от друга. Мы чуть не развелись, потому что каждый был занят бизнесом, мы мотались по всему миру и встречались только на Рождество и дни рождения, и потом вдруг оказалось, что мы с этой работой не успеваем завести детей. Мы стали выяснять, кто из нас виноват, почти подрались — мы все-таки горячие люди. А потом Лэйла спросила: если бы начали все с самого начала, с нуля, может, у нас бы все получилось? И мы решили попробовать с самого начала. Правда, с самого нуля не получилось — деньги-то у нас уже были. Мы отдали бизнес нашим коллегам, купили небольшой участок земли здесь, вложили деньги в местную экономику, чтобы нам дали гражданство, и начали все снова. Так что мы весьма богаты, хотя стараемся не пользоваться теми деньгами, что уже заработали. Мы хотим завести детей.

В эту минуту моя мечта рухнула. На самом деле я думал, что мы с Юсей так понравились Лэйле со Змеем, что они захотят нас усыновить. А если они хотят своих, зачем им какие-то сиамские уроды?

— Круто, — сказал я.

— Можно, мы спать пойдем? — спросил я.

— Наверное, мы на катере заночуем, а то в нашей комнате как-то не хочется, — попросил я.

— Спокойной ночи, — сказали мы, закрыли дверь и пошлепали по мокрым доскам пирса к «Ярославцу».

Наверное, Лэйла со Змеем подумали, что мы сильно устали и перенервничали, что боимся спать в комнате, где убили человека, да мало ли... Но это было не так. Мне просто не хотелось думать о том, что эта жизнь уже никогда не станет моей. Не то Юся и взаправду читал мои мысли, не то ему лень было упираться, словом, он ни капельки не мешал мне покинуть гостеприимный дом Монтазио.

Капитаны еще не спали, они стояли на палубе, смотрели на расчищенное небо и рассуждали о бесконечности. Мы шли нешумно, поэтому прекрасно слышали их разговор — о столбы пирса не плескали волны, океан был спокоен настолько, будто его весь залили ворванью.

— А вот этого мужика с платком, наверное, заколебывает каждые сто лет приходиться к скале и фигачить по ней платком, — сказал Глеб. — Я бы давно притащил динамит и взорвал все к едрене фене.

— Это потому что ты еще молодой. А ему, может, за это деньги платят. Нехилая зарплата, если на сто лет хватает, — лениво ответил Боря. — Я бы точно на такую подписался.

— Кто б сомневался, — по голосу слышно, что Глеб улыбается.

— Не надсмехаться над командованием!

Странно все-таки. Видимо, на нас за этот месяц столько всего свалилось, что мы устали удивляться. Один наш знакомый убил другого, а мы шутим, как ни в чем не бывало.

Ладно, плевать. Все равно я уже решил, как быть. Завтра... тьфу, конечно, уже не завтра, а сегодня... сегодня приедут люди, которые будут заниматься нашим делом. Я покажу им, на что способны предметы. Я распределю все здешние реки так, что они начнут равномерно орошать землю. Я направлю всю нефть, что скопилась под островом, в одно место, и Микронезия станет абсолютно независимой от всех. Я заслужу, чтобы нас оставили здесь, пусть не в семье Змея и Лэйлы, но рядом. Они будут нашими друзьями. А мы будем водить экскурсии по Нан-Мадолу и забудем всю эту суматоху с погонями и прочей ерундой. Мы даже, чего уж там, припрячем здесь какой-нибудь клад, лишь бы команда майора была счастлива. Они нас простят.

Мы останемся. Потому что нас тут воспринимают как нормальных, и им не надо наших суперспособностей. А капитаны с Виксой пускай возвращаются. Их, наверное, заждались уже.

— Эй, на линкоре, — окликнул я. — Мы все еще на довольствии?

Иван Иванович не надеялся, что ему удастся пройти паспортный контроль в аэропорту имени Шарля де Голля. Вся его эскапада с паспортом Змея была чистой воды авантюрой, которая неминуемо обернулась бы крахом в любом европейском государстве, которое хоть когда-то сталкивалось с проблемой мирового терроризма. Но Микронезия — малюсенькое государство-сателлит, здесь даже с преступностью проблем нет, потому что очень мало народу.

Какое-то время он чувствовал себя в безопасности. Появился небольшой запас времени, можно было придумать план. Иван Иванович успел выспаться, поесть, сходить в туалет, ознакомиться с прессой и разглядеть соседей по бизнес-классу. И только когда пролетели Африку и внизу раскинулось Средиземное море, Мезальянц понял, что ситуация в корне поменялась. На него слишком пристально смотрела стюардесса. Так присматривают за опасным соседом: за рецидивистом в камере предварительного заключения, за маньяком в психушке, за хищным зверем на расстоянии выстрела. Так на него могут смотреть только в одном случае: в доме Монтазио обнаружили труп. Что-то слишком быстро. А уж как быстро сообразили, что он на самолете... Нет, это возможно только в одном случае — близнецы выжили. С их чутьем... то есть, конечно, в них-то чутья на копейку, это все клятые предметы... Да, слишком быстро его вычислили. Ну что ж, тоже неплохо — значит, магическая хрень пока не попадет в руки Конторы, а Мезальянц может рассчитывать на вознаграждение. Пацанов точно кто-то ведет, слишком легко они выбираются из аховых ситуаций.

Значит, надо подумать о том, чтобы спастись самому.

План сформировался сам собой, едва в иллюминаторе показалась земля — судя по светящемуся табло, это были Апеннины. То что надо.

Иван Иванович пошел в туалет, но из кабинки прошел не в салон, а к стюардессе.

— Бутылку виски, пожалуйста, — попросил он.

— Вернитесь на свое место, мсье, — спокойно ответила стюардесса. — Мы принесем вам напиток.

Мезальянц улыбнулся и схватил женщину за горло.

— Бутылку виски, мадам, — сказал Иван Иванович, — зажигалку... и найдите способ, как проникнуть в кабину. У меня есть что сказать капитану.

18

Бывают такие люди: они берутся за дело, которому учились и в котором понимают побольше некоторых спецов, а вот не ладится, хоть плачь. Вроде, все предусматриваешь, все делаешь по правилам, но возникают обстоятельства непреодолимой силы, и все летит коту под хвост.

В это утро адвокату Пабло Эстебану в очередной раз не повезло.

Он вечно брался за такие дела, которые у него в конце концов или отбирали на дорасследование, или отправляли в верховный суд, для работы в котором у Эстебана не хватало квалификации, или... Вообще-то нынешнее дело было третьим в его карьере. Дело о сутенере. Сутенером оказался сам Пабло. Так уж вышло, что он снимал квартиру с девчонками из Марокко, которые прилетели в Мадрид учиться. Квартира была старая и огромная, Эстебан занимал там всего одну комнату, ему, как холостяку, больше и не требовалось. Он искал компаньона или двух, чтобы делить квартплату, а тут целых семь красоток заявили. И весело, и квартплата пропорционально уменьшается. Живи и радуйся, тем более что девчонки прибирали в его комнате и готовили ему ужин.

А потом соседи позвонили в полицию и заявили, что Пабло — сутенер. Это он, который с отличием закончил юридический факультет в Мадриде! Криминальная полиция долго копала под Эстебана, но он был чист. А вот девчонки повод для подозрений давали, и Пабло сам решил разобраться, в чем дело.

В деле оказались замешаны военные, «Чупа-чупс» и королевская семья. Эстебан предвкушал громкий процесс, в результате

которого его возьмут партнером в ведущую юридическую контору Испании. Досье с прямыми уликами против злоумышленников, история которых длилась чуть ли не с того времени, как Франко пришел к власти, пухло, дело обрастало фигурантами, свидетелями и трупами.

Пабло здорово кому-то насолил, и ему объявили шах: или Эстебан отдает досье и забывает об этом деле, или его мать, отца и сестер будут находить в разобранном виде по всему миру. Глупо делать карьеру ради семьи, которую казнят из-за этой карьеры. Обидно, потому что Пабло уже вычислил самого главного злодея. Им оказался, как ни странно, дворецкий по фамилии Наварро, в прошлом — один из командиров Пятой колонны.

Адвокат согласился прекратить расследование. Но он поставил условие, что отдаст материалы лично в руки Наварро. Разумеется, за деньги. На самом деле Пабло решил, что с него хватит, забросит юриспруденцию и подастся в рестораторы, тем более что одна подруга предлагала ему долю в кафешке «Московские ночи».

Злодеи назначили встречу ранним утром, на шоссе за городом. Утро выдалось туманное, седое. Эстебан прибыл на место за полчаса до встречи и теперь наблюдал, как туман отрывается от земли и поднимается над дорогой. Через полчаса совсем просветлеет.

Автомобиль Наварро появился со стороны Толедо. Черный лимузин злодея даже не свернул на обочину, как остановился — так и стоял посреди проезжей части. Очевидно, люди Наварро перекрыли шоссе. Да, это был именно он, Пабло не ошибся.

— Молодой человек, вы так же глупы, как и смелы, — сказал старик Наварро. — Вы ведь не думали, что я стану платить за то, что смогу взять бесплатно?

— Конечно, не думал, — сказал Пабло. — Поэтому оригинал досье я оставил в банковской ячейке, и в моем завещании сказано, чтобы содержимое обнародовали через неделю после моей смерти либо исчезновения. Согласитесь, когда я буду мертв, мне станет все равно, что вы сделаете с моей семьей.

— Ты блефуешь, мальчик, — засмеялся Наварро.

— Вот и проверим. Вы можете выкупить копию, а можете забрать силой.

Дворецкий взял телефон и стал громко разговаривать. Он не опасался быть услышанным — вот уже минуту как в воздухе ревели турбины реактивного самолета, пролетающего в облаках. Туман весьма обманчив, определить, где именно летит самолет, трудно, потому что звук раздается отовсюду.

Наварро закрыл левое ухо и направился к лимузину.

Он меня даже не боится, с тоской подумал Пабло. Эстебан блефовал, чего ему, неудачнику, делать никак не следовало. Теперь он с ужасом ожидал самого худшего.

Далее все произошло так быстро, что Пабло даже охнуть не успел. Прямо над шоссе из тумана вынырнул реактивный самолет с выпущенными шасси. Наварро только обернулся на шум, и ему тут же снесло голову колесом, а тело от удара несколько раз перевернулось в воздухе, и пронеслось в нескольких сантиметрах от Пабло, он даже увидел землю на подошвах врага. Потом Эстебана обдало струей воздуха от промелькнувшей над ним машины, и он увидел, что самолет садится прямо на шоссе.

Теперь точно никаких денег, решил адвокат. Подонок оказался в ненужном месте в неподходящее время. Может, он в последнюю минуту насчет денег договаривался? Что же делать?

Оставалось одно — пропадать. Или убежать, спрятаться, залечь на дно, исчезнуть, потому что сейчас очухаются люди дворецкого, и они не дадут Пабло умереть так же легко и быстро, как их шеф.

Эстебан сел в машину и поехал туда, откуда прибыл на встречу дворецкий, — в сторону Толедо. Километров через пять мимо него по встречной полосе пронеслась серебристая «ауди». Пабло похолодел, но бандиты не развернулись и не стали его преследовать. Может, они хотели выяснить, что случилось с их шефом, или не знали, на какой именно машине приехал на встречу Эстебан.

Ну, теперь главное — не останавливаться, решил Пабло и утопил педаль акселератора в пол. На скорости сто пятьдесят километров в час незадачливый адвокат исчез за горизонтом.

А самолет-убийца, промчавшись по пустынному шоссе почти километр, затормозил, затем развернулся и поехал к месту преступления. Но вовсе не полюбоваться на дело колес своих. Террорист, захвативший воздушное судно, не хотел въезжать в Мадрид на угнанном самолете.

19

Едва начало светать, мне приснился странный сон. Будто те самые прозрачные мужики, которые навещали меня во время абстиненции, снова пришли по мою душу.

— Тебе зачем доверили предметы? — спросили они.

— Кто доверил? Вы, что ли? — нахамил я.

— Мы. Зачем мы тебе подарили барсука, и мышь, и петуха?

— Окунитесь-ка в алебастр. Я вас знать не знаю.

— Предметами надо пользоваться!

— А я что делаю?

— Ты не пользуешься, ты фокусы показываешь.

— А что мне еще делать?

— Менять.

— Чего менять?

— Землю.

Ага, разбежался.

— Ищите дурака. Валите отсюда, пока я добрый.

Прозрачные гости не на шутку рассердились.

— Не смей так с нами разговаривать.

— А то что?

Прозрачные немного растерялись.

— Иначе мы заберем у тебя предметы.

— Напугали. Я сам от них избавиться мечтаю.

— Тогда твой брат снова станет идиотом.

Вот это удар ниже пояса. Я уже привык, что с Юсей можно поговорить, а его мычание и «ай, нанэ», наоборот, моментально забылись. Юсины предчувствия и озарения всегда сбывались, но не это было главным. Раньше я прекрасно обходился

минимумом — говорил сам с собой и лучше всякого прорицателя знал, что меня ожидает впереди (как правило — ничего хорошего). Но Юся из куска мяса превратился в родного человека, и обратного процесса для него я не желал. Да что там — для него. Если быть честным, я для себя этого не желал, потому что понял, насколько тоскливой была моя жизнь. Но что именно имеют в виду эти короли-призраки, когда говорят об изменении Земли?

— Все просто, — ответили призраки. — Нужно выпустить магму в нескольких точках земного шара.

— Всего-то? А сами чего, не умеете?

— Хватит дерзить!

— А то что?

— Иначе мы заберем у тебя предметы.

Повторяетесь, братцы, усмехнулся я.

— Забирайте, — пожал я плечами.

Так я и знал — блефуют. Гости помялись на месте, переглянулись, будто разговаривая между собой, потом сказали:

— Давай так: услуга за услугу. Ты сделаешь то, о чем мы тебя попросили, а потом мы выполним любую твою просьбу.

Сильно. Запугать не получилось, решили подкупить. И есть ли у меня сейчас какие-то желания, которые бы я не мог реализовать сам?

— Вы сначала объясните, зачем вам это. Я не оказываю услуги вслепую. Только, пожалуйста, не надо меня обманывать, я этого не люблю.

— Ты спасешь древнюю цивилизацию!

— У нас некоторые хотят клонировать динозавров, но мне эта идея не кажется хорошей.

— Не дерзи!

— Окунитесь-ка все в алебастр.

— Посмотри на себя.

— Чего?

— Посмотри на себя.

И тут я увидел себя. Будто у меня нет второго туловища, и стою я не боком, как всегда, а прямо, с гордо поднятой головой, и обе руки у меня нормальные, левая и правая, сильная и еще сильнее, и пальцы все, ловкие и цепкие, и рядом со мной красивая девушка стоит, и держит меня за руку.

— Мы можем так сделать, — сказали прозрачные.

И я запустил в них первым, что оказалось под рукой.

Барсуком.

20

Проснулся я оттого, что меня кто-то погладил по голове. Да вы чего, назгулы, такие нудные?

— Ничего я делать не буду, — пробормотал я.

— Гоша, — позвал женский голос с легким акцентом.

— Здесь такие не живут.

Я открыл глаза. И не поверил им.

— Вы кто? — спросил у незнакомки Юся. То есть для него эта женщина была незнакомкой, но я прекрасно ее знал по фотографиям.

Правда, за те почти шестнадцать лет, что мы с ней не встречались, она успела немного располнеть, перекрасить волосы и обзавестись очками. В остальном же ничего не изменилось.

— Это наша мама, — сказал я Юсе. — Знакомься.

— Ой, — сказал Юся. И заревел.

Наверное, она ожидала любой другой реакции, потому что вид у нее был растерянный. А может, ее смутил говорящий Юся... хотя откуда ей было знать, что Юся как человек появился месяц назад?

— Э... Юра? Гоша?

— Я вам не Гоша, я Егор. Зачем вы здесь? Кто вас сюда звал?

Эк меня сон перепахал: все то зло, что я там не израсходовал, выплеснул сейчас на родную мать. Хотя какая она мать?

Если бы она сейчас заплакала или стала извиняться — честное слово, даже и слушать бы не стал. Но вместо этого она достала

носовой платок и вытерла Юсе сопли. Потом сложила платок и положила себе в карман.

— Я здесь, чтобы забрать вас домой. Тетя все мне рассказала.

— Кто?

— Барбара Теодоровна. Она до меня дозвонилась и все про вас рассказала. Она очень извинялась, просила не сердиться... Ну, Юра, перестань.

Вот старая клюшка! Зачем ей это было надо? Ведь просто свалить хотела, чтобы пожить в свое удовольствие. А она, оказывается, отправилась на поиски нашей маман. И нашла, что характерно.

— Уходите, — попросил я. — Мы никуда с вами не поедем.

— Почему?

Это они вдвоем спросили, Юся и мама. Я думал, Юся и так поймет, но чего уж там, объясню:

— Потому что так не бывает: посадил дерево, ушел, подождал, пока оно само вырастет, переболеет всеми болезнями, а потом пришел и снял плоды. Что вы сделали, чтобы мы с вами куда-то отправились?

— Я вас родила.

— Спасибо за это. Что еще?

— Но мне было всего восемнадцать.

— Вполне хватает, чтобы отвечать за свои поступки. Уходите.

Тут Юся разревелся еще сильнее, и я понял, что это он не из-за визита мамы, а из-за меня. Для брата это был шанс, он ведь, как разговаривать научился, сразу стал ждать чуда: вот придет мама — и все будет хорошо. Я и сам в детстве, едва начал соображать, тоже надеялся на то, что она одумается и вернется. Ведь мама не умерла, существует где-то далеко, ей просто надо вспомнить обо мне, и она спохватится, и вернется. Мой самый любимый мультик был — «Мама для мамонтенка». Вот у кого никаких шансов не было найти семью, а у меня-то — ого-го какая возможность.

Но время шло, она не появилась. И если лет до восьми я еще разглядывал мамины фото в семейном альбоме, то потом я чуть

не вырезал их оттуда ножницами, после чего бабушка предусмотрительно вынула эти фотографии и спрятала.

И вот теперь детская мечта сбылась. Но — не моя. Я теперь мечтал о счастье вместе с братом, а не вместе с мамой. Не будь мы с Юсей одним целым, я отпустил бы их на все четыре стороны. Однако такой вариант сейчас не рассматривался, особенно если учесть дурацкий утренний сон про назгулов. Теперь я решаю, сделать несчастным себя или своего брата.

Впрочем, почему несчастным? Никто же не заставит меня быть милым с женщиной, которая когда-то меня предала, а теперь требует любви за один только факт своего существования.

— Подождите наверху, — как можно суше сказал я той, кого мой брат хочет называть мамой.

Она поняла. Кивнула и вышла из каюты.

— Ты что, действительно хочешь называть ее мамой? — спросил я Юсю. — Она же предала нас.

— Но она же вернулась!

— Она дождалась, когда с нами не будет проблем. Почему она не вернулась, когда умерла бабушка Агния? Потому что ты был тяжелым для совместной жизни человеком. А теперь ты умный взрослый парень, не будешь мычать и размахивать рукой, если чего-то захочешь.

Юся утер слезы.

— Ну, мы же можем попробовать.

Я кивнул. Действительно, можем. Мы теперь многое можем.

Далила Иудовна ждала нас в компании Грузина. Боря опять говорил о мужике с газовым платком («вот точно таким, который на вас»), который вынужден каждые сто лет пороть гранит, словно он не мужик, а персидский царь Ксеркс, высекший море. Когда мы вышли на палубу, они замолкли, но, судя по лицам, беседа была веселая.

— Егор, а вот твоя родительница утверждает, что вы евреи. Правда, что ли?

— Нет, только Юся, — мрачно пошутил я.

— А ты кто?

— А я цыган.

Вдоль пирса прогуливался красавец-мужчина, высокий такой блондин в дорогом костюме с галстуком-бабочкой и блестящих штиблетах. Смерть мухам. Если это муж родительницы, я сбегу вместе с Юсей, и ищите ветра в поле, не хочется мне такую самодовольную морду видеть изо дня в день.

Красавец постучал пальцами по тыльной стороне запястья — мол, время.

— Мальчики, нам надо торопиться, — виновато попросила родительница. — Самолет.

— Какой самолет? — возмутился Боря. — А Лэйла со Змеем? А Викуся? А Глеб?

— Где они? — спросил я.

— Так это... к жене Сорри поехали, немного поддержать, — развел руками Боря. — Глеб к таким вещам серьезно относится, он всегда поддержать...

— Мы можем их подождать? — спросил Юся.

Далила (хоть убейте, не могу ее мамой называть) спросила у своего спутника. Тот огорченно помотал головой. Нехорошо вы, ребята, знакомство с нами начинаете. Мы вас впервые видим, а вы нам с друзьями попрощаться не даете.

— Ребята, честное слово, мне так жаль, — сказала Далила.

Она не врала, ей и впрямь было жалко. И красавец, видимо, тоже не преувеличивал, хотя расстройства в нем не было ни капли, он просто хотел скорее отвязаться. А мне не хотелось портить хорошее настроение Юсе.

— Боря, — попросил я. — Боря, передай всем...

Чего им передать? Куча слов застряла в горле, и ни туда, ни сюда. Всем вместе и каждому в отдельности. Мы вместе всего месяц, а такое чувство, что всю жизнь. Что сказать людям, с которыми ты всю жизнь вместе? Только одно:

— Передай им, чтобы в алебастр окунулись.

Уходить надо быстро, не оглядываясь.

Змей растолкал жену в девять утра.

— Змей, я тебя убью, — пообещала Лэйла. — Я спать хочу.

— Сорри, — сказал Змей.

Лэйла сразу открыла глаза и встала с постели.

Сегодня утром возвращались от родичей жена и дети рыбака. Они еще ничего не знают. Надо сказать ей первыми.

Викса выскочила из комнаты сразу, как только супруги Монтазио включили кофеварку.

— Я с вами, — сказала девочка, и никакие доводы разума не могли ее остановить.

Викса, конечно, не очень хотела ехать к тете Сорри, но ей совершенно не спалось с самого раннего утра. Дурацкий сон водил Виксу вокруг Нан-Мадола, который аукал маминым голосом и грозил голосом Мезальянца, что если она сейчас же не найдет клад, то станет унани с базальтовым поленом вместо туловища и будет лежать среди таких же унани до следующего цунами. Проснувшись, она вспомнила, что сама вчера придумала рифму: унани-цунами-к-маме, но сна уже не было. Узнав, что придется оставаться дома одной, Викса не выдержала и попросила Змея взять ее с собой.

На улице они встретили Глеба, который ползал по пирсу на четвереньках. Услышав о том, куда собрались Монтазио, он забросил поиски и сказал:

— Я с вами. Сорри вытащил нас из океана, я его должник.

На самом деле Татарин проснулся оттого, что ему снилось, будто кто-то шарит по его карманам. Он открыл глаза и вроде даже краем глаза уловил какое-то движение на трапике, ведущем на палубу. Приснится же, подумал Глеб, и машинально потянулся к карману со счастливой монетой.

Юбилейной монетки с годом его рождения не было.

Глеб открыл глаза и ощупал себя с ног до головы, будто магическая хрень, которая ему приснилась, могла утащить еще что-то, вроде руки, ноги или носа. Все было на месте. А вот юбилейной

монеты с Лениным на аверсе — нет. Неужто такую вещь можно скоммуниздить или про... потерять? Глеб натянул шорты-бермуды и выскочил на улицу. Пирс был безлюден, океан дышал глубоко и спокойно, даже солнце светило. Никого.

Может, ночью обронил? Что это там на досках блеснит? Глеб даже на четвереньки встал.

Кольцо от баночного пива. Наверняка Грузин намусорил. Впереди еще что-то блеснуло, и Татарин, не вставая, пополз на блеск.

Опять кольцо.

За этим занятием его и застали хозяева. Когда они сказали, куда собрались, Глеб плюнул на Ленина, сбегал предупредить капитана и тоже отправился отдать последний долг Сорри. Монетку он нашел прилипшей к подошве шлепанца.

То, что было в доме у рыбака, вспоминать не хотелось никому. Жена Сорри голосила, как обычная русская баба на похоронах, и не надо было знать языка понапе, чтобы понимать, о чем кричит женщина. Вдова вцепилась мертвой хваткой в Лэйлу и не отпускала до самого морга, куда ее привезли на опознание. Спасибо Виксе, что она вызвалась остаться и присмотреть за рыбацкими детьми.

Из города в Кули возвращались молча. Лэйла гладила вдову по голове, та лишь всхлипывала и смотрела в пустоту. По пути им встретился шикарный «мерседес», и Глебу на какое-то мгновение показалось, будто в кабине сидят близнецы Кругловы, но голову на отсечение он бы не дал.

И зря. Потому что, когда Монтазио и Глеб с Виксой, разбитые видом чужого горя, вернулись домой, их ждало новое разочарование — Егор и Юся уехали, не попрощавшись. Боря сказал, что за ними приехала мать с каким-то хмырем на «мерседесе», они опаздывали на самолет, вот и...

— Ты хоть документы у них спросил? — заорал Глеб на капитана. — Их же просто могли похитить! Этих типов даже Мезальянц отправить мог! Эх ты, бесконечность!

— Э... — Боря впал в ступор. — Нет, не спросил. Но Егор...

— Да что Егор, свои мозги иметь надо.

Лэйла, которая до сих пор держалась, как железная, услышав от Виксы, что произошло за время их отсутствия, вдруг залилась слезами и убежала в дом. Змей плюнул и сел на краю пирса, свесив ноги в пустоту.

— Ты утром чего на карачках-то ползал? — спросила Викса у нервно грызшего ногти Татарина. — День вчерашний потерял?

— Нет, — ответил он. — А ты чего не спала?

— Да так, снилось всякое...

Это «ж-ж-ж» неспроста, подумал Глеб.

22

В аэропорту выяснилось, что на нас есть документы и билеты, о которых я вспомнил, когда увидел, как мимо нас проезжает «додж» Змея. Я не стал говорить в машине, я подумал — приедем в аэропорт, а там выяснится, что нам с Юсей без документов не улететь. Но красавец оказался серьезным типом и достал все необходимое из внутреннего кармана своего умопомрачительного пиджака.

Я надеялся, что нас задержат на таможенном досмотре, но «лемурийский интерфейс» оказался невидим для детекторов металла. Таможенники улыбнулись, пожелали счастливого пути и тут же забыли о нашем существовании.

Надо было встряхнуть этот остров! Надо было направленными подземными толчками разрушить взлетную полосу, расколоть землю и взорвать здесь вулкан, чтобы пепел закрыл все небо до самой России и не давал летать самолетам, только бы вернуться к Лэйле и Змею и хотя бы попрощаться как следует...

Конечно, ничего этого я не сделал. После минутного порыва сделать хоть что-нибудь на меня навалилась такая апатия, что хоть в петлю.

Мне показалось, что на периферии зрения маячат назгулы.

ЧАСТЬ 3

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО БРАТА

1

Станция метро «Порт Роял» в Париже была переполнена — на линии были какие-то неполадки. Небритый мужчина в поношенном костюме с искрой, в нечищенных стоптанных туфлях — типичный неудачник, пока еще не опустившийся, но уже на грани, — с черным полиэтиленовым пакетом на левой руке, едва вырвался из толчеи, поднялся по лестнице к турникетам. Там он достал из пакета бутылку минеральной воды, сделал глоток и выбросил опустевшую тару в мусорную корзину.

Выйдя на бульвар Монпарнас, он свернул было направо, на Обсерваторский проспект, однако, дойдя до фонтана возле сада Марко Поло, вновь повернул направо, пересек бульвар Сен-Мишель и вышел к студенческому общежитию на проспекте Жоржа Бернаноса.

На крыльце тусовались молодые люди, в углу, на относительно новом, но уже благоухающем пружинном матрасе деловито пролистывал свежую газету бездомный.

Человек в костюме с искрой зашел в общежитие, поел в студенческой столовой, вышел на улицу и сладко затянулся последней сигаретой.

— Мсье, — окликнул его бездомный, расправившийся уже с утренним чтением. — Же не манш па сис жур.

Неудачник посмотрел на опустившегося бедолагу, поставил перед ним пакет, затянулся и с дымом выдохнул:

— Бон шансе...

Недокуренную сигарету он тоже отдал бездомному, а сам, на-свистывая, пошел по улице в сторону Люксембургского сада.

В пакете бомж обнаружил тщательно запакованную одежду, туалетные принадлежности, немного наличных и визитку отеля, где ему была назначена встреча. Очень скоро он превратится из вонючего и грязного бомжа в чистого, опрятного и очень даже небедного господина, словно гусеница в бабочку. Дайте только оуклиться.

А поначалу все грозило закончиться весьма плачевно. Мезальянц покинул лайнер, воспользовавшись аварийным люком и надувным трапом. Пассажиры провожали террориста недоумевающими взглядами, но помешать никто не пытался.

На открытом воздухе было тепло, влажно и туманно. Сверху туман не казался таким густым, да и лежал он не так чтобы высоко над землей, однако тут — будто в молоко попал.

Черный лимузин, на который через несколько десятков метров натолкнулся Мезальянц, оказался как нельзя кстати. Откуда он здесь взялся, Иван Иванович не знал, но автомобиль с ключом в зажигании, да еще и с полным баком, и с кондиционером... будет на чем добраться до города.

Однако сесть в машину ему не удалось — из тумана, взреывая на форсаже, вынырнула большая серебристая «ауди» и, оставив на асфальте длинные черные полосы, замерла в паре метров от лимузина. Мезальянцу хватило доли секунды, чтобы оценить ситуацию и поднять руки вверх.

Испанского он не знал, поэтому сразу стал кричать по-английски: «Не стреляйте, я русский, я здесь случайно!» Ребята, что вылезли из автомобиля, имели типичный бандитский вид, и даже если бы у каждого из них не было при себе пистолета, ошибиться Мезальянц не мог — это местные братки. Стрелка у них здесь, что ли?

Братки с некоторым недоумением смотрели на Ивана Ивановича: видимо, ожидали увидеть здесь кого-то другого. Они перебросились несколькими фразами, и один из бандюков отправился

осматривать местность. Иван Иванович краем глаза проводил его, а потом снова посмотрел на крепких ребят.

— Правда, шоль, русский? — спросил водитель.

— Правда-правда, — горячо закивал Мезальянц. Разговор завязался, сейчас главное — сократить дистанцию.

— Откуда сам-то?

Иван Иванович был коренным москвичом, однако прекрасно знал, что жители России, краснодарские они или уральские, Москву недолюбливают. А хлопец мог быть и хохлом, поди угадай, что он там себе думает. Поэтому Мезальянц сказал:

— Из Питера.

— А здесь че делаешь?

— Самолет угнал.

— Шо?!

— Честное слово — угнал! Он там, чуть дальше по шоссе. А что за город-то?

Водитель ответил не сразу. Он что-то сказал своим спутникам, те не поверили, засмеялись, водитель ткнул пальцем в Мезальянца.

— Далеко, говоришь, самолет?

— Чуть дальше...

Как бы в подтверждение слов Ивана Ивановича лайнер вновь взревел двигателями и зажег все огни на корпусе и крыльях. Видимо, для того чтобы в тумане случайные автомобили не врезались.

— Ох ты ж яка дура... — не сдержал удивления водитель. — Как ты их уломал в такой туманище приземлиться?

— Знаю методику. А что за город рядом?

— Мадрид.

Окунуться в алебастр, подумал Иван Иванович, хорошо попал.

Бандюк, который ушел осмотреться, вдруг замахал руками и что-то заорал, но из-за рева турбин его не было слышно. Братки рванули к нему все вместе, и в этом была их ошибка.

Едва они проскочили мимо, Иван Иванович провел подсечку последнему из них, который, по иронии, оказался земляком,

обезоружил и пристрелил в сердце. Шум двигателей и тут оказался союзником Мезальянцу: выстрела никто не услышал. Иван Иванович запрыгнул в лимузин, завел машину и развернулся на узком пяточке, едва не переехав свежееубиенного бандита.

Тут братки, видимо, опомнились, потому что по кузову, будто градины, застучали пули. Иван Иванович прострелил колеса «ауди» и умчался прочь по шоссе, прочь от города. Скорей всего, экипаж уже связался с местным аэропортом, и к самолету мчатся полицейские, медики, пожарные. Мезальянец усмехнулся — интересно, как выкрутятся бандиты из этой передраги.

Впрочем, нет, неинтересно. Сейчас предстояло вырваться на оперативный простор, исчезнуть с экранов радаров и найти способ связаться с Кассатикетсом.

Под мостом Александра Третьего, прямо в Сене, мылся бомж. Разделся догола — и бултых в воду. Вынырнул, намылился, потерся мочалкой, и снова — бултых. Несколько бомжей недоуменно наблюдали этот ночной стриптиз, но замечаний и шуточек не отвечивали: этот невзрачный бродяга показал себя жестоким уличным бойцом, и связываться с ним никто не хотел. И на пакет его никто не покушался — ну его, психа, за пару шмоток убьет. Видать, прибарахлился где-то, шмоток чистых набрал, решил жизнь сначала начать. Пробуй-пробуй, знаем, чем такие попытки оборачиваются.

Смыв с себя грязь и вонь, бомж вытряхнул из пакета кулек с футболкой, джинсами, носками и кедами. Все было немного поношенное, но чистое.

— Куколка! — сказал преобразившийся бомж самому себе на языке, незнакомом обитателям моста Александра Третьего.

А вот Александр Третий, занеси его судьба в конец двадцатого века под мост его имени, вполне бы понял, что сказал этот невзрачный человек с мокрыми волосами. Потому что говорил человек по-русски.

В маленьком отеле «Шико», на Монмартре, недавний бомж снял комнату на двоих. Отель был недорогой — без кабельного

телевидения, без бара, без завтрака, без электронных замков. Здесь было просто чисто и тихо.

Единственное окно, узкое и высокое, выходило на улицу, как раз на ярко-рубиновую неоновую вывеску с двумя непонятными окружностями, напоминавшими надкусанные яблоки, поставленные рядом. Хвостики яблок задорно торчали в разные стороны.

Не то бар, не то магазин. У входа стояли и курили крупные, вызывающе одетые не то продавщицы, не то официантки. Яблоки моргнули два раза и из красных превратились в зеленые. Судя по всему, там было еще открыто, и наш герой решил выпить на сон грядущий.

При ближайшем рассмотрении официантки-продавщицы оказались мужиками с огромными бюстами и выбритыми до синевы мордами. Окуклившийся бомж оторопел и, когда его окликнули по-французски, наобум ответил:

— Шерше ля фам, — и зажмурился, выставив перед собой ключ от своего номера с пластиковой биркой.

Но нахлобучки не получил. Один из странно одетых мужиков открыл дверь и позвал за собой.

Внутри все было похоже на советскую общагу коридорного типа — узкий, длинный, плохо освещенный коридор с казенными дверями, разве что темно-красная ковровая дорожка под ногами приглушала шаги. Мужик проводил гостя до предпоследней двери направо, постучал три раза, открыл и пригласил гостя внутрь, после чего закрыл дверь с той стороны.

Комната мало чем отличалась от гостиничного номера. Разве что здесь была огромная кровать, на краю которой сидел монах в пушистом белом халате, с капюшоном на голове.

— Ой. — Бывший бомж попытался выйти.

Дверь была заперта.

— Здравствуйте, — сказал монах по-русски. Судя по голосу, это была монашка. Молодая и красивая. — Мы уже думали, вы совсем пропали.

— Не дождетесь, — ответил бомж.

— Здесь, — женщина кивнула на большой бумажный конверт, лежащий на другом краю постели, — ваш гонорар. Пять миллионов долларов.

— Купюрами по сто тысяч?

— Конечно же нет. Здесь пластиковая карта. У вас в России не пользуются пластиковыми картами?

— Не все. Я не пользовался.

— Это просто, вы быстро научитесь. В конверте вы найдете адрес элитной клиники, специализирующейся на пластических операциях. Вам изменят лицо, прикус, если будет угодно — даже рост. Наше правительство берет оплату на себя.

— Вам операцию там же делали?

— Да, — серьезно ответила женщина. — Я была кривоногим лысым толстяком, вроде тех, что встретили вас снаружи...

— Извините, — смутился обладатель пяти миллионов. — Я пошутил.

— Я поняла, — кивнула собеседница и продолжила: — Наше правительство высоко оценило ваши услуги, и суммы вознаграждения вам хватит на безбедное существование до конца жизни — если вы грамотно им распорядитесь. Однако я уполномочена сделать вам предложение... Вы опять хотели пошутить?

— Э... нет.

— Сделать вам предложение работать на внешнюю разведку государства Израиль. Вы можете отказаться, и это решение будет принято с уважением и пониманием. Но мы надеемся, что специалист вашего уровня не захочет пребывать в бездействии. Надеемся, двух месяцев на обдумывание вам будет достаточно.

— Я подумаю, — сказал наш герой.

— Подумайте, — кивнула женщина.

— Вы все еще здесь? — спросила она через десять минут тишины.

— Простите?

— Можно идти.

— Уже можно?

— Да.

— Жаль.

Делать было нечего — пришлось уйти. Дверь неведомым образом вновь оказалась открытой, но экстравагантных охранников снаружи уже не было, да и неоновая вывеска погасла.

Бывший бомж, а теперь набоб, вернулся в свой маленький номер и долго разглядывал пластиковый прямоугольничек с магнитной полоской. Отчего-то радости он Мезальянцу не дарил. Внутри было пусто ровно на пять миллионов долларов.

2

Мне было безумно жалко себя и покинутых мною друзей. Сидя у иллюминатора и ожидая взлета, я думал: может, и впрямь было выходом — встряхнуть землю где надо и навсегда расстаться с обузой, которой меня наградили зловредные назгулы? И стали бы мы с братом отдельными, и летел бы он на все четыре стороны со своей мамашей, а я бы остался здесь, в Микронезии, где мне было так легко и просто.

Говорят, если хиппи и панку дать гранату с выдернутой чекой и показать толпу, хиппи испугается: «Там же люди!» — и выбросит гранату в другую сторону. А панк, наоборот, обрадуется: «Там же люди!» — и постарается попасть в самый центр толпы. По натуре я оказался хиппарем, и слишком гуманистом, вынужден признать. Дедушка с бабушкой постарались: учили прежде думать о других, а о себе — в последнюю очередь. Так и говорили: «Я — последняя буква алфавита». Но в том-то и дело, что сейчас вроде и наступила та самая последняя очередь, а о себе думать я так и не научился. Подумаешь, встряхнул бы старушку Землю, что ей, впервой, что ли? Ежедневно где-то трясет, жертвы, разрушения «и прочий ka!», как я прочел в одной толковой книжке про малолетнего бандита. Мне и нужно-то — немного еды и немного места, чтобы быть одному, большего мне не надо. Как в детской книжке про шпионов — ни жены, ни детей, ни настоящих друзей. Конечно, иметь жену и детей мне рановато, но что-то говорило о том, что их у меня никогда и не будет. Кто

в добром рассудке может выйти замуж сразу за двоих? А тут сразу свобода и перспективы появятся. Эх, ну почему так сложно самцев пополам еще при рождении делить? Я бы сейчас козлом прыгал даже на одной ноге.

Самолет поднялся в воздух. Сопровождающий нас жгучий красавец носил имя весьма чудное — Рудольф Кассатикетс (можно Рудик). Впрочем, к его вычурному внешнему виду оно вполне подходило. Он занял место рядом с нами и взял сразу с места в карьер:

— Молодые люди, хочу сразу прояснить позицию государства Израиль относительно древних артефактов.

Твою мать! Я так и знал — засада! Но почему Юся-то никакого подвоха не почувствовал?

— Не надо напрягаться, ничего вам не угрожает.

И он рассказал, что евреи с давних пор знают о существовании могучих древних артефактов, и многие из библейских персонажей обладали таковыми. Позиция Израиля была такова, что все евреи, обладающие вышеупомянутыми артефактами, берутся под защиту государства и по возможности эвакуируются на территорию Израиля.

— А если они не хотят?

— Тогда мы выкупаем у хозяев эти предметы. Или просим завещать в пользу государства. Поймите — свойства этих предметов не изучены и на один процент. Хотим мы этого или нет, а возможности, которые дают хозяевам артефакты, очень быстро разрушают психику и развращают душу. Человек не приспособлен к обладанию предметами, поэтому мы стараемся локализовать и изъять из оборота эти игрушки.

— А если найдется кто-то, кто захочет изъять эти игрушки у государства Израиль?

— А вы думаете, мы всю жизнь терпим притеснения за то, что у нас длинные носы и пейсы?

— Значит, правда, что евреи вопросом на вопрос отвечают?

Кассатикетс жизнерадостно рассмеялся.

— Точно, так и есть. Я хочу вас предупредить: мы возимся с вами до тех пор, пока вы никому не решили передать свои предметы. Как только вы решаете с ними расстаться — мы выкупаем их за любые деньги. В пределах разумного, конечно.

— Это сколько?

— Вы торгуетесь?

— Тьфу!

Если же мы отказываемся продать артефакты и собираемся передать их третьей стороне, то государство Израиль идет на все, чтобы обезопасить себя.

— Не надо нам угрожать, — посуровел я.

— Это не угроза, а пункт договора, который мы заключаем с каждым носителем предмета. Прошу ознакомиться и подписать.

— Мы не будем ничего подписывать.

— Тем хуже для всех нас. Я сейчас отправлюсь в кабину пилота, убью там всех и уроню самолет в океан. У меня четкая инструкция — подписание договора, доставка клиентов в целости и сохранности, а в случае отказа клиентов идти навстречу — сделать доступ к предмету посторонних максимально недоступным.

— А почему не убить, не изъять предмет силой?

— Тут немного путано, однако попытаюсь объяснить.

Прежде всего, убийство — это такое же насильственное действие, как и избиение, и прочие пытки. Вы слишком легко говорите слово «убийство». Это кажется, будто убивать легко. Даже на войне, где либо ты, либо тебя, убийство дается тяжело. А в мирное время нашими клиентами чаще всего оказываются вполне приличные люди, не злодеи и не враги. Даже бывший одноклассник может клиентом оказаться. Мало того что убийство — лишний стресс для агента, так еще и нарушает режим секретности.

С изъятием предметов против воли хозяина имеется небольшая закавыка. Иногда артефакт может понадобиться. К услугам этих штук прибегают крайне редко и крайне неохотно, но все же прибегают. Предмет не работает, если его забрать у хозяина силой. Поэтому проще всего — завербовать хозяина. Как правило,

за спокойствие люди охотно расплачиваются бездействием или минимальным действием. А многие вполне здраво полагают, что большие деньги имеют такую же суперсилу, как и древние железяки. По крайней мере те, кто недостаточно долго контактировал с предметом.

Что же, Рудик задал интересную этическую задачку. Может, это действительно проще — сбросить неподъемную ношу и получить взамен свободу и возможности, которые волшебные фиговины нам дать не могут? Ведь, судя по всему, не врал красавец, все как на духу выложил. И все же на один вопрос он напрямую ответа пока не дал.

— Но все-таки, господин Кассатикетс, ответьте честно: есть возможность, что кто-то отберет, украдет или обманом завладеет этими артефактами?

Кассатикетс подумал — и кивнул:

— Да, такое возможно. Предметы передаются в дар не конкретному человеку, а государству в целом. Человек, облеченный властью государственного масштаба, вполне может воспользоваться таким предметом.

Ну, этот хотя бы не лукавил, как Мезальянц. Хотя я-то как раз был неискренен: при любом раскладе отдать предметы я не мог. Неясно, все вместе они Юсю в ум привели или один какой-то. Проверять методом проб и ошибок не хотелось абсолютно.

Оставалось подчиниться грубой государственной силе. Глядишь, дотянем как-нибудь до старости, а там трава не расти. Я подписал документ, который состоял всего из одной странички, получил свой экземпляр, убедился, что эвакуатор не собирается убивать экипаж, и заснул.

Я проснулся от смутного беспокойства. Будто приснилось что-то или накануне мимолетная мысль в голове застряла, да так, недодуманная, и мечется в ячейках памяти. Я посмотрел на Юсю — он тоже проснулся. На соседнем ряду дрых наш красавец-эвакуатор, Далилы не было.

Мы с Юсей долго молчали, наконец, я не выдержал и сказал:

— Давай вместе.

И хором выпалили:

— Бабушка!

Даже противно — мыслим одинаково, заранее известно, кто о чем думает.

Вопрос у нас к Далиле был, может, и не самым главным, но все же. Поэтому, когда она вернулась на свое место, я сразу спросил:

— А почему бабушка не отдала мышонка вам?

— Тебе, — поправила Далила.

— Я еще не готов так коротко.

— Хорошо, — тяжело вздохнула она. — Мама никому не хотела отдавать амулет. Она считала его опасной и вредной для здоровья штукой и сама не пользовалась, по крайней мере на моей памяти. Скорей всего, она просто не успела от него избавиться, потому мышь вам и досталась.

— А вы сами? Неужели никогда не пытались поиграться?

— Я была патологически честной, мысль обмануть маму мне и в голову прийти не могла. К тому же амулет я увидела только лет в пятнадцать, когда искала какие-то документы на антресолях. Он лежал в шкатулке со всякой бижутерией. Мне эта мышь показалась забавной, и когда мама пришла домой, я спросила, не подарит ли она мне эту подвеску. Мама перепугалась сначала, а потом вынула мышь из шкатулки и говорит: смотри в мои глаза. И сжала предмет в ладони. Я смотрю — у мамы один глаз зеленый, а другой голубой сделались. Если честно, со стороны это страшновато выглядит, не знаю, что чувствуют люди, которые сами пользуются.

— Вы так говорите, будто это не волшебный артефакт, а дорогая игрушка в магазине, — хмыкнул я. — Вас разве не удивляли свойства мыши?

— А я до пятнадцати лет ничего о мыши и не знала. А как узнала, мама сразу все объяснила. У нее вообще так было заведено: с самого начала обо всем по-честному рассказать. Разумеется, я не очень верила, что эта штука может что-то вытворять...

— Может, — сказал я. — Я сам вытворял.

— Мы, — поправил Юся.

— Нашел чем гордиться. — Я постучал его пальцем по лбу. — Чуть город с землей не сравняли.

— Ну, я-то этого не знала. У нас в то время мировоззрение материалистическое было, — продолжила Далила. — Но фокус с изменением глаз меня очень впечатлил. С тех пор я о мыши и не заговаривала. А уж когда Самсон появился...

— Не надо о папе, — попросил я.

— Почему? — удивился Юся.

— Не надо — и все, — отрезал я. — Мы и так все о нем знаем.

— Но я хочу еще, — заупрямился Юся.

Иногда он просто ослом бывает...

— Не ссорьтесь, — сказала Далила. — В следующий раз расскажу.

— Только не при мне, — уточнил я.

— Так это... — стал возражать Юся.

— Не при мне, — отрезал я.

Вот, значит, как. Бабушка, получается, все это время тоже была под влиянием предмета. Пусть она им не пользовалась, но хотела найти способ, как от него избавиться, чтобы потом никто не смог завладеть артефактом. И таким образом, эта древняя фигня отравила ей всю жизнь. И хозяин становится в лучшем случае Горлумом, а в худшем — назгулом.

За этими невеселыми размышлениями мы добрались до Израиля. Кассатикетс доставил нас до самого порога большого частного дома, пожелал всего наилучшего — и скрылся, будто не бывало. Единственным свидетельством его существования остался контракт.

Далила открыла дверь. В прихожей нас встретили трое — долговязый некрасивый мужчина и глупо улыбающаяся лошадь о человеческих ногах детского размера в полосатых, как у Пеппи Длинныйчулок, гольфах.

— Привет, — сказала им Далила. — Это мои сыновья — Егор и Юра.

Признаться, в первые дни жизни на новом месте у меня возникло стойкое ощущение, что Далила не знает, что с нами делать. Будто к ней пришли люди из правительства, уговорили забрать родных сыновей, а что с ними — то есть нами — дальше делать, не сказали. Таким образом, мы оказались на положении не то животных, не то мебели, не то игровой приставки: нас все пытались накормить и почесать за ушком, поставить на самое видное место и узнать, что мы умеем. Почти как в компании кладоискателей, с той лишь разницей, что мне эта суета очень не нравилась.

Долговязого некрасивого мужчину звали Макс, он работал журналистом и по совместительству был мужем Далилы. В костюме лошади прятались их совместные дочери, Карина и Юлия. Значит, нам с Юсей они приходились единоутробными сестрами. Девчонки тоже получились близняшками, хорошо еще, что не сиамскими. Проблему представлял их возраст — тот же, что и у нашей боевой подруги и соседки Виксы. Правда, ростом они были выше и выглядели взрослее — на Ближнем Востоке, говорят, вообще все быстрее созревает, — но это, сами понимаете, не показатель. Не могу сказать, что мы друг другу сразу понравились, но домочадцы не были виноваты, что их слегка чокнутая супруга и мать умоталась куда-то на другой конец света и привезла чудище о двух головах, которое некогда сама и произвела на свет.

Постепенно и Макс, и девицы с нашим существованием смирились, и обстановка в доме перестала напоминать сектор Газа во время перемирия: неосторожное движение — и тут же начнутся боевые действия. Макс с Далилой сначала разговаривали подчеркнуто любезно, отчего эти беседы воспринимались как поединок на двуручных мечах. Девчонки, да и мы с Юсей старались в это время не отвечивать, а потом мне надоело, и я спросил у Макса:

— Если мы стесняем — вы скажите, мы обратно вернемся. Не особенно и рвались.

Макс покраснел, а потом сказал:

— Я и вижу, что не особенно. Рвались бы сильнее — по отдельности бы ходили.

Далила от возмущения даже задыхаться начала. Мы тоже немного оторопели — такого нам еще никто не говорил. Люди в нашем присутствии как-то тушевались, отворачивались, и даже капитаны никогда себе шуток относительно нашего уродства не позволяли. Или?..

— Это, типа, шутка такая? — уточнил я. — Вы намекаете, что ли?

— Никаких намеков, все напрямую сказано. А вы что, обиделись?

Самое странное, что ни капли. Макс видел во мне и Юсе двух подростков, которые случайно оказались в его доме, а не инвалидов, заикленных на недуге. А подростку иногда можно по мозгам настучать.

— А у вас нос как у еврея, — сказал Юся.

— Обрезанный, — добавил я.

У Макса нос и впрямь был коротковат для его вытянутой физиономии.

— Принимается, — сказал Макс. — Вы сыновья, достойные своей матери.

— Она тоже о двух головах? — удивился Юся.

— Она о трех языках, — покосился Макс на Далилу. — Русский, идиш и немецкий.

— Так идиш и есть немецкий, — сказал я. — Ну, по крайней мере я так слышал.

— Относится к германским, — поправил меня Макс. — Но, в общем, ты прав.

После этого напряжение в доме пошло на убыль, и даже ссора Макса с Далилой, какая-то давняя, внесшая раздор и разлад в их семью, стала забываться. Они даже в одной спальне ночевать стали. Но если Юся этому радовался, то меня это ни капли не волновало. Единственное, о чем я попросил брата, — чтобы не называл Макса «папой».

— Так он мне и так не папа, — ответил Юся.

— Ну, Далилу же ты мамой называешь...

— А разве она не мама?

Дурдом какой-то. Чувство юмора у него с каждым днем становилось все своеобразнее.

Юся вообще стал от меня отдаляться, если выражаться фигурально. Он в основном телевизор смотрел, на местном языке. Юся обижался, когда я просил сделать тише или вообще переключить: говорил, что это помогает ему учить язык. И никакие мои уговоры и жалобы, что я чувствую себя партизаном в кольце оккупантов, на него не действовали, так что оставалось уныло паяться в ящик, который я терпеть не мог. Получалось, что мыслящий брат, от которого никак не оторваться, — не такой уж подарок. С прежним Юсей я мог не церемониться. Дал разок по сусалам — и делай то, что считаешь нужным, и говори без оглядки на его мнение. А сейчас свои мысли и желания приходилось как-то смирять. Теперь не Юся был моим придатком, а совсем наоборот.

Правда, сосуществование с предметами научило меня сдерживаться. Я, как мы поселились в доме у Далилы, засунул мышь с барсуком подальше, слишком велико искушение было ими воспользоваться. Сначала меня изрядно лихорадило, так хотелось потрогать их металлические блестящие поверхности, но через недельку-другую я переломался и стал проявлять интерес к окружающему.

Спрятать артефакты следовало и еще по одной причине. Карина и Юля с каждым днем становились все общительнее и любопытнее, не дай бог отыщут артефакты... Может, конечно, они и не смогут воспользоваться этими штуками, но могут куда-нибудь унести, кому-нибудь подарить или у них отнимет кто-нибудь. В любом случае — ничего хорошего.

Юся эту мою идею вроде поддержал, но без энтузиазма. Он был где-то далеко, в эмпиреях, и все мои опасения насчет предметов его будто не касались. Вообще сложилось такое впечатление, что он скучал по своему растительному состоянию.

Из простого одиночества я попал в одиночество полное. Я не нужен был матери, не нужен брату; казалось, во мне нуждались только сами предметы.

Я очень скучал по острову. Вроде, чего проще — взять и написать электронное письмо Лэйле и Змею, извиниться за внезапный отъезд и попросить хоть иногда писать мне письма. Но мне казалось, что наше внезапное исчезновение должно было смертельно их обидеть. Я лишился матери, даже не осознав, что она у меня была, и до сих пор не могу, а главное — не хочу ее за это прощать. А сам еще хуже поступил — бросил всех, будто не сам втравил их в эту историю. А капитаны и Викса — как они там? Вернулись ли? Что с ними стало дома?

3

Расставались они все в слезах. То есть, конечно, внешне все было весело и без соплей, но тайком плакали даже мужчины. Лэйла взяла со всех троих твердое обещание найти электронную почту и связаться, как только они вернутся в Россию. Виксе, правда, она пообещала сама позвонить.

Лэйла собрала каждому большую сумку с подарками, поцеловала в лоб и обещала непременно навестить. С катером, правда, оказалось немного сложнее. На борт самолета такой большой груз не примут, да и лететь придется не одним рейсом, а тремя — больше суток в полете. Змей пообещал капитанам придумать, как доставить «Ярославец» к порту приписки или, на крайний случай, компенсировать стоимость старого корыта.

— Да окунись он в алебастр, этот «Ярославец», — махнул рукой Боря. — Скажем, что утопили в Бездне Челленджера, никто же проверять не будет. Вы, главное, к нам в гости приезжайте. Мы, конечно, не бог весть какие богатые, но культурную программу обеспечим — будь здоров.

— Ага, — криво усмехнулся Татарин. — Аттракцион «Понять бесконечность». Раз в сто лет во Владик приезжают Лэйла со Змеем и хлещут шарфиком по памятнику Ленину. Сотрут до основания, а затем...

— Не богохульствуй, — рассердился Боря. — На тебя Змей Горыныч плохое влияние оказал.

— Он на всех нас влияние оказал, — тяжело вздохнул Змей. А потом опомнился: — Э, при чем здесь я?

— Это такое чудовище, вроде дракона, — объяснила Вика, — только о трех головах.

— Сиа́мский дракон? — удивился Змей. — Никогда не слышал. Это что-то специфически русское?

— Вы, буржуи, много чего о нашем фольклоре не знаете, — похвастался Боря и тут же получил локтем под ребра.

Прощались они уже в здании аэропорта. До тех пор о предстоящем расставании никто даже не заговаривал. Последние две недели после убийства Сорри и исчезновения близнецов прошли в полуобморочном состоянии. Лэйла все плакала, Змей ковырялся в моторах, но у него все из рук валилось.

Капитаны, видя такое дело, спешно готовились к отплытию, но и у них ничего не получалось. Наконец, устав от чихания дизеля и чертыханья гостей, на пирс вышла суровая Лэйла и сказала:

— Отставить сопли, жизнь продолжается. Меняем двигатель, а старый пусть окупнется в алебастр.

И работа закипела. Даже Виксе нашлось занятие — крутить гайки и промывать в бензине детали. Очень скоро в гостиной зазвучали смех и шутки, и постепенно жизнь вошла в прежнее русло. Только о близнецах никто не говорил, будто их не было.

А потом пришла официальная бумага, что вопрос о возвращении на родину трех российских граждан, по вине стихийного бедствия оказавшихся в Тихом океане, решен. На Викасу и капитанов прибыли паспорта международного образца, и в течение недели любая авиакомпания обязана переправить их сначала на материк, а потом в Россию.

— Так вон, август скоро, почти все лето в заграничных гребнях обитали, — оправдывался не то перед хозяевами, не то перед собой Грузин.

Все уже сильно скучали по своим: и Грузин, и Татарин, про Викасу и говорить не стоило — каждый сеанс телефонных переговоров заканчивался ночными слезами.

А вот теперь, в аэропорту, оказалось, что и уезжать не хочется — настолько родным все стало, особенно Лэйла и Змей.

— Мы ведь еще увидимся, правда? — спросила Викаса, когда объявили регистрацию.

— Конечно, девочка, обязательно, — кивнула Лэйла. — Мы же теперь подруги.

— Я тебе каждый-прекаждый день буду писать, — затараторила Викаса. — Каждый-прекаждый! И английский весь выучу. И итальянский тоже!

Желая подтвердить свою готовность, Викаса на весь зал прокричала:

— Порка мисерия!

Итальянская группа, сдававшая багаж неподалеку, прислушалась.

Лэйла со Змеем покраснели и прикрыли Викасу от любопытных земляков.

— Весь не учи, — разрешила Лэйла. — Так, немного, чтобы поговорить можно было.

Впятером они дошли до паспортного контроля, и вот теперь настала пора прощаться окончательно. Уже пройдя таможенный досмотр, капитаны с Викасой встали кучкой и посмотрели на каких-то миглом осиротевших супругов Монтазио. У всех в горле застрял ком, и чтобы прогнать его и как-то разрядить обстановку, совершенно не договариваясь, и те, и другие крикнули: «Окунитесь в алебастр!» А потом Лэйла со Змеем поспешили уйти.

— Долгие проводы — лишние слезы, — сказал Боря, погладив Викасу по голове. — Идем, самолет ждать не будет.

Их ждал Гонконг.

Всю дорогу домой Лэйла задумчиво молчала. Змей знал, что не надо ее тормошить. Его жена сейчас находилась на подзарядке. Где-то там, внутри, Лэйла взвешивала все «за» и «против». «За»

было гораздо больше, Змей это знал, но такова уж Лэйла — она несколько раз перепроверяла то, на что давно решилась. И накручивала, накручивала, накручивала себя, чтобы взорваться отборной руганью и готовностью к свершениям.

— Змей, — задумчиво спросила она. — Ты все еще хочешь детей?

— Да, мэм.

— Не слышу.

— Так точно, мэм!

— Своих, собственных?

— Разумеется, мэм!

— Но ведь ты не будешь против, если мы возьмем еще и приемных?

— Да, мэм!

— Ты не боишься, что будет трудно?

Змей с сарказмом посмотрел на жену:

— Ты издеваешься? Когда нам было легко?

4

Богатство бывает разное (если рассуждать узко и говорить о богатстве только в значении материальной обеспеченности). Пять миллионов, наверное, мало для миллиардера, но много для безработного. Тут дело не в количестве, а в запросах. Богат не тот, у кого много, а тот, кому хватает. Недаром Шура Балаганов на вопрос, сколько ему нужно для полного счастья, назвал точную цифру: пять тысяч в год. Разумеется, для кого-то это копейки, но кому-то — тарелка супа, саечка и, может быть, изредка бутылка пива, не самого лучшего, но так, вечерок перед телеком скоротать.

Иван Иванович стал богат. Не неприлично богат, когда человек сорит направо и налево купюрами, покупает дорогие авто, в общем-то, совсем ему не нужные, и просаживает круглые суммы в казино, хотя сроду не верил в удачу. Нет, Мезальянцу деньги голову не вскружили.

Иван Иванович поменял лицо, прикус, документы и стал Робертом Миллером. С таким именем можно жить и в России,

и в Соединенных Штатах, и в Европе, и в Африке. Он даже избавился от папиллярных узоров на пальцах, хотя это, в общем-то, довольно болезненная и главное — бесполезная процедура, потому что спустя некоторое время узоры восстанавливаются. Но какое-то время его нельзя будет вычислить по отпечаткам.

Иван Иванович жил в номерах «люкс» пятизвездочных отелей с видом на море. Он не шиковал, но и ни в чем себе не отказывал. Иван Иванович брал уроки — изучал испанский, португальский, греческий, турецкий, иврит и идиш, греческий, французский, итальянский и арабский, словом — языки Средиземноморья.

Иван Иванович боксировал каждый день по паре часов и делал значительные для немолодого непрофессионала успехи. Иван Иванович нарастил мышцы и отпустил эспаньолку. Иван Иванович плавал с аквалангом и освоил серфинг. Он читал книги в оригиналах, смотрел фильмы и телепередачи на языке страны, в которой жил, каждое утро бегал вдоль набережной, не гнушался беседовать с обслуживающим персоналом и всегда давал щедрые чаевые. Он даже научился танцевать танго, сальсу и чачача не хуже инструктора.

Но пустоты, образовавшейся внутри, заполнить не мог. Пустота всасывала все, чем кормил ее Мезальянц, и выплевывала только тоску-печаль. На душе было холодно, гадко, поганое ощущение утекающего сквозь пальцы времени.

Он не привык к таким эмоциям.

Казалось бы, Иван Иванович сделал все. Разрушил планы Первого, сам вышел сухим из воды, обеспечил тылы... отчего же так хреново? Ведь не из-за того, что он увел у Первого из-под носа артефакты. Не из-за того, что надул Контору и подставил Свиридова. И убитого Сорри ему ни капли не было жалко (возможно, Иван Иванович и зря прихлопнул бедного рыбака, но угрызений совести на этот счет не испытывал и не собирался).

Только вкуса еды он не чувствовал с тех самых пор, как из Парижа кумом королю уехал в Ниццу. И сон стал прерывистый и тяжкий, будто домовой душит. Хотя к мозгоправу обращайтесь.

В конце концов Мезальянцу это надоело. Он решил отправиться в круиз, а если и это не поможет разобраться в себе — сдаться на милость мозаиковских психологов. Это не значило, что Мезальянц так жаждал вернуться к работе. Но что-то же делать надо!

И последний шанс оказался выигрышным. Он понял все, что требовалось для восстановления душевного спокойствия. Все дело оказалось в танцах.

Мезальянц не очень разбирался в музыке, поэтому на танцплощадку, где играли живые музыканты — какой-то джаз-банд, но они лабали и популярные танцевальные хиты в латиноамериканской обработке, — заглянул случайно. Да так и залип у бара, наблюдая за немолодой, но все еще эффектной женщиной, с которой танцевал пожилой господин в ярко-красном галстуке, из-за которого нельзя было понять, носит господин еще что-то или интенсивная окраска галстука заменяет еще и гардероб. Впрочем, как раз на галстук Иван Иванович внимания и не обращал, потому что женщина эта была ему хорошо знакома. Настолько хорошо, что едва плохо сделалось. Женщина тоже предпочла сегодня ярко-красный колорит, на один тон спокойнее, чем галстук ее партнера, но тоже вызывающий. Однако, несмотря на яркость, красный очень шел женщине, и даже молодил ее. Сторонний наблюдатель решил бы, что она испанка. Или каталонка. Но Ивана Ивановича провести было трудно. В конкретном случае — вообще невозможно.

В голове щелкнул тумблер, и тускло освещенный внутренний мир Мезальянца превратился в залитый ослепительным белым светом коридор, ведущий к единственной и неповторимой цели, которую Иван Иванович отчего-то до сих пор не замечал.

Танец закончился, пожилой кавалер, облобызав ручку партнерше, удалился за свой столик. Мезальянц тоже удалился, но уже через несколько минут вернулся: слегка освежившийся, в очках, без диоптрий, но со слегка тонированными линзами.

Очень кстати банда наяривала танго. Мезальянц, не снижая скорости, подошел к знакомке, щелкнул каблуками и пригласил на танец. Дама легко, будто и не танцевала только что, согласилась.

Что же, на что-то и уроки бальных танцев сгодились. Мезальянц повел. Танго — это страстный танец, и тут одной техники мало, здесь требуется чувство. Мезальянц этим чувством просто кипел, в него словно бес вселился: все получалось, и движения были точны и завершены. Прекрасная незнакомка тоже прекрасно чувствовала себя в танце, и не скажешь, что она уже два месяца как отправилась в мир иной и должна сейчас покоиться на одинцовском кладбище.

— Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд, — представился Иван Иванович.

— Мария. Просто Мария, — ответила она в такт музыке, чтобы не сбивать дыхание.

— Очень приятно, просто Мария. Хотя мне казалось, что вам подошло бы другое имя. Например, Барбара.

Нервы у женщины оказались стальными. Она следовала за «Бондом», то тесно прижимаясь, то отстраняясь на расстояние вытянутой руки, и ни разу не сбилась. Что ж, тем интереснее.

— Интересный вы круиз выбрали, — продолжил светскую беседу Мезальянц. Он явно был сегодня в ударе — дыхание не сбивалось, тело двигалось автоматически, оставляя голове думать не о танце, а о деле.

— По-моему, это один из кучи возможных маршрутов, — парировала просто Мария. — Я выбирала тот, где больше всего охвачено стран.

— Я тоже. Хочу слегка встряхнуть Старый Свет.

И Мезальянц посмотрел на просто Марию поверх очков.

Если этот взгляд и встревожил ее, то виду она не подала.

— Вы полагаете, что встряска пойдет ему на пользу? — уточнила женщина. — Между прочим, вибрации очень вредны. Для всех. Особенно для тех, кто работает на вибрационных установках. Вы не из таких?

— Изредка встряска бывает очень даже полезна. — «Бонд» буквально опрокинул партнершу, но у самого пола удержал и бережно поднял на ноги.

Зрители — да и музыканты тоже — громко зааплодировали.

— Вы очаровательны. — «Бонд» прикоснулся губами к руке Марии.

— Благодарю, вы очень хорошо танцуете, — ответила она.

— Могу ли я предложить вам бокал шампанского, чтобы продолжить наше знакомство?

— Что-то мне подсказывает, что отрицательный ответ вас не устроит. — Мария позволила взять себя под локоть и увести к дальнему столику.

Банда музыкантов, видимо, слегка устала, поэтому наигрывала тихую простую мелодию, никто уже не танцевал, и скоро все позабыли о яркой паре, так круто отжигавшей несколько минут назад. Никто бы не подумал, что прямо сейчас между танцорами происходит жесткая схватка, прямо за столом.

— Вы сильно изменились, Иван Иванович.

— Иван Иванович умер. Меня зовут Роберт.

— Красивое имя. Что с вашей мимикой, Роберт? Она какая-то омертвевшая.

— Зато вы чрезвычайно живая. Впрочем, я даже рад этому. Ловко вы меня надурили с вашими поддельными фигурками. Если бы я не оказался в квартире вашего внучатого племянника — долго бы разбирался, почему они не работают.

— И это все, что вы хотели мне сказать? Как мелко. К тому же Роберта я не обманывала. А Иван Иванович умер, если верить вам на слово. Мертвые сраму не имут.

— От вас я ровным счетом ничего не хочу. Как вы, наверное, заметили, — Мезальянц снова посмотрел поверх очков, — я добился своего. Между прочим, для покойницы вы очень хорошо выглядите. Особенно для той, что перед смертью долго болела...

— Не расточайте комплименты, мы договорились перейти к делу.

— Но все-таки, в чем секрет? Хоронили не вас?

— Обижаете, все было по-честному. Меня внуки откопали. Разве Егор ничего не...

— Он не успел.

Так, кажется, оборона железной бабушки пробита. Барбара Теодоровна тревожно взглянула на Мезальянца.

— Я тут совершенно ни при чем, это был несчастный случай. На самом деле я сотрудничал с Моссадом, и ваша племянница должна была забрать Егора с острова.

Заглотила. Лицо Барбары Теодоровны было по-прежнему непроницаемым, но Иван Иванович уже знал — она поверила.

— Чего вы от меня хотите? Чтобы я вернула деньги?

— Ни боже мой. Я хочу, чтобы вы бежали прочь. Я встряхну Старый Свет вовсе не фигурально.

Барбара Теодоровна слушала, потягивая вино из бокала, время от времени глядела за окно, на сгущающиеся сумерки и залистую электричеством палубу. Ей как будто было неинтересно, но Мезальянец и не ожидал бурной реакции.

— Так что, в конце концов, партия за мной, — закончил Иван Иванович. — У вас есть неделя, чтобы покинуть Средиземноморье.

— Вы с ума сошли. Вы же должны понимать, что сами пострадаете.

— Как ваш папенька? Отнюдь. Я найду место, где будет трясти меньше.

— Вы урод. У вас ничего не получится. Вы сами себя погубите. Но это не страшно, это ерунда. Люди-то здесь при чем?

— Странная у вас логика, милая Барбара Теодоровна. Одного человека вам не жаль, а многих — жаль. Как-то это непоследовательно.

— Позвольте, я кое-что вам объясню. Мой внук прекрасно справлялся с действием артефактов. Один лишь раз столкнувшись с их мощью, он сумел остановить стихию и никогда уже не позволял талисманам взять над собой верх. Я не знаю, как вам удалось завладеть предметами... Но они вас разрушат раньше, чем вы...

Не задался у нас разговор, подумал Мезальянец. Упрямая баба с железными нервами.

— ...и умрете страшной смертью, — закончила Барбара Теодоровна.

— Кому, как не вам, знать, что иногда покойники оживают? К тому же я купил у вас предметы в честном торгу, вы помните? Как можете судить меня вы, бессовестно меня обокравшая?

— Я хотела, чтобы вы прекратили поиски. Деньги я верну вам хоть сейчас.

— Старая дура, не нужны мне твои деньги, — почти ласково сказал Мезальянц. — Эти предметы не для соплежувов вроде тебя и твоего полудиотичного внука. Лопата — чтобы копать, пистолет — чтобы убивать, и всякий предмет имеет свое назначение и должен работать. И он будет работать. Хотя бы потому, что я не зря свою рабо...

Он едва не захлебнулся вином, которое плеснула ему в лицо Барбара. Но хуже всего... хуже всего было то, что вино попало под очки. Мезальянц грязно выругался, стряхнул очки на пол и начал яростно тереть глаза.

— Каким бы вы ни чувствовали себя великим и могущественным, — услышал он, — вы навсегда останетесь жалким мелким засранцем. Деньги за вино на столе, сдачу оставьте себе.

Мезальянц слышал шум зала, стук каблуков, а сам только и думал: заметила эта стерва или нет? Видимо, не заметила, и то хорошо.

Он почти на ощупь вернулся в свою каюту и вынул из глаз контактные линзы — голубую и зеленую. Дрожите, любезная Барбара Теодоровна, дрожите, ожидайте землетрясения. Напугайтесь сама, напугайте всех, кого посчитаете нужным.

Вот то единственное, что так угнетало Ивана Ивановича, — он так и не успел справиться с уродом. На самом деле можно было грохнуть и Кругловых тоже, но Ивану Ивановичу хотелось раздать этого сноба и чистоплюя морально, сделать так, чтобы Егор добровольно расстался со своими цацками. Противно было, что Егор чувствовал себя сильнее Мезальянца, но еще противнее — что сам Мезальянц чувствовал свою ничтожность перед уродом.

А должно быть наоборот.

Вот она, цель. Какой дурак Мезальянц был, не стоило так быстро выходить из игры. Вернее, он так думал и других убедил, что вышел. А на самом деле просто взял тайм-аут. А вот теперь снова выходит на ринг, и теперь-то он победит.

Едва ли не каждую неделю Иван Иванович менял дислокацию. То он в Барселоне, то в Венеции, то в Египте, то в Италии. Корсика, Крит, Мальорка. Только сейчас Мезальянц понял, почему никуда не уезжал из Средиземноморья. Не из-за климата или роскошных курортов, нет! Он, словно акула, кружил вокруг близнецов. Его интересовала Хайфа, старинный город на берегу Средиземного моря. Разумеется, близнецы могли быть в любом другом месте, но они были немного евреями, и мать их, как говорил Егор, жила в Хайфе... Иван Иванович решил, что поиски надо начинать именно там.

Глупости, Мезальянцу вовсе не нужна жизнь близнецов. Все просто, как у Пушкина: увидеть страх в глазах того, кто смотрел на тебя свысока, и потом уйти. Егор ничего не боялся по той причине, что ему и терять было нечего: брат-идиот да собственная никчемная жизнь.

В этом было нечто странное: ведь и Мезальянцу тоже нечего было терять, однако Егор не боялся Ивана Ивановича, а Мезальянц испытывал какую-то непонятную растерянность перед близнецами. Нет, он не боялся, что Круглов будет использовать предметы, — он слишком чистоплюй. Смущала как раз эта сила — упираться воздействию предмета.

Но он найдет способ добраться до близнецов. На этот раз он не только сломит их упрямство и не только напугает, но и забрет то, что по праву принадлежит ему.

5

Ехать было не то чтобы далеко, но утомительно. Таксист на желтой «Победе» легко распознал в пассажирке русскоговорящую.

— Вам в Дэнию надо! — обрадовался он, услышав адрес. — Я вас довезу. Вы не смотрите, что моя ласточка такая старая, она любой «шевролет» делает на ровной дороге.

Барбара Теодоровна закатила глаза, но отказываться от услуг не стала. Город вроде небольшой, как-нибудь дотерпит.

Машина и впрямь ехала весьма быстро, хотя и не чрезмерно. Водитель — в ермолке и с пейсами, как настоящий еврей, — ехал и рассуждал о жадности и глупости.

— Вы спросите меня: Семен Семенович, кем вы работали в Союзе? Нет, вы спросите!

— Кем вы работали в Союзе, Семен Семенович? — обреченно спросила Барбара Теодоровна.

— А я вам отвечу: в Союзе я был уважаемым человеком. Семен Семенович Вайберхельд в Союзе вообще и в Ялте в частности, даже в самой Дубровке был в почете, и его на все свадьбы звали в качестве дорогого гостя. Склад радиотоваров — это вам не федеральный банк, это серьезное учреждение, абы кого им руководить не поставят!

— Я думала, вы из Одессы.

— Вы таки думаете, что Одесса — это такой советский Ершалаим и в нем окопались и держат оборону все иудеи? Я вас умоляю, не смешите мою ласточку, она на гарантии, но от нервного смеха у нее кипит карбюратор. Что Одесса — в Ялте нашего брата не меньше, но складом радиотоваров поставили управлять не брата, а Семена Семеновича Вайберхельда. Но нет, Семен Семенович решил, что с его талантами в Союзе не развернуться, и махнул на историческую родину, как только разрешили. И все для чего? Чтобы я, шлемазл, решил, будто смогу стать уважаемым человеком и управляющим радиотоваров здесь, в Хайфе? У моей ласточки от этого задний мост стучит, и уверяю вас, она таки права. Мне здесь не доверяют даже складом автозапчастей заведовать, у них здесь нет дефицита автозапчастей, темный народ! Здесь даже на мою «Победу» нашлись запчасти!

Была жара. Жара плыла над мостовой, над плоскими крышами, над автомобилями, пешеходами, велосипедистами и изнемогающими

от зноя посетителями многочисленных кафе. В такси благодаря кондиционеру было прохладно, почти холодно, но Барбара Теодоровна все равно страдала: слишком словоохотливый таксист ей достался.

— Спрашивается: где была моя голова? Она выходной брала? Или она полагала, что в Израиле баранку крутят гои, а наш брат исключительно в театрах, кино и складах радиотоваров? Я даже Тору здесь на русском читаю, и это, скажу вам, истинный позор.

— Скажите, у вас брата в Москве нет? — спросила Барбара возницу.

Он обиделся и замолчал.

Жизнь выкидывает временами странные фортели. Достаточно одной встречи с неприветливым и даже хамоватым подростком, чтобы растаять буквально до разжижения мозга. Конечно, подросток выкопал ее из-под земли. Конечно, он ей почти внук. Но ведь этого не должно быть достаточно, чтобы, потеряв всякую осторожность, срываться с места, брать билет на самолет и лететь к племяннице, которой Барбара Теодоровна не видела с того самого времени, как она впервые вышла замуж. Можно было просто позвонить, но Барбара Теодоровна решила приехать лично. Давно пора.

— Приехали, — сказал Семен Семенович.

Барбара Теодоровна расплатилась и поблагодарила таксиста, а также извинилась за грубость, которую позволила себе по дороге. Конечно, таксист понимал, что клиент неискренен, но лучше уж неискренняя вежливость, чем искреннее хамство. «Ласточка» Семена Семеновича весело фыркнула, отсалютовала сизым дымком выхлопа и растаяла в горячем воздухе, как сахар в чае.

Солнце висело в самом зените, прятаться от него было некуда. Огромный жилой дом, в котором жила семья Далилы, не давал тени, он напоминал огромную печь, войти в которую означало верную смерть. Но Барбара смело пошла в топку, она знала, что внутри.

Дверь открылась. На этот раз на уровне глаз оказалась надпись «Vodka. Connecting people». Что он, рисует их, что ли? Как на заборе, честное слово!

— Здравствуйте, — сказала она по-русски. — Далила, надеюсь, дома?

— А вы... — хотел что-то спросить баскетболист, но, разглядев лицо гостьи, тут же распахнул дверь шире: — Вы же Барбара! Проходите, прошу вас.

Он выхватил у нее из рук чемодан и сумку и с громкими криками «Лиля, тетя Барбара приехала, Лиля!» ускакал вглубь дома.

Наконец-то прохлада. Нет, определенно, надо искать место обитания с умеренным климатом, больше на жару не хочется. Барбара закрыла дверь, разулась по старой привычке у двери и пошла на голос зятя (а кем еще мог быть этот мужчина?). Ладно хоть «тетя» закричал, а мог бы и «бабушка».

— Бабушка? — услышала она голос за спиной.

Не веря своим ушам, она обернулась. Из гостиной вышли близнецы и смотрели на нее во все глаза.

— Вы живы? — спросила она.

Близнецы переглянулись.

— В смысле? — спросил тот, другой, который был идиотом.

— Барбара! — выбежала в прихожую Далила. — Барбара!

Они обнялись, но Барбара Теодоровна продолжала косить на близнецов, особенно на правого.

— Барбара, я так рада! — едва не пицала племянница. — Ты такая молодец, что приехала!

— Они... — сказала Барбара, отстраняясь от объятий. — Они давно у тебя?

— Скоро два месяца как. Ты не поверишь, откуда я их забрала! Постой... вы знакомы? Ах да, Юра рассказывал...

— Юра? Вот этот, правый?

— Между прочим, мы не только разговаривать умеем, но еще и слышим, что о нас говорят, — грубо вклинился в разговор левый, Егор.

— Вот что, Даля, — сказала Барбара племяннице, — мне срочно нужно поговорить с этими молодыми чемоданами. Ты нас простишь?

— Что-то случилось?

— Нет. Пока нет.

Они поднялись в комнату близнецов.

— Мезальянц вас не убил? — спросила Барбара.

— Нет, — сказал Юра.

— С чего баня-то пала? — возмутился Егор. — Вы вечно сваливаетесь, как снег на голову, и начинаете нести всякую чушь.

— Я тебя в чем-то обманула? — Барбара приподняла бровь.

Егор стушевался. Барбара Теодоровна продолжила:

— Несколько дней назад я встретила Мезальянца.

— Мезальянца? Где? Его ведь должны были задержать в аэропорту, за убийство и кражу.

— Ничего об этом не знаю. Но он рассказал, что забрал у вас предметы, и...

Тут Барбару Теодоровну «накрыло»: она нашла простое и ужасное объяснение того, что произошло с ней на круизном лайнере. Ее банально обвели вокруг пальца.

— Ох, — только и выдохнула она. — Егор, кажется, я очень сильно вас подвела.

Она рассказала о танце, о голубом и зеленом глазах Мезальянца, которые и ввели ее в заблуждение, о том, что рассказал ей этот подонок, и как она ни с того ни с сего решила, что Егор убит, а его предметы достались Мезальянцу. И о том, как решила сообщить об их смерти племяннице.

— Он же наверняка проследил за мной, — закончила она. — Он теперь знает, где вы живете.

— Нет, не знает, — сказал Юра после недолгого молчания.

— Что? — посмотрела на него Барбара.

— У Юси интуиция обостренная, — нехотя ответил Егор. — Из-за предметов. Он чувствует правильность и неправильность суждений.

— Он не следил за мной?

— Нет, следил. По крайней мере сначала. А потом почему-то отстал.

— Почему?

— Не знаю. Может, помешали. А может — встретил кого.
В дверь постучали.
— Не заперто, — сказал Егор.
Вошла Далила.
— Барбара, все в порядке?
Барбара посмотрела на Юру. Тот кивнул.
— Вроде да, — вздохнула Барбара. — У вас есть алкоголь?

6

Они торчали здесь уже двенадцать часов, хотя должны были, сразу по прилету из Микронезии, пересесть на самолет до Москвы. Однако из-за погодных условий вылет в Москву из Гонконга откладывали уже несколько раз, а когда наконец распогодилось и пассажиры прошли на посадку, обнаружились неполадки в двигателе самолета и вылет опять отложили.

Боря зевал и потягивался так страшно и шумно, что дети вокруг начинали кукситься и громко реветь. Глеб несколько раз делал Грузину замечания, на которые Боря уныло огрызался. Виксе это вскоре надоело, и она убежала погулять.

Несмотря на обилие всевозможного народа, собранного в Гонконгском международном аэропорту, будто со всего земного шара, здесь было нешумно. Именно поэтому, замерев перед электронным табло, Вика отчетливо услышала русскую речь.

Разговор шел на слегка повышенных тонах — между собой спорила супружеская пара.

— Мы здесь застряли, — жаловалась женщина в красивом белом спортивном костюме, опиравшаяся на красный чемодан на колесиках.

— И че-на? — Мужчина был весь джинсовый. Рядом с ним стояли три большие сумки.

— Ничена, — передразнила женщина. — У меня парикмахерская в понедельник, а у тебя стрелка в Химках, забыл?

— Достала-на. — Мужчина достал сигарету, засунул в рот, увидел надпись «No smoking», буркнул «козлы-на» и сунул сигарету

за ухо. При этом на пол упала другая сигарета, та, которая уже была за ухом.

— Да брось ты свои соски сосать, меня послушай, — зашипела женщина. — Смотри: скоро рейс в Стамбул. Летим сейчас до Турции, там пересаживаемся на московский — и мы в домике.

— Мы-на контроль-на не пройдем-на.

— Ты дурак, да-на? Мы в транзитной зоне будем, просто с самолета на самолет пересядем. Куда ты смотришь?!

Дяденька смотрел на Виксу.

— Эта девка-на на нас пялится-на, — сказал он негромко.

— Которая?

— Вот эта-на, — дяденька невоспитанно ткнул пальцем в девочку.

— Она нерусская, она не знает, что на людей смотреть нехорошо. Все, хватай сумки, идем брать транзитный билет.

Парочка удалилась. А Вика посмотрела на табло и поскакала к своим морским волкам.

Морские волки уже сами бегали по всему аэропорту в поисках морской волчицы. Вика уткнулась лицом в необъятное брюхо Грузина.

— Ты где шлендаешь? — спросил Боря. — Здесь тебе не Понпеи, мигом в рабство продадут.

— А тут разве рабство?

— Да везде рабство, где дети без взрослых бегают. Поймают, отвезут на крокодиловую ферму и заставят навоз за крокодилами убирать. А если плохо работать будешь — скормят по кусочкам.

Их догнал Глеб.

— Что, нашлись? Может, связать ее и в чемодан положить?

— Точно! А сами пойдем в бар, пропустим по стаканчику.

— Нет, в бар мы не пойдем, — резче, чем дозволяется ребенку, сказала Вика Боре. — Во-первых, здесь дорого.

— Откуда ты знаешь? — возмутился Грузин.

— А я хотела мороженого купить, а там такие цены...

— А во-вторых? — спросил Глеб, которому в бар хотелось, но денег, выданных щедрыми Монтазио, было жалко.

— А во-вторых, через два часа самолет в Турцию.

— И что?

— Мы долетим до Стамбула, там пересядем на самолет до Москвы. А здесь мы можем еще сутки просидеть.

— Еще сутки? — Грузин встал как вкопанный, оглянулся по сторонам, кого бы обхамить, но подходящих по масштабу кандидатур, видимо, не нашел, и решил послать всех чохом: — Да окунитесь вы все в алебастр!

— Это неспроста мы тут застряли, — сказала Викса.

Глебу эти фаталистические мысли не нравились.

— Милая, мы дождемся самолета здесь, — сказал он. — И не надо в кофе лить какао.

— Я и не лью, — обиделась Викса.

— Это образное выражение.

— А мне кажется, Викуся права, — сказал Боря. — Чего нам тут делать? А так хоть Турцию посмотрим.

— Это деньги.

— Да мы в аэропорту больше проедем, смотри, какие цены. Вот везде — и на железке, и в аэропортах — цены запредельные. Я думал, такое только у нас, а оказывается — везде. Хватит ныть, пошли билеты покупать.

Боря с Глебом какое-то время препирались, советовали друг другу окунуться в алебастр, но, едва объявили, что регистрация на рейс до Стамбула заканчивается, быстро побежали за билетами.

Оказывается, до Стамбула летели в основном русские. Все решили, что чем ждать неизвестно сколько в Гонконге, можно сделать крюк, в Турции быстро пересесть на самолет до Москвы — к тому времени, может, все проблемы рассосутся.

— С землячками полетим, — повеселел Боря. — Давно родной речи не слышал.

— Ага, — Глеб кисло улыбнулся, — мы-то с Викторией не русские ни разу, по-турецки говорим.

— Окунись в алебастр, — ласково шепнул Грузин.

Уже через полчаса он радостно щебетал с теткой, которую Вика видела у табло.

— А чем плохо? — говорил Боря. — Неприятности надо воспринимать как приключения, об этом еще Честертон писал. Не торчать же в баре все это время!

Глеб махнул рукой. Он начинал подозревать, что Вика была права в своем фатализме.

7

Очень забавно идти по улице, смотреть под ноги и видеть то, что происходит под землей. Вот водопроводные трубы, словно змеи, переплелись на перекрестке, вот телефонный кабель, вот чей-то труп в бетонном блоке, лежащем в основании жилого дома. Можно смотреть на метр вглубь, можно — на километр, и все равно очень хорошо видно.

Мезальянц чувствовал себя школьником, нашедшим щелку в женскую баню. Некогда, еще в Афгане, он пробовал опий. И сейчас Иван Иванович понимал, что опий — это аскорбинки для детей. От чувства силы даже слегка подташнивало, как на карусели после сытного обеда. Как можно иметь такую вещь и не пользоваться? Они не чистоплюи, эти Кругловы, они идиоты, оба!

Это золотой век геологоразведки! Это археология без раскопок! Да мало ли этим штукам можно найти сфер применения? Понятно, зачем Первому понадобились именно эти штуковины. Имея на руках такой козырь, можно контролировать все полезные ископаемые в стране и в мире. Надо будет попробовать. Но не сейчас. Сейчас надо положить предмет в карман, разжать пальцы и немного глубоко подышать.

Сила предметов не преувеличена. Отказаться от использования почти невозможно, хочется еще немного, еще чуть-чуть; это попробовать, и то испытать, а будет ли работать в таких условиях, а не перестанет ли в этих? Иван Иванович еле-еле заставил себя отпустить барсука. Мир вокруг тут же утратил яркость, контрастность и цвет, но зато вернулась способность мыслить критически.

Понятно теперь, по какой причине Круглов всячески отказывался использовать предметы. Если одна такая штука напрочь лишает разума, на что способны две? А три? Выдержать такое давление может только очень сильная личность, неудивительно, что близнецы в конце концов сдались. Возможно, Мезальянц тоже откажется от этих крошек. Но не ранее, чем вдоволь наиграется.

Артефакты достались Мезальянцу до обидного легко, Иван Иванович подозревал, что его опять обманывают, но нет — на этот раз сделка оказалась честной. Юра Круглов оказался весьма умным и честным мальчиком, не то что его придурочный брат.

Сначала, конечно, казалось, что будет очень сложно. Иван Иванович не стал покидать лайнер вслед за Барбарой. Он рассчитывал, что в Хайфе, которая была всего-то в два раза крупнее, чем уральские Понпеи, он сумеет найти Кругловых и их мать. Сложнее будет не попадаться в поле зрения Моссада. Они наверняка пасут близнецов и засекут любое подозрительное движение вокруг дома. Придется брать Кругловых в оборот в каком-нибудь другом месте либо весьма серьезно маскироваться.

Маскировка под бомжа отпадала сразу: район был престижный, вряд ли там есть бомжи. Хотя в Париже он бомжевал в достаточно респектабельном районе, на этот раз Мезальянц решил действовать менее радикально.

Он позвонил в администрацию Университета Хайфы, представился и спросил, может ли он сделать для университета пожертвование — десять тысяч долларов? Ивана Ивановича тут же вылизали с ног до головы прямо через телефон, спросили, когда именно ему удобно посетить университет, и объяснили, как проще добраться до кампуса.

Мезальянц приехал за полчаса до назначенной встречи, чтобы провести рекогносцировку. Но, едва выйдя из салона, понял, что ему не потребуется ни рекогносцировка, ни спонсорство, ни вообще какие-то поиски. Потому что его нашли первым. На тротуаре, ведущем в кампус, чья-то, явно детская, рука написала розовым мелом: «БАРСУК + МЫШ = МИЗАЛЯНС».

Иван Иванович встал как вкопанный. Это не могло быть случайностью: русские слова, хоть и с ошибками, были посланием ему, Мезальянцу. Рядом с надписью, чуть поодаль, но тем же розовым мелом, записан номер телефона.

Мезальянц запомнил цифры и вечером несколько раз пытался дозвониться из гостиницы, но вызов всякий раз отклонялся. Решив, что это подстава, Иван Иванович, не собираясь, вышел из номера и побежал к пожарному выходу, чтобы не спускаться в лифте, как у него запищал мобильный. Это было короткое сообщение: «ne zvonite mne lutshe pishite». И тут же следующее: «eto yura».

Юра? Какой Юра?

Так он и написал в ответ: «какој?» Ответ пришел незамедлительно: «kruglov».

Мезальянц не сразу сообразил, что Юрой звали второго близнеца, который так быстро из овоща сделался едва ли не умней брата. Мальчик с суперинтуицией, которая заменяет знания. Что легко проверить.

«na kakom ja sejchas etage?»

«6»

Вот засранец!

«vot zasranec»

Иван Иванович рассмеялся и пошел обратно в номер. Слава богу, что не надо никуда срываться, сейчас бы это было весьма некстати.

Они переписывались всю ночь. Из разговора с Юрой Иван Иванович понял, что близнец готов подарить барсука и мышь. Безо всяких условий, только бы избавиться от артефактов.

«ja ih bojus»

Операцию он придумал идеальную, хотя и немного путаную. Юра давно уже играет с сестрами — у него, оказывается, и сестры есть — в «двенадцать записок». Кто первый находит все двенадцать подсказок, которые Юра с помощью матери или ее мужа оставляет в условленных местах, тот и получает приз. Эту игру Юра затеял, чтобы сблизиться с новыми родственниками и одновременно — чтобы не вызывать подозрения у Егора.

Одну из сестер Юра отправлял каждый день в университет писать сообщение мелом на асфальте.

Мезальянцу предстояло сделать самое простое: сидеть на скамеечке в кампусе. К нему по очереди в течение часа подойдут две девочки. Одна принесет барсука в полиэтиленовом кулечке. Ей Мезальянц должен отдать фальшивую мышь.

«u vas ved' ostalis' fal'shivye predmety?»

У Мезальянца фальшивые предметы остались, он всюду таскал их с собой, и вот — пригодились. Девочка, которая принесет мышонка, должна унести с собой фальшивого барсука.

Мезальянц спросил, как Юра собирается потом объясняться с Егором.

«eto moja problema»

Ну, твоя так твоя. В конце концов, у Юры был еще и петух, выкрутится как-нибудь.

Юра посоветовал не пользоваться предметами одновременно, ибо вместе они вызывают подземные толчки, которыми нельзя научиться управлять сразу, необходимо тренироваться на равнинной местности, желательно — вдали от людей. Нельзя пользоваться предметами долго — опасно для здоровья. Даже пользуясь артефактом, лучше время от времени прерывать контакт, чтобы убедиться, что вы контролируете ситуацию.

С этими инструкциями Иван Иванович и пошел на операцию. И прошла она настолько гладко, что Мезальянц опять заподозрил неладное. Лишь ощутив в ладони легкую вибрацию барсука и убедившись в том, что предмет действует, он поверил — получилось!

Теперь предстояло решить, что делать со свалившимся так внезапно призом. Еще недавно Мезальянцу казалось, что обладание артефактами само по себе наведет его на мысль, как их применить. Но в голове победителя не было ни одной подходящей мысли.

8

Запись с автоответчика Свиридов прогнал несколько раз, пытаясь понять — серьезно говорит Мезальянц или в бегах тронулся

рассудком. Но даже если Иван не врал и не бредил, делать доклад Первому означало потерять место, звание, а может, и жизнь.

— Это Мезальянц, — сообщал автоответчик. — Зверинец у меня на руках. Более того — я сам его владелец. И хочу сделать тебе, мой друг, предложение, от которого невозможно отказаться. Ты убережешь Первого. Ты знаешь, насколько он опасен, а если добьется своего — станет еще и неуязвим. Убери его, позволь событиям развиваться самим по себе, без его вмешательства. Так будет лучше для всех. Но если ты этого не сделаешь, я устрою встряску. Пока точно не знаю, где именно, но встряска будет основательной. Чтобы ты понял, что я — событие случится в ночь на семнадцатое. Конечно, я мог бы сказать, что сегодняшнее затмение во Франции — моих рук дело, но ты не поверишь. Я жду пять дней. Потом буду устраивать землетрясения раз в пять дней, все ближе и ближе к границе, пока ты не сделаешь, о чем я попросил. Я буду идти до самой Москвы, мало никому не покажется.

Все, конец записи.

И на что он рассчитывает? Что Свиридов возьмет ледоруб и, как Рамон Меркадер Троцкому, раскроит Первому череп? Определенно, Мезальянц перестал адекватно оценивать ситуацию, иначе бы не звонил и не оставлял дурацких сообщений.

А если он всерьез?

9

Барбара пробыла у нас еще три дня, а потом уехала.

С одной стороны, я был рад ее визиту. Хотя бы потому, что она подтвердила мою уверенность в том, что Далила к нам с Юсей не питает сильных чувств. Таких бурных проявлений радости и любви я никогда не видел. Нам Далила так не радовалась.

Метаморфоза Юси весьма удивила нашу двоюродную бабушку. Она постоянно смотрела на него, будто пытаясь понять, как это произошло, но с тем же успехом она могла пытаться понять, по какому принципу барсук с мышью могут сотрясать землю. А вот

наши приключения Барбаре, судя по ее отстраненности, были не особенно интересны. Впрочем, как и ее похождения для нас.

Хотя, если говорить начистоту, мне было немного обидно и непонятно: ведь она приехала не из-за того, что соскучилась и страсть как хотела увидаться; она ехала именно из-за нас с Юсей, из-за нашей мнимой гибели, хотя могла без лишних заморочек сообщить по телефону или электронной почтой. Но вот увидела — и мгновенно охладела. Потому я и делал вид, что не обращаю на нее никакого внимания. А Юся — тот, похоже, и вида не делал, будто знал, что Барбара его идиотом обзывала.

Только когда Барбара уехала, меня охватило странное беспокойство. Ее визит я воспринял как знак, предчувствие какой-то неминуемой беды. В прошлый раз нам пришлось сорваться с места и рвать когти через полмира. А что теперь?

Я пытался поговорить с Юсей несколько раз, но он отмахивался и только спустя несколько колов времени наконец снизошел и сказал довольно резко, чего за Юсей никогда не водилось:

— Не хочу я о ней разговаривать. Приехала, с порога раскудалася, а оказалось, что и волноваться не из-за чего. Ну, напугал ее Иван Иванович, подумаешь.

— Но ты точно знаешь, что этот гад не приедет сюда и не начнет нас резать, чтобы забрать предметы?

— Вот ты логически рассуди. — Юся посмотрел на меня едва ли не с жалостью. — Сколько мы с ним в одном купе ехали, потом на катере плыли, потом на острове жили? И за это время он ни разу не пытался нас зарезать. Все, туши свет, давай спать.

Все вроде было логично, но мне казалось, что тут дело не совсем в логике. Как нелогичен был поступок Барбары, так нелогична вообще вся наша история, замешанная сугубо на чувствах и иррациональности предметов.

Проснулся я утром, часов в пять, и сразу понял: было нечто важное, что я не успел сразу обдумать, а потом стало некогда, но, пока не поздно, об этом надо срочно вспоминать. Упустил еще на острове, но важно это до сих пор. Что-то, связанное с лемурийцами.

Я открыл глаза и стал думать. Если по-хорошему, то даже и не известно, были они наверняка, видел я этих атлантов назгульских или они мне всего-навсего приснились. Конечно, в аэропорту вроде мелькал кто-то, на них похожий, хотя в бликах и отражениях света от хромированных поверхностей могло и показаться...

Предположим, что они все-таки были. Я привык доверять своим чувствам. В конце концов, если существуют предметы, почему бы и назгулам не существовать? Вот пришли они ко мне, пытались навешать лапши на уши. Единственное, что в их рассказе не вызывает сомнений, — за каким-то лядом этим прохвостам нужно, чтобы я сотрясал землю в определенных местах. Я отказываюсь, и они предлагают мне баш на баш. И баш, прямо скажем, замечательный. Привяжите кого-нибудь к себе, нога к ноге, поживите так сутки, а потом отвяжите — и согласитесь, что индивидуальная эксплуатация организма гораздо удобнее, чем совместная. Блин, да если бы Юся остался, как и прежде, идиотом — я бы ни минуты не сомневался и пошел на сделку. Плевать, что случится потом, — я не стал бы об этом думать. Но в том-то и дело, что Юся сейчас прекрасно понимает, что хорошо, а что плохо, и как мы будем жить, если он узнает, какой ценой я добился этой отдельности? Отдельность... слово какое-то гастрономическое, будто колбаса конская отдельная, первый сорт. Егор Круглов отдельный.

Интересно, а как бы отнесся Юся к такому предложению?

Я по-новому посмотрел на Юсю. Нет, я не думал, что он предатель, но ведь ему со мной жить так же неудобно, как мне с ним. А что, если лемурийцы решили с каждым из нас отдельную игру вести? Вдруг кто-то сломается? Вдруг кому-то надоест таскать на себе другого и он решит, что можно рискнуть и воспользоваться штуковинами? Если рассудить трезво, то это было логично. Эта версия многое объясняла в Юсином поведении.

Я ведь портил Юсе малину не меньше, чем он мне. Он обрел новую семью, а я постоянно напоминал, что эта семья у него — благодаря волшебным железякам. Он хотел больше времени

проводить с матерью и сестрами, придумывал всяческие игры, чтобы наладить контакт, а я тянул его в нашу комнату или на улицу, подальше от новых родственников. Разозлишься тут.

Растолкав спавшего еще брата, я полез в письменный стол, под нижним ящиком которого прятал артефакты.

Барсук с мышонком пропали. Я перерыл всю нычку, но предметов не нашел. Перерыл еще пару раз, потом начал методично прочесывать всю нашу комнату. Нашел саблю, два пистолета, часы, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку — видимо, девчонки когда-то играли. Но талисманов среди этой дребедени не было.

— Ты чего потерял? — спросил Юся, когда ему надоело ползать со мной из угла в угол.

— Талисманы, — ответил я.

Будто с самого начала понятно не было, он ведь знал, где я хранил артефакты, нетрудно бы догадаться, что если предметов на месте нет, то ищу я именно их.

— Сразу бы спросил. Я их перепрятал, — отчаянно зевнул Юся.

— Что?! — оторопел я.

— Перепрятал.

Вот засранец! И так спокойно об этом говорит.

— Куда?!

— Я думал, ты спросишь, как...

— Куда?!

— Да успокойся ты, успокойся, сейчас покажу...

Мы встали с пола и пошли в туалет.

— Под крышкой, — сказал Юся и ткнул пальцем в сливной бачок.

В одиночку я, конечно, снять крышку не мог, так что пришлось нам вдвоем это делать. На дне бачка тускло светился мышонок. Я осторожно засунул руку в воду, нащупал цепочку и вытащил артефакт на свет. Не вытирая, я положил его в карман пижамы, и мы водрузили крышку на место.

Барсук тоже покоился на дне смывного бачка, но уже не в нашей ванной комнате, а в общем туалете, на первом этаже.

Пока шли спасательные работы, мы молчали. Едва барсук оказался в моем кармане, мы вернулись в свою комнату. На всякий случай, чтобы из-за двери не могли услышать наш разговор, я включил телевизор. Там показывали какой-то бедлам в Турции: ночью, насколько я понял, там случилось землетрясение, да такое, что даже цунами образовалось в Мраморном море. Юся тут же уставился в экран, но я, ухватив его за подбородок, повернул к себе.

— Зачем?

Юся, погрузившийся внезапно в какие-то свои мысли, ответил:

— А ты уверен, что не хочешь спросить...

— Зачем?! — Мне это кокетство начинало надоедать.

— Ну... — Юся смутился. — Я думал, ты именно этого и хотел.

Час от часу не легче.

— Юся, ты идиот?

— Я не Юся. Я Юра.

— Хорошо. Юра, ты идиот?

— Я тебе сейчас в зубы дам.

— Да что с тобой такое? — психанул я. — Ладно, расскажи мне, как ты это провернул.

— Не скажу.

ТЬфу ты, пропасть!

— Ладно, я попробую догадаться. Сам ты, в силу нашей привязанности, перепрятать талисманы не мог, значит, попросил кого-то. При мне ты о помощи ни у кого попросить не мог, из чего можно заключить, что ты давал письменные инструкции. На бумаге ты ничего не писал, на компьютере тоже не печатал. Думаю, ты просто через мобильный телефон короткие сообщения отправлял. Девчонкам писал, да? Игры твои дурацкие. Проинструктировал, конфетку пообещал — они выполнили задание. Так?

Юся был впечатлен, по лицу видно.

— Именно поэтому ты идиот. Они могли просто-напросто их стырить, — сказал я.

— Не могли. Я бы почувствовал.

Долбанные его чувства... Конечно, он был прав — талисман не ошибается, предчувствия всегда оправдываются. Но ведь риск все равно был.

— Зачем? — повторил я давешний вопрос.

— А зачем ты с утра полез их искать? — Юся сделал невинное лицо.

Быстро он перенял эту дурацкую манеру — отвечать вопросом на вопрос. Самое обидное, что ответить неправду я не мог: Юся тотчас бы почувствовал. И я ответил честно:

— Я боюсь.

— Ты? — Глаза у него округлились. Все-таки лукавить он не умеет. — Чего ты можешь бояться?

— Что предметы ненастоящие.

Ответ пришел сам по себе, наверное, это петух и на меня немного действовал. Верхнее ли это чутье, или наитие, или как хотите называйте — стало ясно, почему Барбара не идет у меня из головы. Ме-зальянц купил Барбару на ее собственную удочку. Она продала ему фальшивые предметы, а он показал ей фальшивые глаза. Мое беспокойство было обострившейся тоской по предметам. Но вот я достал артефакты, положил в карман, а тоска не проходит. Значит...

Я сжал в ладони оба предмета. С таким же успехом я мог сжимать два железных шарика от подшипника: тяжесть есть, а эффекта — ноль. Ни силовых линий, ни вибрации, ни волос дыбом. Артефакты были обычными подделками.

— Где они на самом деле? — спросил я. — Девчонки стащили?

— Нет, — тихо ответил Юся (не заслужил ты Юры, братец).

— Хватит мямлить. Куда дел? Я, между прочим, за тебя договор с государством подписывал.

— Он не имеет юридической силы, ты несовершеннолетний и не являешься еще гражданином Израиля, — попытался возразить Юся. — Это был акт психологического давления...

— А для Далилы он имеет юридическую силу? — рассердился я. — Она, между прочим, за тебя подписалась!

— Она... — В глазах у Юси стояли слезы. — Она меня не любит.

Твою мать... Как же до тебя это дошло, с твоей интуицией, только сейчас?

— Где предметы?!

— У Мезальянца.

— Что?!

— И он их, кажется, использовал, — добил меня Юся, кивая на экран телевизора.

10

В Стамбуле Вика с капитанами приземлились в полночь, как и взлетели. Будто время застыло. Когда на запад летишь, всегда так. А на восток, наоборот, время стремительно бежит вперед, как сквозь пальцы убегает.

В середине полета Боря стал ерзать, часто вставать и бегать по проходу, нервируя земляков. Когда ему посоветовали уюгнуться, он довольно резко предложил всем окунуться в алебастр. Время от времени он, конечно, присаживался, но никак не мог принять нужной позы и снова вскакивал.

— У него застарелый геморрой, — шепнул Глеб Виксе. — Он вообще не может сидеть, удивительно, как до Гонконга долетел. Сейчас скачет, боится, видимо, рецидива.

В аэропорту по этой причине побежали искать аптечный пункт. Пока искали — почти два часа прошло: туда не пускают без визы, здесь пускают, но не то, что нужно... В конце концов наши, купили самые обычные свечи с маслом облепихи, и Боря поскакал в туалет, потому что до самолета на Москву оставалось что-то около сорока минут.

— Окунуться в алебастр, — сокрушался он. — Еще три часа в самолете до Москвы, потом девять часов до Владика... точно геморрой вылезет.

— Воспринимай это как приключение, — посоветовал Глеб.

Боря обиделся и ушел.

А через пять минут Вика испытала острейший приступ дежавю. Моргнули лампы, мир вокруг закачался, и воздух наполнил отчаянный вопль умирающего зверя, как в ту ночь, когда она застучала близнецов за незаконным сотрясением земли. Неужели они опять принялись за старое?

В аэропорту началась паника, народ хлынул к выходам, и только Глеб с Викой, которые стояли как раз возле несущей колонны, хладнокровно прижались к твердыне.

Кошмар длился три минуты. Несколько раз вспыхивало и потухало электричество, стоячие и висящие конструкции раскачивались из стороны в сторону, будто не решаясь, где именно упасть. Иные люди падали на бегу, кто-то оставался лежать, не решаясь продолжить бег, но большинство тут же вскакивали и бежали дальше, молча или вопя во все горло.

А потом все закончилось, так же резко, как и началось. И всего-то за три минуты официально-чопорная обстановка в аэропорту сменилась полным бардаком.

— Глеб, — тихо попросила Вика. — Ты живой?

— Вроде... — Рука Татарина легонько сжала руку Вики (они, оказывается, так и стояли у колонны).

— Сходи, пожалуйста, в туалет.

— Зачем?

— Там Боря... как он там?

— А ты не можешь?

— Я, вообще-то, женщина.

— А, черт, — досадливо прошипел Глеб.

Осторожно, пробуя левой ногой опору впереди, будто идет не по бетонному полу, а по болоту, Глеб стал пробираться к туалету. Он преодолел чуть меньше, чем половину пути, как из туалета, точно так же пробуя ногой опору, вышел Боря. За собой он тащил чье-то тело.

— Это что такое было? — шепотом спросил он. — Это ведь не из-за меня, нет?

— Нет, не из-за тебя, — покачала головой Вика. — Это, наверное, просто землетрясение.

— Тогда, — Боря заметно приободрился, — помогайте мне этого ханурика вытаскивать.

Викса вздохнула:

— Ну ладно.

Несколько часов из аэропорта Ататюрка не вылетал ни один самолет: тестировалось все оборудование — от канализации до радаров, обследовалась взлетная полоса и самолеты. Все системы, несмотря на подземные толчки, функционировали в штатном порядке, так что с утра рейсы возобновились. В аэропорту обошлось без пострадавших, разве что в туалете от передоза умер наркоман.

До утра все пассажиры сидели притихшие и смотрели телевизионные репортажи о землетрясении. Эпицентр толчка находился в Измите, жертвы и разрушения еще подсчитывались, но кадры с улиц разрушенного города говорили сами за себя — трупов было очень много. Многие пассажиры побросали багаж и отправились в Стамбул — провести родственников.

Боря сидел и рассказывал, как он пережил эти ужасные минуты. Почему-то все вокруг смеялись, даже Викса, хотя ей казалось, что теперь ее ничто не сможет рассмешить.

— Ну, вот только заперся в этой кабинке, только присел, а в соседнюю кабинку тоже кто-то заскочил. Я думаю — блин, окунись ты в алебастр, меня пучит и все дела, а тут кто-то рядом меня слушать будет. Я, между прочим, стеснительный очень, не люблю, когда в эти минуты посторонние люди рядом находятся. Я затих, конечно, думаю — сейчас этот свои дела сделает, вот тогда я и расслаблюсь. Но потом свет мигнул, как повело меня в сторону, и я от неожиданности... ну это... пукнул... И как раз в ту минуту, когда этот звук... ну, вы слышали. Длинно так и страшно. Я уж и про геморрой забыл, и обо всем на свете. Думаю — окунуться в алебастр, неудобно-то как, что обо мне сосед подумает? А потом как начнет трясти, а я на этом унитазах, будто ковбой на родео, только и думаю — падать нельзя, в унитаз проваливаться тоже нельзя, потому как если я в таком положении концы отдам,

смеху на весь мир будет. Это ж международный скандал — русский моряк помер, свалившись с унитаза. Жене позор, внукам в школу не показаться. Но, между прочим, догадался, что это не я катастрофу устроил. Думаю — а этот ведь, который в соседней кабинке, он, наверное, террорист. Он, может, решил аэропорт взорвать — известно ведь, что сероводород взрывается. Вот, думаю, вражина, в канализацию детонатор спустил, на кнопку нажал, и весь мир в дерьме испачкал. Встаю на стульчак — прошу заметить, в носках, а не в ботинках! — смотрю, а террорист головой в унитазе. Он, оказывается, прямо с краешка порошок нюхал, там гладко и ровно. Лучше бы он в алебастр окунулся, честное слово, живей бы был.

Народ покатывался. Те, кто не понимал по-русски, спрашивали, в чем дело, им переводили, и байка распространилась по аэропорту.

Объявили самолет до Москвы, но Виксе уже не верилось, что они доберутся до дома. Вика думала, что это приключение будет бесконечным. Почти три месяца не видела родителей. Через две недели в школу. Сейчас что-нибудь случится: или на полпути откажут двигатели и они будут вынуждены сделать аварийную посадку в какой-нибудь Саудовской Аравии или Финляндии; или террористы захватят борт и направят его в Израиль или Исландию; или вообще инопланетяне захватят и доставят на Сириус...

От всех этих горестных мыслей она заснула, да настолько крепко, что пропустила обед и даже посадку. Глеб разбудил ее, когда почти все пассажиры вышли.

— Вставай, красавица. Нас приветствует город-герой Москва!

11

О том, что его гонят, словно корову в загон, Мезальянц догадался далеко не сразу, а только тогда, когда в течение недели добрался до Франции и собирался уже отправляться дальше на запад.

Странные фигуры на периферии зрения Иван Иванович стал замечать уже через день после овладения предметами. Прозрачные,

практически незаметные при свете дня существа, в сумерках все явственней маячили на границе «слепой зоны». Повернешь голову — и нет никого. Но если скосить эдак кокетливо взгляд, то видно несколько привидений.

Сначала Мезальянц думал, что это побочный эффект. Мало ли, какие галлюцинации могут возникнуть при изменении цвета радужки? Но количество призраков менялось: иногда их было пятеро, иногда — двое, даже вдевятиером собирались. То ближе, то дальше, то кучно, то по одному, то слева, то справа. Нет, это не было галлюцинацией. Но что тогда? Новая методика ниндзюцу?

Несколько раз Иван Иванович пробовал оторваться от преследования, преодолевал ежедневно сотни километров, но таинственные призраки настигали всюду, причем в самых неожиданных местах: в общественном туалете или в душевой гостиничного номера.

Время от времени призраки исчезали, и тогда Иван Иванович гнал во весь опор, но стоило ему расслабиться и выбрать новое направление, как появлялись вновь. Таким манером они довели Мезальянца до Ла-Манша. И тут Иван Иванович взбунтовался. До него наконец-то дошло, что преследование начиналось всякий раз, как он забирал слишком круто к северу или к югу. Именно в этот момент ему пришла в голову замечательная мысль, как правильней всего использовать артефакты. На Кавказе началась очередная заварушка. Все газеты и телеканалы судачили только о «Мусульманской добровольческой дивизии» и их дерзкой операции. Мезальянц знал, кому на руку эта операция, и можно сделать очень красивое и суровое заявление на весь мир, чтобы остановить эту войну. Ну ведь и дураку ясно, что на этой войне наживется горстка людей, среди которых, между прочим, и Первый.

Иван Иванович сделал разворот на сто восемьдесят градусов и отправился обратно. Но сначала он позвонил в Москву, на конспиративный телефон.

В первую же ночь прозрачные соглядатаи пошли в наступление.

— Вам отдали артефакты не для личного пользования, — сказали они, окружив кровать Мезальянца бесплотным кольцом.

— Убедите меня, — сказал Мезальянц. Он не верил в призраков.

— Вы должны использовать предметы в определенных местах, последовательность воздействий имеет большое значение, — продолжали духи.

— Неубедительно.

— Вы не можете!

— Могу. И если не прекратите меня преследовать, смогу прямо сейчас.

— Мы отберем у вас предметы.

— Валяйте, я посмотрю.

Нашли ребенка. Если бы могли, забрали бы уже у близнецов.

Прозрачные не отстали ни в эту ночь, ни в последующие, да и днем капали на мозги. Иногда Мезальянц взрывался и орал на них прямо среди улицы, или в ресторане, или в другом людном месте, и тогда люди опасливо отходили в сторону или отсаживались: мало ли, что на уме у этого психа. Иван Иванович быстро брал себя в руки, говорил, что его специально выводят из себя, и на какое-то время успокаивался. Но преследователи решили взять его психику измором — и делали успехи. Мезальянц никак не мог понять технологию их прозрачного камуфляжа: не то новейший хитрый светопроводящий материал, не то эти гады на самом деле где-то неподалеку, а Иван Иванович видит только голограммы.

В ночь на семнадцатое августа Мезальянц остановился в гостинице на берегу Мраморного моря. От недосыпа у него были красные глаза и бледное лицо, и когда Иван Иванович решил принять душ и сбрить почти недельную щетину, он почти не узнал себя в худом осунувшемся разноглазом человеке.

Эк они меня обработали, подумал Иван Иванович.

— Посмотрите, во что вы превратились, — сказали прозрачные, стоя за спиной. — Вам нужно отдохнуть.

— Дайте побриться спокойно.

— Отправляйтесь в Соединенные штаты, в Калифорнию. Там мы оставим вас в покое, а вы сможете насладиться...

— Достали...

Не умывшись, Мезальянц вышел из ванной и включил телевизор. Шли новости. Освещались последние события в России, в том числе перестановки в Совете Безопасности. Первый продвинулся еще на одну ступеньку.

Глупо было ожидать, что Свиридов всерьез отнесется к ультиматуму. Это, в общем, и не ультиматум был, а предупреждение — беги, командир, куда подальше, скоро будет жарко. Неясно, правда, послушался командир или только рукой у виска покрутил. Но это уже Ивана Ивановича не касалось, он сделал все что мог и теперь собирался сделать все что хотел.

На самом деле Мезальянцу вовсе не нужна была голова Первого. Не Первый, так кто-нибудь другой рвался бы к власти, и не факт, что было бы лучше. Иван Иванович хотел, чтобы *там* знали: он жив, на свободе и обладает тем, чем хотел обладать Первый, да и любая другая шишка. Иван Иванович хотел, чтобы *там* испугались.

А они не испугались. Мало того, Первый еще и на ступеньку выше приподнялся. Об этом Мезальянц узнал из вечерних новостей. Никакой паники в Кремле, никто не бежит за границу в женском платье, никто не отрекается от завоеваний новой власти. Всем хорошо, все довольны.

Поэтому стоило эти довольные рожи сделать постными. Прямо сегодня. Прямо сейчас.

— Нет! — сказали прозрачные. — Не здесь! Здесь нельзя! Это не то место!

— По-моему, весьма подходящее, — огрызнулся Мезальянц. На груди у него висел барсук, в кармане куртки лежала и ждала своего часамышь. Иван Иванович решительно вышел на балкон.

Опора под ногами показалась какой-то неубедительной. Если тряхнет сильно — чего доброго, свалишься вниз и ноги переломашь. Не обращая внимания на вопли прозрачных, он спустился

вниз, вышел на улицу и отправился искать место попросторней, чтобы случайно забором не придавило.

Место нашлось недалеко от набережной, пешеходная зона со скамейками, фонтанчиками для питья, уже пустынная в это время суток.

Мезальянц остановился возле небольшой карусели, почесал затылок: что делать-то? Просто взяться за амулет? А дальше что? Ногой топнуть или дунуть?

— У вас неполный комплект! — вновь начали зудеть призраки. — Вы не сможете контролировать процесс!

— Близнецы же смогли.

— У них был петух! Третий предмет позволяет интуитивно соизмерять силу, направление и время воздействия. Вы не сможете! Человеческий мозг не в состоянии воспринимать все параметры сразу!

— А мне и не надо, — ответил Мезальянц. — Посторонись, зашибу.

Сначала ничего и не произошло. Только волосы на голове затрещали от статического электричества. Иван Иванович почувствовал себя электрофорной машиной, в лейденских банках которой скопилось сто тысяч вольт. Внимание: разряд!

Мезальянц увидел миллионы светящихся рубиновым светом нитей. Какие-то из них располагались равномерно, крест-накрест, иные захлестывались одна на другую, некоторые спутывались в колтуны.

— Если вы потянете хотя бы за один силовой меридиан, вам может не поздоровиться. Эта зона и так сейсмически нестабильна.

— В Калифорнии тоже, — не своим голосом отвечал Мезальянц.

Зрелище было одновременно ужасающим и прекрасным, он не мог оторвать взгляда от этой мешанины. Он прекрасный аналитик, он разберется. Начнем с простого: развернем вот эту петельку...

Земля, словно батут, вогнулась и вспучилась. Карусель, стоявшая неподалеку, сорвалась с оси и, бешено вращаясь и завывая

рассекаемым воздухом, пронеслась над Иваном Ивановичем, едва не отрезав ему голову. Город мгновенно проснулся: запричитали автомобильные сигнализации, закричали птицы, в некоторых окнах зажегся свет.

— Осторожнее! — послышался окрик прозрачных, но Мезальянцу было уже не до них.

Петля распуталась, но в переплетении силовых меридианов, произошли разительные изменения: где-то некрасиво выперли узлы, где-то, наоборот, лопнули вполне красивые и аккуратные квадратики.

— Мать вашу. — Мезальянец решил закрутить петлю обратно, но сделал еще хуже. Меридиан, который он только что выпрямил, видимо, был под напряжением и от повторного вмешательства лопнул. Свободный конец вырвался из руки и унесся в глубь города, вызывая деформацию и вибрацию других меридианов.

Иван Иванович упал на землю ничком: такой болтанки он не чувствовал даже в океане. Вокруг рушились дома, переворачивались машины, искрились провода, взрывался и горел бытовой газ.

Страх не было. Вернее, страх был, но как-то отдельно, будто сознание разделилось на рациональное и животное. Животное тряслось, металось вокруг, как коза на привязи при виде тигра. Рацию с градусником, секстаном и секундомером оценивало окружающие разрушения.

— А дальше что? — спросил Мезальянец у прозрачных.

— Дальше все пойдет по нарастающей. Вы своим вмешательством запустили движение всей тектонической плиты. Резонанс может достигнуть гор Кавказа, и вот там разрушения будут колоссальными! — Призраки будто прогноз погоды зачитали.

— А как это остановить?

— Вы обязуетесь впредь подчиняться нашим инструкциям?

— Да, мать вашу, обещаю! Что делать?!

— Поднимите до колена вон ту ячею и резко отпустите. Встречная волна погасит резонанс.

Ячея, видимо, состояла из других напряженных меридианов: Иван Иванович весь взмок, пока поднимал, что было весьма странно, потому что руками-то он ничего не поднимал, но оставалось странное фантомное ощущение колоссального напряжения мышц. С красивым теньканьем отпущенные меридианы упали на землю, и тут же город вокруг начал сыпаться, словно доминошный. А еще через полминуты все успокоилось, будто и не было.

Иван Иванович стоял на месте, один в крошечной тьме. Вдалеке все горело, взрывалось и рушилось, но он стоял будто на островке тишины и темноты. Потянуло дымом.

— Теперь вы понимаете, какое мощное орудие оказалось в ваших руках? — спросили из тьмы. — Мы предлагаем вам выгодное сотрудничество. Вы делаете то, что мы скажем, в обмен мы поможем вам самому занять место, на которое претендует так ненавидимый вами Первый. Вы сможете диктовать вашу волю всему миру, как некогда диктовали греческие боги.

— Даже так? — уныло спросил Мезальянц. Потом его вырвало, и полоскало очень долго, а прозрачные что-то бухтели, бухтели...

Ветер вдруг поменял направление, теперь пахло не дымом, а морем.

Иван Иванович выпрямился, чтобы отдышаться. С моря приближался странный шум, смутно знакомый по прошлой жизни. Мезальянц напряг память и вспомнил — так шумела волна, на которой «Ярославец» доскакал до Микронезии.

Цунами!

Какое цунами на Мраморном море? Его цыпленок вброд перейдет. Иван Иванович попытался разглядеть высокий гребень, но почти до самого горизонта горели огромные, будто не с земной поверхности видимые звезды. Откуда здесь большая волна?

— Вы что-то видите? — спросил Мезальянц.

Ответа не последовало. Иван Иванович оглянулся, но его окружала только рубиновая сеть силовых меридианов, уходящих

до самого горизонта. Никого не было рядом — ни живых людей, ни воображаемых привидений. Прозрачные ушли, молча, будто что-то поняли и списали Мезальянца со счетов.

Иван Иванович попытался бежать. Он мчался, словно молодой: огибал большие и перепрыгивал малые преграды, с ходу оценивал обстановку и принимал правильное решение.

Но шум становился все ближе и ближе. К нарастающему гулу катящейся воды примешивался скрежет металла, треск и скрип древесины, слышны были панические крики людей и животных. Иван Иванович знал, что нельзя, но все же оглянулся.

На самой границе пробиваемой зрением темноты ворочалась бесформенная куча какого-то хлама. Вон яхта. Косяк шезлонгов. Тряпье, штанги от зонтиков. Лодки. Велосипеды. Автомобили. Автобус.

Человеческие тела.

Волна была невысокой — едва доставала до окон второго этажа. Она уже теряла силу и скорость. Но убежать от нее Мезальянец все равно не успевал. Поэтому он стоял и почти без страха ждал, пока его смоем.

— Утонуть в двухстах метрах от моря, — пробормотал он. — Окунуться в алебастр.

Его накрыло, ударило, расплющило, вырвало мышь из сжатой ладони, а потом он перестал себя чувствовать.

12

Юся с самого начала знал, что Далила не питает к нам никаких материнских чувств. Ей надо было переключиться, не заикливаться на том, что разваливается ее семья. Тут весьма кстати подвернулись мы.

И мы нехотя, между делом, склеили ее брак. Юся надеялся: еще немного, еще чуть-чуть, и у него появится настоящая мама. Но любви к себе пробудить так и не смог. Далила была слишком брезгливой, а мы обладали слишком выразительной внешностью. Максимум, чего Юся смог достичь, — доброго расположения к себе.

— Я и подумал: может, если мы будем сами по себе, она нас полюбит? Я не хотел...

— Окунись в алебастр, — сказал я жестко. — Ты не мог знать наверняка, что они нам помогут. Зато точно знал, чем это все может закончиться.

— Я знаю точно, они правду сказали. Они сказали — Мезальянц сделает все за вас, а мы вас потом разделим.

— Кто — они?

— Ну, эти... которые невидимые...

— И что? Вот он сделал, а мы все еще на одной паре ног ходим и одной задницей на унитазах садимся.

— Наверное, он не то сделал, что они хотели. Они говорили про Америку!

— А что, в Америке не люди живут? В Америке пускай все в алебастр окунется, так, что ли?! Тьфу, Юся, лучше бы ты идиотом остался!

Сказать, что мне стало хреново, — это ничего не сказать. Мне всучили ядерную бомбу, чтоб чего не вышло, а я сам у себя ее спер. И жажнул так, что чертям тошно стало.

— Еще раз и без истерики, — как можно спокойнее сказал я брату, хотя дерьмо во мне кипело почти у самой крышечки. Все и так было ясно, но я надеялся на чудо. — Ты через девчонок свистнул предметы, отдал их Мезальянцу, а потом подкинул мне подделки?

— Да.

И как теперь жить бок о бок с предателем? Получается, что все было зря. Бегство это через полмира, капитаны и Вика, Змей и Лэйла, смерть несчастного Сорри — все коту под хвост. Потому что Юся захотел суверенитета.

— Ты хоть понял, что подставил всех? — спросил я. — Сейчас этот урод начнет города рушить направо и налево. Он силу почует, он теперь может расхреначить весь мир!

Юся не ответил. Конечно, он понял.

Мы сидели в постепенно редющих сумерках и тупо таращились в мерцающий экран. Магнитуда более семи баллов. Место

тектонического разлома. Все могло случиться и само по себе, но Юся был абсолютно уверен, что это дело рук Мезальянца.

— Вы чего не спите, российский герб изображаете? — спросил Макс, стоя на лестнице в полосатом халате, который делал его похожим на басмача.

— Новости смотрим, — буркнул я в ответ.

— И чем нас радуют новости? — завязывая пояс на ходу, Макс стал спускаться.

— Землетрясение в Турции.

Макс сел рядом со мной. Не знаю, почему, но он благоволил именно мне.

— Погибшие есть?

— Не знаю. Но разрушения сильные. И цунами.

— Цунами в Турции?

— Опасность цунами не в высоте волны, а в длине нагона, — как маленькому, объяснил я Макс. — Там, говорят, почти триста метров волной накрыло.

Макс замолчал, задумавшись о чем-то своем.

— Вы так остро сопереживаете туркам? — спросил я. Мне не хотелось думать о предательстве брата, поэтому я собирался нахамить Макс.у.

Макс посмотрел на меня и тихо сказал:

— Одиннадцать лет назад я жил в Армении. Спитак. Ты слышал о таком городе?

Я сглотнул.

— Я тогда один выжил, из всей семьи. А это были папа с мамой, бабушка, четыре брата и сестра, совсем маленькая. И я их всех вытаскивал из-под завала один, потому что кругом вой стоял до небес. Ты хочешь еще о чем-то спросить?

Я молчал. Молчал и Юся. Глядя на заплаканное Юсино лицо, Макс охолонул, взял себя в руки.

— А почему вы так сочувствуете туркам?

Я рассказал все, от истории нашего рождения и до сегодняшних розысков. Макс умел слушать и ни разу не перебил. И только когда

я закончил, он выругался. Наверное, по-армянски, потому что в русском языке я таких слов не слышал, да и на иврите и идише так никто не говорил.

— Может, не догадаются? — спросил он после недолгих раздумий.

Но они догадались.

Еще до полудня появился наш добрый эвакуатор — Рудольф Кассатикетс.

— Привет, — широко улыбнулся он. — Не забыли меня?

Забудешь тебя, как же. У Далилы тут же стало скучное лицо.

— Чем обязаны? — спросила она сквозь зубы.

— Я бы очень хотел поговорить с нашими героями, — не обратил внимания на грубость, сказал красавец. — Можно?

Спасибо Макс, он отправил девчонок гулять. Нас же, словно провинившихся школьников, вызвали на ковер, и Рудик ласково, но твердо спросил:

— Молодые люди, надеюсь, с вашими артефактами все в порядке?

— Я хочу в туалет, — сказал вдруг Юся.

— Чего? — спросили Далила с гостем.

— Мы в туалет хотим, — подтвердил я слова брата.

Живот и впрямь сильно крутило. Мы ушли в туалет, и по пути я спросил:

— Это у тебя план такой — через канализацию смыться?

Юся ничего не ответил. Он был сосредоточен на каких-то своих невеселых мыслях. Подумай-подумай. На этот случай, наверное, ты себе петуха и оставил.

Когда мы вновь предстали перед Кассатикетсом, Далила нервно теребила полу уха плюшевого тигра.

— Итак... — начал Рудольф.

— Предметов у нас нет, — сказал я. — Их украли.

— Да? — усмехнулся Кассатикетс. — Как это?

— Обыкновенно. Ваша охрана оказалась никуда не годной.

Рудольф посерьезнел:

— Хватит нести чепуху. Вы подписали договор и обязаны...

— Ваш договор — обычная туалетная бумажка, — сказал я. — Мы несовершеннолетние.

— Но это война, здесь не бывает несовершеннолетних!

— Мы даже не граждане Израиля, — усмехнулся я.

Рудик проглотил эту пилюлю. В конце концов, это его служба решила, что нас можно взять на испуг.

— Но ваша мама все-таки подписала документ, — совершенно справедливо заметил он. — Она является гражданкой Израиля и ответит за вас обоих.

— Вот еще глупости, — вдруг рассвирепела Далила. — Я прекрасно знаю каждую букву договора. Там написано: содействовать властям в охране артефактов. Я вам тут же доложила об угрозе этого, как его... Мезальянца. Это не содействие? Вы сами прохлопали этого жулика! Самый дешевый адвокат докажет мою невиновность!

— Мы разберемся, — пообещал Кассатикетс Далиле и снова обратился к нам: — Сколько у вас похитили предметов?

— Два, — ответил я и посмотрел на Юсю. Тот кивнул. Но что-то в его взгляде мне не понравилось.

— Надеюсь, вы добровольно передадите оставшийся третий предмет государству, — сказал Рудольф. Сказал с угрозой.

— Нет, — ответили мы с Юсей в один голос.

— Что? — Брови у Кассатикетса сделались домиком.

— У нас его нет, — сказал Юся.

— В смысле? — теперь вместе с Рудиком обалдел и я.

— Я выбросил его, — ответил Юся. — Только что, в унитаз.

Я побледнел. Вот зачем Юсе понадобилось в туалет.

— Юся, — выдохнул я. — Зачем? Ты же... петух же...

— Я подумал, ты будешь меньше сердиться, если я опять стану идиотом. — Юся не смотрел мне в глаза, но я знал, что они у него вновь сделались карими.

Немая сцена длилась недолго. Пока Макс и Далила смотрели на нас, Рудик сорвался с дивана и скрылся в глубине дома. Три раза что-то хлопнуло, взвизгнуло и взорвалось.

Макс бросился посмотреть, что произошло. Послышалась ругань, возня, Далила тоже вскочила и умчалась вслед за мужем и внезапным гостем. А мы с Юсей остались предоставленными друг другу.

— Да вы свихнулись, что ли? — слышался визг Далилы.

Судя по звукам, между взрослыми завязалась нешуточная драка, с проламыванием стен и голов. Мы с Юсей присели на диван.

— Ты что, действительно выбросил петуха? — спросил я, хотя сомневаться, в общем, не приходилось.

— Ты же сам сказал, что лучше бы я оставался таким, как раньше, — пожал плечами Юся. — Я подумал, что и впрямь так было бы лучше для всех.

— Но как раньше уже не будет, разве ты не понимаешь?

— Скоро я вообще ничего понимать не буду.

— Юра, я ведь не хотел, чтобы ты снова стал растением. Люди не всегда говорят то, что думают.

— Мне больше нравилось, когда ты меня Юсей звал. Так роднее получалось. — Юся шмыгнул носом. — Егор, ты простишь меня, пока я еще нормальный? Потому что идиоту все равно будет.

Я бы обнял сейчас своего непутевого брата, но моя правая рука совершенно не была для этого приспособлена. Да и непутевым, если хорошо подумать, был я сам.

— Конечно, прощу, — сказал я. — Куда я денусь?

— У нас друг к другу врожденная привязанность, — пошутил Юся.

В это время драка в коридоре закончилась так же резко, как и началась. Помятый, с рассеченной щекой и залитым кровью пиджаком, мокрый, как цуцик, Кассатикетс появился в коридоре.

— Собирайте манатки, — сказал он. — Вы не оправдали доверия.

И ушел. А мы встали. Кто-то же должен закрыть дверь.

У туалета стоял, запрокинув голову, Макс. Из носа у него текла кровь.

— Представляете, унитаз расстрелял, подонок, — с сильным прононсом сказал он. — Фаянс вдребезги, осколок ему едва в глаз не попал, а он, вонючка, полез искать эту вашу штуку.

— Нашел? — спросил я.

— Вы смеетесь? Это же канализация. Теперь городской отстойник просеивать придется. Через ситечко. Вы чего такие квелые? Мы же победили.

Мне не хотелось расстраивать Макса.

— Можно, мы мультики посмотрим? — спросил я.

— Да смотрите, конечно, — ответил он.

13

— Разрешите доложить?

— Ну, давайте уже, не тяните резину.

Свиридов включил аудиозапись. Первый слушал и менялся в лице. Как хамелеон: то пунцовел, то бледнел, то шел пятнами. На его красивом лице двигались желваки, раздувались ноздри, губы то сжимались, то кривились в сардонической улыбке. Выразительное лицо.

— Это что?

— Это Мезальянц, звонил на конспиративный номер двенадцатого августа.

— Он что, совсем рехнулся?

— Обладание предметами отрицательно сказывается на здоровье, вы же знаете. На душевном — в том числе.

— Вы таким образом намекаете, чтобы мы прекратили розыски? Или что?

— Он уже сделал первый ход, в Измите. Вы видели, какие там разрушения: огромная трещина в земле образовалась. Про человеческие жертвы уже не говорю — меньше, чем в Армении, но и не мало — приблизительно семнадцать тысяч. И это за три минуты! У меня есть предложение выждать. Если Мезальянц продолжит наступление — попытаемся накрыть его встречным огнем. Но мне кажется, что он не продолжит.

— Вы знаете, что надо делать, когда кажется?!

Свиридов знал. Но идти на принцип не хотел. По опыту он знал, что пережить можно все, в том числе и начальника-самодура.

Или уволят, или на повышение пойдет. По всему выходило, что Первый уйдет скоро очень далеко, а Свиридов останется. Если, конечно, не снимут.

— Я считаю, что надо подождать. Не имеет смысла искать его сейчас, когда он, скорее всего, изменил внешность и затаился. Ресурсы истратим, а толку никакого. Такого ценного ресурса в Микронезии лишились из-за спешки.

— Хватит, мы этот вопрос уже обсуждали!

— Мне-то что? Это не мой агент погиб.

Разговор заходил в тупик.

— Ваше предложение?

— Выждать срок. Пять дней можно подождать. Если он не объявится — значит, либо сам погиб, либо затаился. В любом случае предметы быстро не всплывут.

— Вы испытываете мое терпение.

На эту реплику Свиридов ничего не ответил, хотя так и подмывало щелкнуть каблуками и гаркнуть: «Рад стараться!» Мезальянц бы именно так и поступил. Свиридову было жалко такого работника, но независимость суждений и поступков хороша в меру. Не на службе.

— Разрешите идти?

— Идите, — нехотя отпустил Первый.

Чувствовалось, что Первому хочется сказать напоследок что-нибудь обидное, но все казалось мелким и детским.

Ничего, думал Свиридов. Скоро у тебя дел будет невпроворот, и тебе станет не до меня. А я еще поработаю. Если, конечно, не снимут.

14

Распоряжение о нашей с Юсей депортации пришло на следующий день, на электронную почту Далилы.

Юся зычно храпел, поэтому я почти не разобрал горячего спора между нашей матерью и Максом, хотя и догадывался, что спорят они о вчерашней угрозе красавца. Макс требовал от жены,

чтобы она «боролась», а Далила парировала тем, что «у нас дети». И я впервые был на ее стороне. За спокойную жизнь с Юсей я бы сейчас сам взорвал этот Измит со всей Турцией. А еще лучше — Москву. Ведь самый очевидный способ был! Сравнить ее с землей, чтобы и камня на камне не осталось.

Вскоре шум прекратился, и в нашу комнату тихо постучал Макс.
— Заходите, — разрешил я.

Макс проскользнул тигром, прикрыл дверь. Сел на кресло, кивнул на спящего Юсю:

— Как он?

— Нормально, — ответил я. — Только к вечеру что-то закапризничал.

— Он что, и вправду?..

— Он всю жизнь был олигофреном. А как петуха получил в личное пользование, так дела в гору пошли.

— Именно петуха?

— Откуда ж я знаю? Просто он с ним не расставался. Конечно, не исключено, что все три предмета в нем запустили «просыпание». — Я посмотрел на храпящего Юсю. — Но сейчас все хуже стало. С предметом он не храпел.

Мы помолчали. Я видел, что Макс собирается с духом, чтобы сказать какую-то гадость.

— Ну? — спросил я. — Еще какая-то засада?

— Да, — кивнул Макс. — Пришло официальное письмо. Правительство настаивает на вашей высылке из страны в недельный срок.

Что ж, так я и знал.

— А чего так много времени дали? — спросил я. — Мне собраться — только рот закрыть.

— Мы не хотим, чтобы вы уезжали. Далила подаст прошение о воссоединении семьи, мы добьемся...

— Не надо, Макс, — оборвал я его. — Мы не хотим.

— Почему? У тебя ведь была возможность сравнить, где живет-ся лучше! Вы умрете, сопьетесь, вас никто на работу не примет.

— Но мы никому не будем мешать. Далила не любит нас, мы для нее — чужие люди. Мы не хотим сидеть на вашей шее, даже если вам это будет приятно. К тому же ничего у вас не получится.

— А если получится?

— Вы взрослые, вам и решать.

Я был уверен, что у Макса ничего не выйдет, но пусть его... В конце концов, его дело. И Далилы.

Последние дни мы проводили в основном на пляже — лепили песочные замки, купались, пугали своим внешним видом отдыхающих. Была еще одна причина, по которой мы пропадали из дома, — чтобы девочки меньше общались с Юсей. Я не хотел, чтобы они видели его смерть. Меня самого приводило в бешенство быстрое угасание его разума и что я ничего не могу с этим поделать, но я-то помнил его прежнее состояние.

Его будущее состояние.

Сначала Юсю стали интересоваться игрушки-трансформеры — и Макс купил ему целую гору. Весь день Юся с моей помощью упражнялся в трансформации роботов. А на следующий день он начал игрушки ломать. Как, в общем, и все дети. Поэтому-то я и стал уводить его из дома на пляж. Совок, ведро, мокрый песок — эта игра даже мне была интересна. Мы строили Понпеи и Нан-Мадол, закапывали, а потом откапывали игрушечного робота, имитируя похороны и спасение Барбары. Разыгрывали крушение яхты.

За те пять дней, что Макс бегал по инстанциям и юридическим конторам, Юся успел пройти путь до пятилетнего малыша. Он уже не выговаривал буквы, его невозможно было заставить почистить зубы или поесть. Порой очень хотелось навешать ему подзатыльников и сказать: «Соберись!» Но с тем же успехом я мог показывать телевизор за то, что он показывает всякую фигню.

Макс вернулся расстроенный. Процедуру усыновления можно начать только в стране, гражданами которой мы являлись, то есть мне с Юсей в любом случае нужно было выметаться из Израиля.

— Я поеду с вами, — сказал Макс.

— Не надо, — ответил я. — Вы знаете наш адрес, я — ваш. Если станет совсем невмоготу, я дам сигнал «мэйдэй», честное слово.

— Мидей! — повторил Юся.

— Какой сигнал? — не понял Макс.

— Сигнал бедствия.

— Сос, что ли?

— Точно.

— Мидей! — Юся придерживался морской терминологии, даже впад в детство.

Макс немного помолчал, а потом сказал:

— Не злись на Далилу. Она хорошая мать, только не поняла еще, что вы тоже ее дети. Ей надо привыкнуть. Она поймет.

— А из-за чего вы поссорились?

— Из-за посуды.

— Из-за чего? — Я даже рот открыл.

— Из-за посуды, — повторил Макс. — У меня холостяцкая привычка: первое и второе есть из одной тарелки. Не в ресторане же. А Лилька наоборот — у нее для каждой порции отдельная тарелка, у нас этих наборов штук сто, наверное.

— Это она в бабушку, — сказал я. — То есть в свою маму.

— Мама! — повторил Юся.

— Поэтому после каждого обеда — гора тарелок, чашек, блюд. У нас, конечно, посудомоечная машина, но обедки убирать и складывать в машину грязную посуду уже мне приходится. Когда Лильки нет, мы с девчонками по моей методе питаемся, но если Лилька узнает — скандал. А я скандалю, потому что посуды гора... — Макс задумался и сказал: — Спасибо вам. И впрямь — впустую ведь ссоримся.

— Не за что, я беру по умеренной таксе, — сказал я.

— Ни за што! — подтвердил Юся.

Мы с Максом засмеялись. Юся, скорей всего, не понимал, над чем мы смеемся, но тоже радостно захохотал.

— Когда нам лететь? — спросил я.

— Билеты на двадцать третье число, на завтра. Ни о чем не беспокойся — я сам все сделаю.

— Спасибо, — сказал я. — А то с Юсей сейчас даже в туалет трудно сходить.

— Тулет? — спросил Юся. — Падем в тулет?

— Нет, не сейчас, — успокоил я его.

Наши зловключения, кажется, подходили к концу.

15

Как Боря ни умолял, а Глеб все равно настоял на самолете. Все быстрее, чем на поезде.

На счастье капитанов, родители встретили Виксу прямо в аэропорту. Вика облапила отца за пояс, а потом вцепилась мертвой хваткой в мать, да так и стояла, пока Боря и Глеб расписывали родителям достоинства их любимого чада.

— Она не болела? — спросила мать. — Там ведь тропические болезни всякие, насекомые, змеи.

— Да окунитесь... — Глеб кашлянул, и Боря осекся. — Никак нет, здоровее всех нас была.

— А Егор? — спросил отец.

— Близнецы тоже в порядке. Их же мать к себе в Израиль забрала!

В слове «Израиль» Боря сделал ударение на последний слог.

— Мы так боялись, что вы не прилетите, — сказала мать. — Как сказали про землетрясение, я так и решила: все, опять рейс отложат.

— О, я вам сейчас случай в аэропорту расскажу, как раз во время тряски! — обрадовался Грузин, но Глеб стиснул его локоть. — Ой! Ты чего щиплешься?

— Не отвлекай людей, они сто лет дочку не видели, — процедил Татарин. — Закругляемся уже.

— А, ну да, — согласился Боря. — Счастья, здоровья. Вика, пиши. Ну, мы пошли?

Вика оторвалась от мамы, улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Не забудьте окунуться...

— Да ты что! Первым же делом! Вот сейчас как...

Глеб утащил коллегу куда-то в недра аэропорта, а мама спросила:

— Куда вы все время окунаетесь?

— Это идиоматический оборот, мама. Означает — я тебя люблю. Держась за руки, они втроем вышли из аэропорта.

— Не дал попрощаться как следует, — ворчал Боря.

— У нас регистрацию на рейс вот-вот объявят, старый ты хрен! — заругался Глеб. — Ты за три месяца не мог попрощаться?

— Окунись в алебастр! — взмолился Боря. — У меня уже геморрой вылез, я помру в дороге!

— В поезде точно помрешь — больше недели ехать.

— Больше недели? — задумался Боря. — Целая бесконечность.

— Вот и я о том же. Гони монету!

Борю госпитализировали прямо в аэропорту Владивостока: за час до приземления у него открылось кровотечение. Когда его выносили из самолета, он слабым голосом спросил у Глеба:

— Ты меня навестишь?

— Я тебя три месяца подряд без перерыва наблюдаю! Обойдешься.

Но не прошло и двух дней, как Татарин прискакал в больницу ни свет ни заря.

— Боря! — орал он с улицы. — Боря! Они прислали!

Грузин спал. Его соседу по палате, который как раз лежал возле раскрытого окна, вскоре надоели эти вопли, и он растолкал Борю:

— Эй, капитан, просыпайся, там что-то прислали.

— Окунись в алебастр, я спать хочу.

— Да проснись ты, завтрак скоро!

— А? Чего прислали? Кто прислал? — проснулся Боря. — А, это ты... — и снова опустил голову на подушку.

— Змей с женою прислали! Яхту! — доносилось с улицы.

— Кто там орет спозаранку? — спросил капитан в подушку.

— Там какую-то яхту жена-змея прислала, — перевел сосед.

— Не жена-змея, а Змей с женой, — сказал Боря, не открывая глаз, потом сладко почмокал, перевернулся на другой бок и плотнее закутался в одеяло. И тут же подскочил, как ошпаренный, и выглянул в окно.

Под окнами прыгал Глеб и размахивал руками.

— «Ярославец» пригнали? — уточнил Боря.

— Да нет же, яхту! Такую же, которую на острове взорвали! На ней хоть в открытый океан можно! Нулевая!

— Вот ведь... — Боря отошел от окна, почесал щетину, а потом махнул рукой и пошел к двери.

— Ты куда, обход скоро! — предостерег сосед.

— Какой там обход, — отмахнулся Боря. — Приключения ждут!

16

О личном досмотре перед высылкой из страны вспоминать не хочется. Главный таможенник с целой бандой помощников перетряхивали, прощупывали, прозванивали весь наш багаж, а нас осмотрели тщательней, чем осматривают живой товар работоговцы на невольничьем рынке. Даже рентген сделали, чтобы, по выражению главного таможенника, мы не спрятали контрабанду в «складках местности». Макс, который нас сопровождал, громко возмущался, но остановить процедуру не мог.

Так бесславно окончилась наша история. Властелинами мира мы не стали, да и на управдома я сейчас вряд ли походил.

Я думал, уже в Шереметьево нас встретят красивые опрятные люди в умопомрачительных костюмах, как агенты из фильма «Матрица», увезут в застенки и долго будут пытаться, чтобы узнать, куда мы подевали артефакты. Что мне им ответить? Что петуха сломали, а барсука с мышью потеряли? Посмотрим, понимают ли они юмор.

Однако я прошел паспортный контроль, получил багаж, вышел на улицу, а встречающих все не было. Никто не перехватил

автобус, на котором мы с Юсей ехали из аэропорта. И в метро никто не обратил на нас внимания.

Кое-как добравшись до вокзала, вопреку и прокляв багаж, я опять выкупил в кассе целое купе, чтобы не зависеть от соседей. Денег осталось шиш да маленько. Что ж, за удобства надо платить. В Понпеях на сберкнижке, наверное, за три месяца пенсия накапала. Хотя и на одного меня, а все же с запасом. Буду обивать пороги, добьюсь, чтобы восстановили пенсию моему непутевому брату.

С каждым днем Юся глупел все больше и больше, мне приходилось все время быть начеку, чтобы он чего-нибудь не стащил, не сломал, не порвал. Закрывшись в купе, я испытал некоторое облегчение.

Я никак не мог понять, рад я, что возвращаюсь, или нет. Мне до чертиков надоели приключения, не в моем склочном характере приключаться. Но мне не хватало капитанов. Не хватало Лэйлы со Змеем. Даже Виксы надоедливой — и той не хватало... интересно, вернулась ли она?

Я скучал по людям. И больше всего — по Юсе. Если подумать как следует, он поступил единственно правильным образом. В любом случае предметы у нас кто-нибудь отобрал бы, у Мезальянца хоть правила какие-то были, а попадись мы тем головорезам, которые за нами в Понпеях пришли, — точно бы лежали бы сейчас неподалеку от дедушки и бабушки. Юся хотел спасти меня от меня же. Жаль только, я не остановил его, когда он избавлялся от петуха. Видимо, я оказался не сильно умнее своего брата.

— Не помешаю? — спросил нестарый, но уже седой мужчина, входя в наше купе.

Начинается. Одет мужчина был именно как агент Смит, разве что без очков и без наушника. Интересно, если я скажу, что помешает, он уйдет?

— Я в любом случае уйду до отправления поезда, — опередив мою реплику, сказал гость. — Ответ на один лишь вопрос: как Мезальянец сумел отнять у тебя артефакты?

— Здороваться надо, — уж что-что, а в бутылку я начинаю лезть без разгона. — И представляться.

— Извини, — сказал он, усевшись напротив. — Здравствуй, меня зовут полковник Свиридов.

— Вы из Конторы? Начальник Мезальянца? — догадался я.

— Не начальник. Скажем, его работодатель.

— У меня предметов уже нет, — на всякий случай предупредил я.

— Я знаю. Ты мне ответишь?

Свиридов не походил на пламенного дзержинца. Он был как главный инженер — под завязку набит задачами, которые надо решить вчера. Наверняка все шишки на него сыплются. Мне больше не хотелось хамить этому дядьке. Не потому, что он мог по шее дать. Просто надоело.

— Юся предметы отдал, без моего ведома, — кивнул я на брата. — Всех перехитрил, даже себя самого. Но если вы хотите узнать, куда делся Мезальянец...

— Не хочу, — ответил Свиридов. — Приоритеты сменились.

— Значит, мы свободны?

— Не смею задерживать.

— А... капитаны? Как они?

— Какие капитаны?

— Ну, Боря, Глеб.

— Которые из Владика? Не переживай, все с ними в порядке.

Свиридов встал, посмотрел на меня.

— А ты везучий, — сказал он. — Не знал бы, что артефакт везения в другом месте, подумал бы, что у тебя.

Ушел он не попрощавшись. Через минуту заскрипели тормоза, состав дернулся и начал постепенно набирать скорость. Из соседнего купе донеслось «Прощание славянки». Фирменный поезд «Малахит» отправлялся с третьего пути.

Надо же, и артефакт везения существует.

Всю дорогу я рассказывал Юсе сказки и стихи, которые знал, что-то придумывал сам, и хотя знал, что он меня абсолютно не понимает,

продолжал объяснять какие-то сложные места, которые, может, и сам не понимал. Зачем родители отправили детей в лес умирать? Почему семь богатырей так берегли царевну? Почему сказочник отвечал на все телефонные звонки? А Юся слушал меня и не перебивал, не пел цыганскую народную. Будто чувствовал себя виноватым.

Домой мы приехали поздно ночью. Вокзал уже функционировал, был полон народу. По счастью, никого из знакомых там не было. Правда, и транспорта никакого не было, даже частных. У нас после одиннадцати вечера вообще автобусы не ходят и такси не найти. Будто жизнь останавливается.

Дорога в город хоть и была освещена, но как-то неравномерно — через два-три столба, иногда — через четыре. Идти по такой темноте совершенно не хотелось, но и в зале ожидания всю ночь торчать тоже как-то не улыбалось.

— Давай прогуляемся, — предложил Юся.

— Давай, — тяжело вздохнул я.

Не думайте, будто я не удивился. Я не просто удивился, а буквально охренел от неожиданности и счастья. Я боялся спугнуть это полуночное чудо. Неужели Юся каким-то образом умудрился спрятать петуха в «складках местности»?

— Ты что, ни капельки не удивлен? — расстроился Юся.

— Окунись в алебастр, — сказал я. — Ты опять меня обманул.

— Я не нарочно, — сказал Юся. — Иначе бы с меня спросили по полной программе. И с мамы тоже. Что я, дурак?

— Окунись в алебастр! — рассердился я. — У нас могли найти предмет, и тогда точно нас всех за баней расстреляли бы.

— Какой предмет? — спросил Юся.

— Петуха.

— А он разве у тебя?

— У меня? Это ты с ним не расставался.

— Я его в унитаз спустил, ты же сам видел.

Я открыл рот.

— А как же тогда?..

— Сам не понимаю, — ответил Юся. — Но больше всего меня удивляет, как я умудрился идиота изобразить, чтобы все поверили.

— Потому что ты и есть идиот, — сказал я.

Идти мне стало так легко, будто половину усталости на себя взял Юся. Мы шли и обсуждали, как заявимся к тетке в собес и отчихвостим ее на двоих. Потом вспомнили, что деньги Мезальянца по-прежнему на книжке лежат и пенсия нам до балды. Мы теперь можем поменять нашу квартиру на такую же, только в доме с лифтом, ну или на первом этаже. Или вообще свой дом построить и пригласить в гости всех...

— Кажется, в нашей квартире кто-то поселился, — сказал я.

В наших окнах на четвертом этаже горел свет. Мы с Юсей вроде и не испугались — ну не воры же у нас там орудуют, у нас и воровать-то нечего. Но кто? Барбара вернулась? Мезальянец приехал отомстить?

— Есть только один способ проверить это, — сказал Юся.

Мы решительно прошли в подъезд.

Но чем выше мы поднимались, тем менее решительными становились. Помявшись на пороге, мы совсем уже собрались уйти, как меня осенило:

— Давай Викиного отца спросим? Вдруг поможет?

Викса подняла визг, увидев нас в дверях.

— Мальчики, какие вы молодцы, что вернулись! Мы ведь думали... ой!

Она достала мобильный телефон, что-то там быстро напечатала и отправила.

— Вика, спать пора! — прикрикнула на нее мать, хотя и сама находилась в каком-то радостно-возбужденном состоянии. — Ребятам домой пора.

— Так мы и это... — сказал я. — К нам, кажись, кто-то в квартиру забрался. Может, милицию?

В это время дверь за нашей спиной распахнулась. Мы оглянулись — и чуть не упали.

На пороге стояли Лэйла и Змей. В бабушкином халате и дедушкиной пижаме.

— Малтшики! — Лэйла крепко обняла нас за шеи. — Малтшики!

У меня слезы из глаз брызнули. Я не видел Юсю, но с его чувствительностью, думаю, он держался не крепче, чем я.

— Будте нашими детьми! — сказала Лэйла, поцеловав нас не менее ста раз. — Сокласные?

— В болезни и здравии, и пока смерть не разлучит нас, — сказали мы с Юсей в один голос.

— В алебастр! — заключил Змей.

Мы не стали рассказывать о том, что с нами произошло. Сейчас это было неважно. Возможно, потом. Когда-нибудь.

А сейчас мы просто были счастливы.

Эпилог

Каждое утро тетка отправляла их к морю, собирать милостыню.

Аллах милостив — бывает, чемодан с деньгами приплывет. Хотя чаще всего на отмель выбрасывало всякую ерунду, выброшенную людьми в море. Весь этот хлам Рифат и Кемаль складывали в тачку и везли домой, где тетка сортировала его на «что вы опять притащили, дети греха», «починим, подлатаем, дядя на рынке продаст» и «оставим себе, может, сгодится».

Чемодан денег был сладким сном, золотой мечтой. Дядя рассказывал, что еще во времена Ататюрка поймал на отмели этот самый чемодан и как хорошо они тогда жили. Чемодан этот до сих пор венчал кучу хлама с названием «оставим себе...», и перед тем, как уйти на промысел, ребята долго смотрели на эту развалину и горячо молились, чтобы хоть сегодня Аллах послал им такой же, наполненный долларами.

Однако сегодня все было не так. Ребят спасло то, что они не спали в эту ночь дома: тетка обещала прибить их за бутылку оливкового масла, которую они грохнули, гоняясь по двору за курицей.

Рифат сказал, что они дождутся, пока тетка ляжет спать, — и вернутся. Завтра-то она поболеет — с утра тетка всегда добрая.

Но завтра для тетки — и для дяди тоже — не наступило. Дом провалился под землю, вместе с ними, с курами, с кучами хлама, с дядиным мотороллером и огородом. Гора ночью треснула пополам, да с такой силой, что весь мир вздрогнул. Так братья остались без жилья, без еды и без единственных кормильцев.

В ужасе шарахаясь от падающих деревьев, они кинулись к морю, чтобы самим не провалиться в тартарары, но, на свое счастье, тропка, по которой они каждый день спускались на берег, тоже треснула. Расщелина не дала им бежать вперед, и отсюда, с высоты, они видели, как море наступает на город.

Едва рассвело, они нашли обход и вышли к морю. И сразу наткнулись на труп. И хотя труп мало походил на чемодан с деньгами, он все же мог подарить новую жизнь Рифату и Кемалю.

Ребята не были мародерами, они даже слова такого не знали, но как отказаться от того, что само приплыло тебе в руки? Этот ябанджи¹, видимо, оказался унесен в море. Одежда его, прямо скажем, ни на что уже не годилась, и туфля крокодиловой кожи была только одна. Ценных вещей в мертвце оказалось немного — пластиковая карта да украшение в виде какого-то зверя, сидящего на задних лапах.

— Две вещи, да нас двое, — сказал Кемаль. — Выбирай, что твое.

Рифат задумался. Украшение не похоже на золотое, золота он видел более чем достаточно — и настоящего, и фальшивого. Но, может, так выглядит платина? Или еще какой-нибудь дорогой металл? С другой стороны — карта. Может, на ней миллион долларов, а может, всего сто лир. К тому же у Рифата не было друзей, которые смогут взломать пароль. Насколько он знал, у Кемалья тоже, но если уж брат предложил выбор, то...

— Я возьму кулон.

— Э... — открыл рот Кемаль. Он был не очень умен, ему приходилось долго думать, прежде чем решить простейшую задачу. При таком недостатке иметь язык, который быстрее головы, —

---

¹Чужой (тур.)

большая проблема. Но в то же время Кемаль остро чувствовал справедливость и обмануть брата никак не мог. — Ладно, бери. Может, мне тоже повезет.

И аккуратно, чтобы не касаться мертвого тела, вытащил торчащую из кармана карточку.

Рифат мертвецов не боялся, но прикасаться брезговал.

— Приподними его, — попросил он брата. — А я уже сниму.

Кемаль кое-как ухватил покойника за шкурку и рванул вверх.

Вода хлынула изо рта и носа утопленника, и он начал кашлять.

— Он живой! — в ужасе закричал Рифат.

— Ура! — закричал Кемаль и уронил «покойника».

Пока утопленника выворачивало водой и желчью, Рифат и Кемаль смотрели на него, ожидая всего самого плохого. Отдышавшись, «труп» огляделся.

— Вы кто?

Говорил ябанджи на русском. Рифат знал немного русских слов, поэтому сказал:

— Мальчики! Братья!

Голубой и зеленый глаза незнакомца прояснились. Он переводил взгляд то на Кемалья, то на Рифата. Наконец, убедившись, что глаза его не обманывают, выдохнул:

— Вы что, тоже близнецы?

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

Родился в 1976 году в городе Брянске, однако зарегистрировано рождение было в поселке Дзержинский Люберецкого р-на Московской области. Закончил среднюю школу в поселке Тохтуево Соликамского района Пермской области, учился на филолога в Соликамском пединституте, но бросил на втором курсе.

После армии сменил несколько профессий, сейчас работает кузнецом на железной дороге. Член Союза писателей России с 2006 г. Первая публикация состоялась в 2000 году в журнале «Уральская новь». Регулярно публикуется в журналах «Октябрь» (Москва), «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург).

Лауреат Новой Пушкинской премии 2006 года за повесть «Спаситель Петрограда» в номинации «За новаторское развитие отечественных культурных традиций», «Бронзовая улитка» 2009 года за повесть «Глубокое бурение» и 2011 года за повесть «Высокое давление».

Женат, двое детей, живёт в городе Соликамск Пермского края.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Чувство юмора, чувство благодарности, щедрость.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Великодушие, смекалка, обязательность.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Нежность, сочувствие, целомудрие.

4. Ваше любимое занятие?

Общаться с друзьями.

5. Ваша главная черта?

Легкомысленность.

6. Ваша идея о счастье?

Жить тем, что есть.

7. Ваша идея о несчастье?

Жить тем, чего нет.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Оранжевый. Одуванчик.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Исполнителем песни «La bamba».

10. Где вам хотелось бы жить?

На дирижабле.

11. Ваши любимые писатели?

Пратчетт, Аверченко, Линдгрен, Ильф и Петров.

12. Ваши любимые поэты?

Пушкин, Бродский, Кальпиди.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Гончарова, Ларионов и Серебрякова, а так же супрематисты.
Моцарт, Бетховен, Бах, Прокофьев.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

Чревоугодие.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Карлсон, который живёт на крыше. Эдмон Дантес.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Берт Монро.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Ирена Сендлерова.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Пеппи Длинныйчулок, Женя Александрова.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Фруктовый салат, чай

20. Ваши любимые имена?

Светозар, Тимур, Алиса, Майя.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К подлости, воинствующему невежеству, к «уверенности сытой».

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Гитлер, Сталин.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Бодрюсь.

24. Ваше любимое изречение?

Веселись, а то ты уволен!

25. Ваше любимое слово?

Типа.

26. Ваше нелюбимое слово?

Не сейчас.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Бессмертие мне уже дано богом.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Прикольно получилось.

АВТОР О «ЦУНАМИ»

В вашей книге много событий происходит во время плавания на корабле. Приходилось ли вам самому так путешествовать?

В детстве и юности я очень любил турпоходы, в том числе — сплавы по рекам. Мне бы очень хотелось в какой-нибудь круиз по Атлантике или Тихому океану, но, увы, как-то не срывается :)

А акулу пробовали?

Бог миловал, акулу я не пробовал (и она меня тоже) :)

Ваш главный герой, хотя, точнее сказать, один из главных героев, Егор — готов отказаться от предметов. А вы отказались бы от какого-либо магического предмета, если бы он оказался у вас в руках?

Насколько я понимаю суть предметов — это что-то настолько высокотехнологическое, что их действие воспринимается как магия. Егор воспитан в атеистической семье, и он не верит в магию. Это невероятная технология, а Егор слишком человек, и способности без труда считает чуждыми людской природе. Недаром он сравнивает предмет с Кольцом Всевластия.

Я сам считаю предметы опасными игрушками. Всомогущество — даже в какой-то узкой области — не подразумевает ответственности. Мы видим это вокруг — люди, получившие власть, теряют связь с реальностью. Счастье Егора, что его так воспитали, иначе бы весь мир ожидали серьезнейшие потрясения.

Что касается меня, то я слишком поддаюсь искушению. Я бы не хотел проверять себя хоть каким-то предметом.

Страны, которые вы описываете, чистая фантазия или где-нибудь вам действительно приходилось бывать? Откуда такое знание Микронезии?

Как говорил Владимир Маяковский о поэзии — *«в грамм добыча, в годы труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»*. То же самое можно сказать и о прозе — перечитываешь кучу справочного материала, чтобы дать одну только деталь для правдоподобия. Кое-что смотрел по видео, кое-что — на фанатских сайтах, кое-что — в энциклопедии. В Париже и Вене я бывал сам. О Турции и о землетрясении там мне рассказала Лариса Бортникова, которой отдельное спасибо за консультации.

Главные герои — братья. И в книге очень тонко и трогательно расписаны их отношения. Вопрос, который напрашивается сам собой — а есть ли у вас брат?

У меня есть брат, но, боюсь, наши отношения даже близко не напоминают отношения братьев Кругловых. Их я выдумал от начала до конца.

Есть ли сокровища в Нан-Мадоле?

Я думаю, что он сам по себе сокровище.

Кто такой Первый?

Как говорят в американских фильмах — «вы ничего не докажете»! :) По большому счёту — это олицетворение власти, бездушной и пользующейся своим положением в достижении личных целей. Мой друг, некогда работавший в милиции, сказал однажды, что в милицию идут работать два типа людей: карьеристы и фанаты. Первый — карьерист. Ему противостоит фанат Свиридов.

Герои получились необычайно яркими — у них есть реальные прототипы?

В основном прототипы были у второстепенных персонажей, в частности — у капитанов. Всё же писать с натуры гораздо проще, чем выдумывать самому. А Кругловых я списывал с себя.

Книга получилась очень ироничная. Роман похож на очень талантливую пародию проекта, но возникает вопрос — ставили ли вы перед собой такую задачу или задорный и задиристый тон возник сам по себе?

Дочь Стивена Хилленберга, создателя Спанч Боба, написала ему «Веселись, или ты уволен». Это и мой девиз тоже. Какие бы грустные вещи не творились в мире, всегда можно найти смешные моменты. И я всегда стараюсь писать весело. Что касается пародии... я иронично отношусь и к проекту, и к своему в нём участию, но смеюсь я над всем и всеми, без исключения.

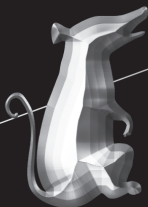
На всякий случай, если вдруг кто-то просмотрит ответы на вопросы до того, как прочитает роман, мы не будем раскрывать все тайны неожиданной концовки и спросим максимально осторожно — увидим ли мы братьев в следующей книге или нас ожидают совершенно новые герои?

Человек отличается от животного подвижностью мышления. Если муравьи строят муравейник — у них получится именно муравейник. У птиц — гнездо. У барсука — нора. А если человек начнёт шить костюм, у него в конце концов может получиться галстук или носовой платок. Не будем загадывать. Одно могу обещать — всё закончится хорошо.

Мы также верим в это!

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	3
Часть 1	
Предпоследний день Понпеев.....	7
Часть 2	
Восьмой с половиной вал.....	91
Часть 3	
Возвращение блудного брата.....	170

Тени

Имя

Фамилия

Время действия

Возраст

Адрес

Локация

Предмет

Дар

Сайт

Ян

Ван

1999 год н.э.

23 года

Франкфурт-на-Майне, Остендштрассе, дом 28

Музей волшебных фигур Гюнтера Фальца

Опоссум

Отвлечение

www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Правжская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Правжский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тулъская», ул. Большая Тулъская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Уютжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Алексей Лукьянов

Цунами

Книга первая

Сотрясатели земли

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Полина Волошина

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Корректор Майяна Аркадова

Арт-директор Алексей Гонтов

Арт-концепт Алексей Маслов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «ЭтногенеЗ»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 11.01.12 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11.8 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32